ISSN 2500-347X

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2019 3 (836)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

3

выпуск 836

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

3

Issue 836

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор философских наук, профессор ***И. К. Харичкин***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф.
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф.
А. дель Валье Галвес, д-р юрид. наук, проф.
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф.
Гомес М. К., проф. лингвистики
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Дудик Н. А., канд. филол. наук
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф.
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф.
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф.
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф.
Краева И. А., канд. филол. наук, проф.
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф.
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф.
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф.
Милитосян Л. Х., канд. пед. наук, доц.
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф.
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф.
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф.
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф.
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф.
Убин И. И., д-р филол. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Касюк А. Я.
доктор исторических наук, профессор
(*ответственный редактор*)

Беблер А.
доктор социологических наук, профессор
Белозеров В. К.
доктор политических наук, профессор
Брега А. В.
доктор политических наук, профессор
Пророкович Д.
доктор политических наук
Ивашов Л. Г.
доктор исторических наук
Кемаль Оглу И.
доктор исторических наук, доцент
Киселёв С. Г.
доктор философских наук, профессор
Колесников А. А.
доктор исторических наук, профессор
Лапшов В. А.
доктор социологических наук, профессор
Образцов И. В.
доктор социологических наук, профессор
Плоских В. М.
доктор политических наук, профессор
Примаков В. Л.
доктор социологических наук, профессор
Саблуков А. В.
доктор социологических наук, доцент
Сидорова Г. М.
доктор политических наук, доцент
Хазанов А. М.
доктор политических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абаев Л. Ч., Вавилов А. И.

ИГИЛ: опасность реинкарнации 9

Агабабов А. Р.

Миграционные процессы как объективная реальность первой половины XXI века 20

Дюрре Мехмет Эмин Икбаль

Франция и курдская проблема в XXI веке 31

Знаменский Д. Ю.

Государственная политика РФ в области науки и технологий: анализ программных установок ведущих политических партий 50

Минин Е. М.

Некоторые сценарии будущего развития европейского региона 66

Мчедлова М. М., Кашаф Ш. Р.

Государственно-конфессиональная политика и укрепление общероссийской идентичности: пример исламского образования 82

Рукавицын П. М.

Альтернатива для Германии: реальная угроза справа? 102

Синчук Ю. В., Соловьев В. Ф.

Основа национальной безопасности России 112

Спицын А. Г.

Ядерная программа и внешняя политика Аргентины 124

Торопчин Г. В.

Ядерная проблематика в повестке международных организаций Азиатско-Тихоокеанского региона 137

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Касюк А. Я.

Информационное противоборство: генезис и первые шаги 157

Пономарева И. Г.

Терминология древнерусских служебных отношений 173

Синчук Ю. В.

История становления современного геополитического пространства 191

Соловьёв В. А., Мехиас Алексис

Становление и развитие агентства «Пренса Латина» («Prensa Latina») в условиях активного противодействия правящих кругов США 201

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Обирин А. И.

Сети поддержки в городах Дальнего Востока 213

Примаков В. Л.

Медиатизация как теоретический концепт 221

Сальников А. В.

Стиль управления социальными процессами 239

Терешонок Т. А.

Социологическое сопровождение учебного и воспитательного процесса курсантов высших военных учебных заведений России 249

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

Abaev L. Ch., Vavilov A. I.
DAESH: the Threat of Incarnation 9

Agababov A. R.
Migration Processes
as the Reality of the First Half of the 21st Century 20

Dyurre Mehmet Amin Ikbal
France and Kurdish Problem in the 21st Century 31

Znamenskiy D. Yu.
Russian Public Policy at the Sphere of Science and Technologies:
Analysis of Program Goals of Key Political Parties 50

Minin Eu. M.
Some Scenarios for the Future Development of European Region 66

Mchedlova M. M., Kashaf S. R.
Towards the Enhancing the Russian National Identity
in the Context of the Confessional Policy of the Russian State:
the Example of Islamic Education 82

Rukavitsyn P. M.
Is Alternative for Germany a Credible Threat
from the Right? 102

Sinchuk J. V., Soloviev V. F.
Basis of National Security of Russia 112

Spitsyn A. G.
Nuclear Energy and Foreign Policy of Argentina 124

Toropchin G. V.
Nuclear Agenda of the International Organisations
in the Asia-Pacific Region 137

HISTORICAL SCIENCES

Kasyuk A. Y.
Informational Confrontation: Genesis and First Steps 157

Ponomareva I. G.
Terminology of Old Russian Vassal Relations 173

Sinchuk Ju. V.
History of Formation of Modern Geopolitical Space 191

Solovyov V. A., Alexis Mejias
The Establishment and Development of the Prensa Latina Agency
in the Face of Intense Opposition from the U.S. Ruling Circles 201

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Obirin A. I.
Networks of Support are in the Cities of Far East 213

Primakov V. L.
Mediatization as a Theoretical Concept 221

Salnikov A. V.
Style Management of Social Processes 239

Tereshonok T. A.
Sociological Support of the Educational and Entire Process
of Cadets of Higher Military Educational Institutions 249

УДК 329.14 (430)

Л. Ч. Абаев, А. И. Вавилов

Абаев Л. Ч., доктор технических наук, профессор кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: abaev_lev@mail.ru

Вавилов А. И., доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: maryandre@yandex

ИГИЛ[1]: ОПАСНОСТЬ РЕИНКАРНАЦИИ

В статье рассматривается угроза возрождения ИГИЛ и других террористических группировок на Ближнем Востоке, сохраняющаяся, несмотря на победы сирийских войск при эффективном содействии российских ВКС в борьбе с ними, отмечается настоятельная необходимость объединения сил мирового сообщества в противостоянии террористической опасности.

Ключевые слова: территориальные потери ИГИЛ; стремление его вожаков к возрождению; последовательная линия России в антитеррористической борьбе; стремление США и их партнеров закрепиться в САР и навязать сирийцам свои рецепты дальнейшего развития.

L. Ch. Abaev, A. I. Vavilov

Abaev L. Ch., Doctor of Technical Sciences, Professor,
Department of Political Science, Institute of International Relations
and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University;
e-mail: abaev_lev@mail.ru

Vavilov A. I., Doctor of History (Dr. habil.), Professor,
Professor at the Department of Theory and History of International Relations,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences,
Moscow State Linguistic University; e-mail: maryandre@yandex

[1] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

CC BY

DAESH: THE THREAT OF INCARNATION

The authors in their article observe the threat of incarnation of DAESH and other terrorist groups in the Middle East in spite of the gains of the Syrian troops with the effective assistance of the Russian air forces, the urgent necessity of combining efforts of the international community against them, aspirations of the US and its partners to fix their positions in the SAR and to thrust on Syrians their recipes of further development.

Key words: the threat of incarnation of DAESH and other terrorist groups in the Middle East; the logical policy of Russia in the antiterrorist struggle; the urgent necessity of combining efforts of the international community against terrorists.

Введение

К осени 2019 г. сирийские войска при активном содействии российских ВКС нанесли сокрушительный удар по бандам ИГИЛ, лишив замышлявшийся его вожаками «халифат» территориальной основы. В САР остался лишь один крупный очаг экстремистского сопротивления – провинция Идлиб, где, при попустительстве американцев и их западных партнеров, тысячи боевиков продолжали смертоносные и разрушительные вылазки против мирного населения и правительственных сил. Несмотря на достигнутые кардинальные успехи в Сирии, а также в соседнем Ираке в борьбе с террористической угрозой, опасность возрождения и реинкарнации ИГИЛ занимает актуальное место в повестке дня международной жизни.

Основная часть

По оценке Контртеррористического управления ООН, по состоянию на февраль 2019 г. в Ираке и Сирии находилось от 14 до 18 тыс. боевиков ИГИЛ [Об изменениях в военно-политической обстановке … 2019]. В Сирии в подконтрольных США «серых зонах» за Евфратом оставались, в том числе под видом беженцев, 2-3 тыс. боевиков, в основном из Западной Европы и стран СНГ. Против них никаких расследований не проводилось и депортировать их в страны происхождения американцы не намеривались. Да и само наличие воинских контингентов иностранных покровителей в этих зонах подкрепляло надежды боевиков на реванш в борьбе с законными властями Сирии.

Воодушевляющим для боевиков должно было стать послание их вожака А. Б. аль-Багдади или его прокси (к тому времени в СМИ

появились сообщения о его тяжелом ранении), переданное по информационным каналам ИГИЛ в конце августа 2018 г. Почти в часовом выступлении он заявил, что «благословляет “отважных львов”, сражающихся в немусульманском мире – в Канаде, Европе, других регионах». «Халиф» поблагодарил их «за хорошую работу, которой они поддерживают братьев-мусульман». В послании отмечалось, что «сторонники халифата будут идти по пятам неверных, убивая их всевозможными способами» (*EuroNews. 23.08.18*).

В конце апреля 2019 г. в мировое медиапространство была «вброшена» новая видеопроповедь «халифа», в которой тот, вопреки сообщениям в СМИ, в добром здравии и бодром расположении духа, пообещал Западу отомстить за всех «павших героев» в долгой и глобальной борьбе. Американские спецслужбы признали подлинность этой видеозаписи с А. Б. аль-Багдади, о тяжелых ранениях и гибели которого они неоднократно сообщали в недавнем прошлом (*Le Monde. 30.04.19*). В августе 2019 г. они также развенчали триумфальные заявления Пентагона о «сокрушительной победе над ИГИЛ», предупредив о его начавшемся «возрождении» и подготовке к новым преступным деяниям (*Asharq Alawsat. 07.08.19*).

«Реанимации» мирового терроризма не помешало и объявление Президентом США Д. Трампом в середине сентября 2019 г. о ликвидации американскими спецслужбами Хамзы бен Ладена – сына и продолжателя дела своего отца – вожака «Аль-Каиды», отвечавшего за планирование и координацию действий с разными террористическими группировками (*РИАН. 14.09.19*).

«На фоне военных и территориальных потерь, – заявил постпред РФ при ООН В. А. Небензя на одном из заседаний СБ ООН, – подрыва экономической инфраструктуры, ослабления пропагандистских центров и деморализации боевиков (к осени 2019 г. совместными усилиями сирийских войск и ВКС России было освобождено более 1,4 тыс. населенных пунктов, более 1,5 млн сирийских беженцев и временно перемещенных лиц вернулись домой) руководство группировки (ИГИЛ) ищет любые возможности, чтобы сохранить свое влияние. «Вавилонская башня» мирового террора развалилась на части, однако ячейки ИГИЛ продолжают говорить на одном языке и успешно координируются между собой». Более того, он подчеркнул, что группировка по-прежнему получала средства от внешних спонсоров,

действовавших под прикрытием благотворительных фондов, религиозных организаций и других неправительственных структур, а также сочувствовавших экстремистам «благотворителей-одиночек». При этом активно использовались электронные платежные системы и криптовалюты.

«Самая сложная сейчас задача, – отметил замминистра иностранных дел РФ В. В. Сыромолотов, – возвращение террористов-боевиков из района Ближнего Востока, прежде всего, из Сирии и Ирака. Они “растекаются” и по Европе». По его данным, за последние годы туда вернулись около 2 тыс. боевиков (*ТАСС. 09.09.19*).

Другим направлением «перетекания» боевиков стал Афганистан. Как сообщил Секретарь Совета Безопасности РФ Н. П. Патрушев, боевики ИГИЛ стали, в частности, укрепляться и формировать опорную базу в Северном Афганистане, где к апрелю 2018 г. их уже насчитывалось порядка 10 тысяч, многие из которых были центральноазиатского происхождения (*Интерфакс. 17.04.18*). По данным начальника объединенного штаба ОДКБ А.А. Сидорова, только с января по сентябрь 2018 г. в афгано-пакистанскую зону из Сирии перебрались более 2,5 тыс. членов ИГИЛ (*РИАН. 20.09.18*). К маю 2019 г., по данным Н. П. Патрушева, в одном Афганистане насчитывалось от 2,5 до 4 тыс. боевиков, ассоциировавших себя с ИГИЛ (*ТАСС. 15.05.19*). Как сообщил председатель Национального антитеррористического комитета РФ, директор ФСБ РФ А. В. Бортников, к концу мая 2019 г. на севере Афганистана у границ государств СНГ было сосредоточено около 5 тыс. членов бандформирований (*ТАСС. 21.05.19*).

Оттуда они могли «просачиваться» в Центральную Азию, Россию, Иран, Китай и Индию для реализации при явном попустительстве, а иногда и прямой поддержке внешних и местных спонсоров своих деструктивных замыслов в духе пресловутой идеологии «халифата».

В декабре 2017 г. СБ ООН единогласно принял Резолюцию по борьбе с возвращавшимися или мигрировавшими иностранными террористами-боевиками, вводившую дополнительные обязательства для государств-членов по использованию различных систем обмена информацией об экстремистах и их перемещениях (*РИАН. 22.12.17*).

Несмотря на это, в Москве подозревали США и НАТО в причастности к просачиванию экстремистов в Афганистан. Террористы и вооружение для них, по многочисленным свидетельствам очевидцев,

зачастую перебрасывались по территории ИРА на вертолетах без опознавательных знаков. «В условиях полного контроля над афганским небом со стороны США и НАТО, – резонно отметил в этой связи спецпредставитель Президента РФ по Афганистану, директор Второго департамента Азии МИД РФ З. Н. Кабулов, – есть все основания считать их причастными или, как минимум, не препятствующими таким полетам, несмотря на то, что в Вашингтоне и Брюсселе это отрицают» (*ТАСС. 08.02.18*).

Благодаря сотрудничеству спецслужб стран СНГ, ОДКБ и ШОС, многие из «возвращенцев» из Сирии в страны исхода, готовившие новые теракты, раскрывались и задерживались. По данным А. В. Бортникова, такое взаимодействие позволило в течение года выявить восемь террористических ячеек и задержать более 100 их участников (*ТАСС. 21.05.19*). Только в Южном федеральном округе РФ за год к концу июня 2019 г. было выявлено более 50 пособников ИГИЛ (*Интерфакс. 24.06.19*).

В середине июля 2019 г. российские спецслужбы обезвредили ячейку ИГИЛ в Ростовской области, планировавшую взрывы в общественных местах (*Россия 1. 14.07.19*).Через полмесяца были задержаны два россиянина – сторонника ИГ, готовивших теракт на одном из объектов инфраструктуры Татарстана (*Интерфакс. 31.07.19*). Тогда же спецслужбы ликвидировали в Ингушетии экстремиста, создавшего «спящую» ячейку и готовившего теракт перед отъездом в Сирию, чтобы присоединиться к ИГИЛ (*РИАН. 07.08.19*). В середине августа 2019 г. выездная коллегия Дальневосточного окружного военного суда признала жителя Томской области виновным в пособничестве ИГИЛ (финансирование этой организации, привлечение студентов томских вузов к выезду из России для участия в боевых действиях террористов) и приговорила его к 10 годам колонии строгого режима (*РИАН. 16.08.19*).

В мае 2019 г. МВД Таджикистана сообщило, что 17 из 29 убитых при попытке к бегству из колонии г. Вахдат заключенных были членами ИГИЛ (*Интерфакс. 20.05.19*). А в июне к длительным срокам тюремного заключения были приговорены двое боевиков ИГИЛ, готовившихся взрывать сотрудников силовых структур (*РИАН. 17.06.19*).

В Казахстане из 200 граждан, вывезенных из Сирии, 20 человек, были арестованы по подозрению в причастности к ИГИЛ (*РИАН.*

13.05.19). Всего же в республике за преступления, связанные с терроризмом и религиозным экстремизмом, к концу июня 2019 г. были осуждены и отбывали наказание 662 человека (*Интерфакс. 27.06.19*).

По сообщениям узбекских СМИ, в июне 2019 г. в зоне боевых действий на Ближнем Востоке, в том числе на территории Сирии, находились до 3 тыс. граждан Узбекистана (*Интерфакс. 10.06.19*).

Позитивную роль в противодействии «расползанию» терроризма играло, несмотря на политизированные ограничения, сотрудничество спецслужб различных стран, подвергавшихся угрозам экстремистских атак. Во второй половине декабря 2017 г. В. В. Путин, к примеру, поблагодарил Д. Трампа за информацию от ЦРУ, которая помогла задержать террористов, готовивших взрывы в Казанском соборе Санкт-Петербурга и других людных местах города на Неве (*Россия I. 18.12.17*).

Для предотвращения и отслеживания инфильтрации экстремистов ФСБ России создало Международный банк данных по противодействию терроризму, участниками которого стали свыше 40 спецслужб из 35 стран, в том числе и мусульманских, Интерпол, Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН, региональная антитеррористическая структура ШОС (*ТАСС. 17.07.19*).

После того, как террористов лишили возможности получать прибыль от торговли нефтью, они сконцентрировались на других источниках: спекулировали на фондовых биржах, активно вкладывались в туристический бизнес и сельское хозяйство и пытались инвестировать в другие легальные секторы экономики некоторых стран, боролись за контроль над наркопотоками.

Не отказывались экстремисты и от прежних методов наживы. Бандформирования, господствовавшие на севере Сирии, по примеру своих подельников в Пальмире разграбили одну из жемчужин эллинистическо-римской цивилизации – город Апамею, развалины которого находились рядом со средневековой крепостью Калаат аль-Мудик. Они вывезли в Турцию для продажи контрабандистам древние колонны, фрагменты мозаичных панно, статуи и барельефы (*ТАСС. 28.05.17*).

В результате к концу марта 2019 г., по данным ООН, игиловцы располагали от 50 до 300 млн долл. США для финансирования подрывной деятельности своих разбросанных по всему миру ячеек (*Le Monde. 23.03.19*).

Продолжалась и «подпитка» экстремистов вооружениями извне, в том числе через полулегальные структуры или даже под покровительством спецслужб отдельных стран. В связи с этим говорить о полной победе над террористами, которую коалиционеры под предводительством США, по своему обыкновению, полностью приписали себе, было пока рановато.

В рассмотренном в августе 2018 г. на заседании СБ ООН очередном докладе ее Генсека об угрозе ИГИЛ, отмечалось, что численность его боевиков в Ираке и Сирии, несмотря на понесенные серьезные потери, достигала более 20 тысяч. Еще столько же находилось под арестом в лагерях в Сирии и Ираке, они представляли потенциальную угрозу. Организация трансформировалась в подпольную глобальную сеть с «ослабленным, но живучим ядром в Ираке и Сирии и региональными филиалами на Ближнем Востоке, в Африке и Азии. В докладе особо подчеркивалось, что сложную проблему представляло возвращение и переселение иностранных боевиков-террористов и членов их семей» (*РИАН. 24.08.18*). Серьезное беспокойство в Москве в этой связи вызывала инфильтрация боевиков из Идлиба в Ливию.

Как отметил в конце мая 2019 г. А. В. Бортников, «несмотря на значительные потери в Сирии и Ираке, международным террористическим организациям, в том числе при поддержке зарубежных спонсоров, удалось сохранить ресурсную базу, достаточную для совершения нападений по всему миру». По его словам, «внедряясь в диаспоры и землячества, террористы создают законспирированные ячейки, активно ведут вербовку и идеологическую обработку новых сторонников, в первую очередь из среды социально неустроенной молодежи и мигрантов, обучают их методам террористической деятельности. Также нам известно о намерениях главарей международных террористических организаций использовать в своих целях вдов, жён и детей боевиков, массово возвращающихся в страны исхода» (*Интерфакс. 21.05.19*).

По данным ФСБ РФ, к апрелю 2017 г. к радикальным исламистам в общей сложности примкнули 7000 граждан бывших советских республик и России, из которой были завербованы 2900 новобранцев джигада (*EuroNews. 04.04.17*).

На руку экстремистам в рекрутировании всё новых и новых сторонников играло и расширявшееся обеднение, а с ним и рост

недовольства арабского населения, 40 % которого, по данным ООН, жили на 2,75 долл. США в день (*The Arab News. 20.08.19*).

В результате они наращивали силы в Сирии и Ираке. Как сообщила *The New York Times* во второй половине августа 2019 г. со ссылкой на военные и разведывательные источники в США и Ираке, игиловцы активно привлекали в свои ряды новых пособников из числа беженцев, находившихся в палаточных лагерях. По данным газеты, таким образом они подготовили около 18 тыс. боевиков, которые осуществляли снайперские атаки, похищения людей, убивали сотрудников сил безопасности и общественных деятелей (*ТАСС. 20.08.19*).

По данным ФСБ РФ, террористы располагали материалами, технологиями и инфраструктурой для производства химоружия и беспилотниками для его доставки (*РИАН. 21.05.19*). Подбирались они и к цифровым технологиям, которые по своим последствиям могли быть сопоставимы с применением оружия массового уничтожения.

Оценки Москвы коррелировались с подходами Дамаска. Открывая в конце мая 2019 г. в сирийской столице Международный исламский центр по борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом, Президент САР Б. Асад заявил перед мусульманскими богословами: «Это – важная площадка для противодействия распространению экстремистской идеологии, питающей терроризм, и защиты подлинных ценностей ислама. Война стала уроком для всех нас, и мы должны сделать выводы и не допустить ее повторения» (*ТАСС. 21.05.19*).

В связи с такой живучестью терроризма в Москве было принято решение сохранить военное присутствие в Сирии. Во время «прямой линии» с гражданами России 7 июня 2018 г. Президент РФ В. В. Путин сообщил, что к тому времени российские военные уже не участвовали в полномасштабных боевых действиях и не строили долгосрочных сооружений. «Наши военные, – заявил он, – находятся там, чтобы обеспечить интересы России в этом жизненно-важном регионе мира, близком очень от нас, и они будут там находиться до тех пор, пока это выгодно России». При этом он отметил, что российская армия и специалисты военных предприятий накопили в САР уникальный боевой опыт, который нельзя было получить ни в каких других условиях (*Первый канал. 07.06.18*). Как сообщили в Управлении строительства и развития системы применения беспилотных летательных

аппаратов Генштаба ВС РФ, одни дроны провели в сирийском небе более 140 тыс. часов, круглосуточно мониторя наземную боевую обстановку (*Интерфакс. 06.07.18*).

При этом шло постепенное сокращение российского военного присутствия в Сирии, к концу июня 2018 г. оттуда были выведены некоторые подразделения военной полиции, эффективно контролировавшие режим прекращения боевых действий в зонах деэскалации и надежно обеспечивавшие безопасность мирного населения. Тогда же на аэродромы базирования вернулись 30 российских боевых летательных аппаратов.

Конструктивный подход Москвы нашел полное понимание в Дамаске. «Вооруженные силы РФ, – убежденно заявил Б. Асад, – важны для баланса в нашем регионе, по крайней мере, на Ближнем Востоке, до тех пор, пока не изменится политическое равновесие в мире» (*РИАН. 25.07.18*).

Учитывая сохранявшуюся террористическую угрозу, Россия на международной арене активно продолжала линию на сплочение всех антиэкстремистских сил. Как показывала практика, одних акций на государственном уровне, по линии спецслужб и разведывательных структур в этой важной сфере было явно недостаточно. Поэтому Москва выступила за ответственное подключение к борьбе против террористической угрозы гражданского общества и СМИ и выдвинула концепт добровольных контрэкстремистских самоограничений в СМИ и для официальных лиц (*ТАСС. 25.03.19*).

«Одним из главных приоритетов организации, – заявил В. В. Путин на саммите ШОС в Бишкеке в середине июня 2019 г., – остается борьба с терроризмом и экстремизмом. Считаем важным наращивать сотрудничество в рамках региональной антитеррористической структуры ШОС, блокировать финансовую подпитку террористов за счёт доходов от наркотрафика, делать все, чтобы не допустить попадания в их руки химического, биологического и иных видов оружия массового уничтожения. Россия также выступает за тесную совместную работу со странами – участницами организации в пресечении пропаганды идей терроризма и экстремизма в сети Интернет и использования информационно-коммуникационных технологий в преступных целях <…>. Сейчас первоочередная задача – обеспечить полную ликвидацию сохраняющихся в Сирии

террористических очагов, прежде всего в Идлибе, параллельно наращивать объемы гуманитарной помощи и содействия экономическому восстановлению Сирии со стороны международного сообщества» (*Россия 1. 14.06.19*).

В то же время Россия не сворачивала интенсивный диалог с США по сирийской проблематике, однако, как отметил замминистра иностранных дел С. А. Рябков, американцы всё больше демонстрировали склонность «заниматься только теми форматами и теми механизмами и участвовать только в тех мероприятиях многостороннего характера, где они либо полностью доминируют, либо абсолютно задают тональность проводимой работы <…>. Независимо от вопросов, находящихся на рассмотрении, США совершенно не терпят альтернативных взглядов. Они очень любят, чтобы сейчас, по крайней мере, в нынешних условиях, чтобы все им только подпевали, поддакивали и подсказывали, как лучше реализовать то, что и так составляет суть американской позиции. Это ненормальная ситуация, и она ведет к усилению внутренних напряжений в международной системе и негативно сказывается на возможностях коллективно решать проблемы, которые нельзя решить узкоформатно» (*РИАН. 17.06.18*).

Действуя в таком ключе, США вели дело к долговременному закреплению своего незаконного присутствия на территории Сирии, чтобы навязать сирийцам свои рецепты дальнейшего развития.

Заключение

События в многострадальной Сирии и вокруг нее убедительно свидетельствуют о правильности и обоснованности курса России на бескомпромиссную борьбу с международным терроризмом и экстремизмом. Сохраняющаяся опасность реинкарнации ИГИЛ и других террористических группировок диктует необходимость объединения усилий мирового сообщества против такой угрозы. В большой и многотрудной борьбе с ней не должно быть двойных подходов и своекорыстных замыслов, фальшивого деления экстремистов на «плохих» и «хороших». Ее надо вести твердо и решительно в интересах обеспечения мира и стабильности не только в геостратегически важном регионе Ближнего Востока, но и в мире в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (11–17 марта 2019 года). 18.03.2019. URL : www.iimes.ru/?p=54291.

REFERENCES

Ob izmenenijah v voenno-politicheskoj obstanovke na Blizhnem Vostoke i v Severnoj Afrike (11–17 marta 2019 goda). 18.03.2019. URL : www.iimes.ru/?p=54291.

УДК 325.2

А. Р. Агабабов

аспирант РАНХиГС при Президенте РФ,
заместитель руководителя Представительства Орловской области
при Правительстве Российской Федерации, действительный государственный
советник Орловской области 3-го класса; e-mail: aagababov@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XXI ВЕКА

В статье рассматривается один из актуальных вопросов современности – проблема миграции в Европу из стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки; делается акцент на миграционной политике европейских стран, а также проблемах, связанных с масштабными потоками беженцев в Европу. Для решения поставленных задач были использованы методы эмпирической политологии, ивент-анализа, позволившие выявить закономерности миграций в Европу и противоречия, с которыми столкнулись власти европейских стран в проводимой ими либеральной политике в отношении мигрантов.

Ключевые слова: миграционные процессы; беженцы; страны Ближнего и Среднего Востока; Северная Африка; Евросоюз.

A. R. Agababov

Postgraduate in RANEPA under the President of the Russian Federation;
Deputy head of the representative office of the Oryol region
for the Government of the Russian Federation; e-mail: aagababov@mail.ru

MIGRATION PROCESSES AS THE REALITY OF THE FIRST HALF OF THE 21ST CENTURY

This article touches upon one of the current issues – the issue of migration flows to Europe from the countries of the Middle East and North Africa; places the emphasis on the migration policy of the European countries and the challenges connected with large-scale flows of refugees to Europe. To accomplish the objectives were used the methods of empirical political science and an event analysis, which allowed to reveal regularities of migration flows to Europe and contradictions that the authorities of the European countries faced as the result of the pursuit of their liberal migration policy.

Key words: migration processes; refugees; countries of the Middle East; North Africa; the European Union.

Введение

Военно-политические и этнические конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, а также революционные события в Северной

CC BY

Африке, спровоцировали массовые потоки беженцев в Западную Европу, где в 2019 г. насчитывалось уже около 2 млн человек. Люди вынуждены покидать места постоянного проживания, чтобы спасти себя и семью от неминуемого уничтожения. Это в основном выходцы из таких стран, как Ливия, Ирак, Сирия, Афганистан.

В последнее время хлынувший в Европу неконтролируемый миграционный поток подверг испытанию на прочность европейские страны. «Миграционный коллапс» обострил их социально-экономические и политические противоречия, стал реальной угрозой безопасности [Трансграничные миграции 2009]. Страны Евросоюза, забыв о солидарности, стали больше обращать внимания на национальную безопасность. Так, канцлер Германии А. Меркель подвергла сомнению планы по ассимиляции беженцев и их участию в общественной и экономической жизни Германии. Летом 2017 г. разразился грандиозный скандал между Австрией и Италией, приведшей чуть ли не к разрыву дипломатических отношений. Австрийское правительство сделало заявление о том, что собирается ужесточить контроль на границе с Италией и двинуть бронетехнику. Министр обороны Австрии Ханс Петр Доскозил планировал усилить воинскими подразделениями пограничные переходы, поскольку один из основных маршрутов проникновения нелегальных мигрантов в Центральную Европу проходит через Италию. В тот период министр иностранных дел Австрии Себастьян Курц заявил о готовности защитить страну от потоков нелегалов вооруженным путем. Это заявление пришлось не по нраву итальянскому правительству, поскольку вследствие закрытия границы с Италией там могут осесть сотни тысяч беженцев, что неминуемо привело бы к дестабилизации ситуации в стране и значительным материальным затратам. В первую половину 2017 г. в Италию прибыло на 20 % беженцев больше, чем за аналогичный период 2016 г. – около 85 тыс. человек. Всего же за этот период по итальянскому маршруту в Европу прошло свыше 100 тыс. нелегалов, а по некоторым данным, там осело более 2 млн. Эта масса людей совершенно другой культуры, менталитета, образа жизни, вероисповедания, нежелающая принимать традиции и законы стран-реципиентов, как правило, живет в обособленных диаспорах и не намерена адаптироваться к новым европейским реалиям, что вызывает откровенную неприязнь среди коренного населения [Laurent 2018].

Европейские политики, находящиеся в состоянии «грогги» (шоковое состояние в боксерском поединке. – *А. А.*), не представляют, как справиться с этой гуманитарной катастрофой, возникшей в начале XXI в. [Rehov 2018]. Есть возможности жесткого силового решения, но это не вписывается в моральные рамки и критерии европейского толерантного общества. В связи с этим внутри ЕС наблюдаются сильные центробежные тенденции, которые могут «раскачать» это содружество и привести к его распаду. Венгрия отказалась принимать беженцев, а ее руководители заявили, что будут пресекать и даже ликвидировать нелегально пересекающих границу. Брюссель практически отказался разработать и согласовать общую миграционную политику и предпочитает решать этот вопрос на национальном уровне, что неминуемо приведет к распаду Шенгенского соглашения и усилит политическую нестабильность в странах ЕС.

В Европе с постоянной периодичностью совершаются массовые кровавые террористические акты. Достаточно только вспомнить террористический акт в редакции журнала Charlie Hebdo, а также нападения во Франции с 1 по 9 января 2015 г., когда погибли 17 человек; события в новогоднюю ночь в городе Кельне, когда толпа озверевших от избытка тестостерона молодых мусульман насиловала немецких женщин. Возрастной состав мужчин – мигрантов – это от 22 до 45 лет, т. е. в самом репродуктивном возрасте. Коренное население Европы устало от засилья в городах огромного числа людей, не принимающих культурные и цивилизационные традиции, приютивших их стран – Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Нидерландов, Франции, Швейцарии, Швеции.

Великобритания открыто заявляет о том, что не намерена принимать беженцев с Ближнего Востока в своей стране. Такой же позиции придерживаются Чехия, Польша. Причинами нынешнего миграционного коллапса стали события «арабской весны», прокатившиеся по странам Ближнего Востока; распад государственности Ливии и Ирака и создания на их «обломках» квазигосударств; спровоцированная Соединенными Штатами Гражданская война в Сирии. Всё это вписывается в доктрину «Управления хаосом» Стивена Манна. В этом контексте хотелось бы вспомнить крайне циничное и откровенное признание президента американской корпорации «General Motors» Чарльза Вильсона: «Я привык считать то, что хорошо для нашей страны, хорошо и для “General Motors”, и наоборот» [Вильсон 1953].

Кризисные явления в Евросоюзе привели к росту националистических настроений среди населения и подъему авторитета ультраправых партий. Либеральная идея, благодаря недальновидной политике европейских лидеров терпит полное фиаско, что наглядно продемонстрировали выборы в Австрии, Голландии, Германии [Penlou 2018]. Партия А. Меркель набрала 33 %, Социал-демократическая партия Германии – 21 %, а ультраправые – 14 %, что крайне опасно для европейской демократии. Более того, над Европой нависла новая угроза безопасности – неконтролируемая миграция из Украины, которую она сама же и спровоцировала. Брюссель видит решение вопросов миграционного кризиса в ассимиляции мигрантов в европейское мультикультурное общество, принятие ими европейских моральных ценностей и критериев. Однако заметных позитивных тенденций в этих сложнейших вопросах и вызовах начала XXI в. не наблюдается [Зенченко 2013]. В этом прекрасно отдают себе отчет лидеры ЕС, однако они являются заложниками своей политики либерализма и толерантности. Глава МИД Испании Мигель Анхель Моратинос, выступая на 61-й Сессии ГА ООН заявил, что проблемы миграции становятся одним из главных вызовов XXI в., а демографические последствия массовой миграции сказываются не только на странах – источниках, но и на транзитных и принимающих государствах. Таким образом, один из руководителей дипломатии европейской страны признает, что миграционный кризис приобретает планетарный масштаб, негативные последствия которого в полной мере предугадать невозможно.

Миграция населения отдельных стран, а также целых народов – это явление, характерное для всей мировой истории на разных этапах ее развития. В истории известны случаи, когда мигрирующие народы относительно легко вписывались в общественно-политическую формацию принимающего общества, ассимилировались и адаптировались среди коренного населения, становясь частью общего этноса [Иванов 2016]. Но это происходит в тех случаях, если между мигрантами и принимающей стороной существует определенный «пласт» общих интересов и морально-этических ценностей. Это может быть общая история, вероисповедание, социально-культурные и политические единые критерии, единый язык или, во всяком случае, его корни [Койбаев 2014]. В этом плане можно привести классический пример – братскую Украину, которая в настоящее время подвергается

жесточайшему и чудовищному моральному прессингу со стороны чуждых этому славянскому православному этносу, так называемых заподенцев, исповедующих фашистскую идеологию, построенную на злобном человеконенавистническом нацизме, и подстрекаемые англосаксонскими и европейскими провокаторами.

После распада СССР, где Украина была равной в составе страны и, благодаря развитию единого народнохозяйственного механизма, она стала республикой с огромным промышленным и научным потенциалом. Однако после захвата на Украине власти, опирающейся на англосаксов, страна превратилась в сырьевой придаток Запада, источник сырья и дешевой рабочей силы. И как результат – развал экономики, науки, образования, катастрофическое падение уровня жизни и масштабные потоки гастарбайтеров и вынужденных мигрантов. По оценкам некоторых экспертов, Украина потеряла одну треть своего населения, которое работает за небольшую заработную плату, в основном, в Польше и в России. Европейский бизнес заинтересован в притоке украинской рабочей силы, выгодно отличающейся высоким уровнем квалификации и образования. Миграционные процессы и утечка рабочей силы в Украине будут только усиливаться, однако это отдельная тема. Вся политика англосаксов и их европейских сателлитов в отношении Украины всегда была направлена на разрыв связей двух братских славянских народов – русского и украинского, объединенных общей историей, религией, культурой, языком, традициями, родственными узами и т. п. Переформатирование братской страны в крайне враждебное России государство, создание так называемого «санитарного буферного кордона» всегда являлась главным краеугольным камнем западной дипломатии. Квинтэссенция их политического мышления емко и абсолютно цинично и откровенно изложена в статье американского политолога Збигнева Бжезинского «Преждевременное партнерство», написанной в 1994 г. В ней говорится о том, что «Россия может быть либо империей, либо демократией, но ни тем, ни другим одновременно <…>. Без Украины *Россия перестает быть империей*, с Украиной же подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически превращается в империю» [Бжезинский 1994]. В высказывании политолога есть рациональное зерно. Демократия у нас в России «по лекалам» Америки не прижилась, а значит, следуя рекомендациям американо-польского политолога, нам остается только быть империей.

Нынешний миграционный кризис потому и называется кризисом, что поток нелегалов идет в Европу в основном из стран, стоящих на разных цивилизационных и культурных базисах [Подшивалов 2006]. В силу этого они тяжело, а практически вообще не адаптируются, в новое социально-экономическое и этническое общество. По своим масштабам и последствиям миграционный кризис не имеет равных в Новейшей истории. На выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Афганистана, Пакистана приходится более половины всех мигрантов. В основном они стремятся попасть и осесть в Германии, которая со своей экономикой является «локомотивом» ЕС, поэтому способна обеспечить высокий уровень социальных гарантий [Юдина 2006]. Канцлер А. Меркель вынуждена идти навстречу интересам немецкого бизнеса, заинтересованному в притоке дешевой рабочей силы. Благодаря мигрантам из стран Среднего Востока и Северной Африки общее население ЕС и Хорватии за период 2007 – 2016 г. выросло с 498 млн до 510 млн человек [Жерлицына 2018]. В послевоенное время бурный экономический рост в Германии, Франции, Италии, Великобритании, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге и других европейских странах, попавших по плану Маршалла в «Программу восстановления Европы», принятую в 1947 г., потребовал огромных трудовых ресурсов и стимулировал миграцию из других регионов мира [Сидорова 2011]. Такая ситуация на рынке труда сохранилась в Европе до 1970 г., когда в связи с избыточностью предложений по неквалифицированной рабочей силе Евросоюз резко сократил легальную миграцию из третьих стран, спровоцировав таким образом нелегальную [Трудовая миграция 2017].

Мигранты последней волны, начавшейся с 2014 г., имеющие особенности в социально-культурных, религиозных, образовательных, традиционных укладах, практически не адаптируются и не интегрируются в общественно-политическую жизнь принимающей страны, во всяком случае в первом поколении новой волны [Щербаков 2009]. Необразованные, в основной своей массе радикально-религиозные, несклонные к взаимопониманию и налаживанию социальных контактов с местным населением, они преимущественно живут своими диаспорами. Именно то, что мигранты и беженцы в силу этнических, религиозных, традиционных и иных факторов живут в своих замкнутых и изолированных анклавах, не допуская туда пришлых, а также

сложности адаптации в основном экономического и культурного характера, создает благоприятные условия для деятельности различного рода экстремистских организаций и группировок, религиозных проповедников и фанатиков. Постоянная угроза террористических актов, напряженные отношения между титульной нацией и приезжими, порой переходящие в столкновения, вызывают проявления ксенофобии к иммигрантам и способствуют росту авторитета неонацистских сил [Февральская 2016].

Мигранты, которые, по сути, заполонили всю Европу, используются внешними исламскими радикальными силами для осуществления террористических актов, поэтому миграционная проблема напрямую связанна с обеспечением государственной безопасности европейских стран, одним из важнейших компонентов которой является «экономическая безопасность». Академик РАН А. И. Татаркин так трактует экономическую безопасность государства: «Комплекс экономических, геополитических, экологических, правовых и иных условий, обеспечивающих: предпосылки его выживания при наступлении кризиса и для развития в будущем; защиту жизненно-важных интересов государства в отношении его ресурсного потенциала, сбалансированности и динамики развития; создание иммунитета и внешней защищенности от дестабилизирующих воздействий; конкурентоспособность государства на мировых рынках и устойчивость его финансового положения; создание достойных условий жизни и, как следствие, гармоничное развитие каждой личности» [Татаркин 2012].

Финансовые расходы, которые несет и будет нести Европа при сохранении нынешней ситуации рассмотрим на типичном примере Германии. ФРГ расходует на миллионную армию мигрантов до 55 млрд евро в год. Однако внутри немецкого общества и в странах ЕС растет недовольство социальными гарантиями за счет налогоплательщиков беженцам из Сирии, Ирака, Ливии. При этом важно отметить, что в названных странах до вмешательства американцев существовал самый высокий уровень социальных гарантий, особенно это касается Ирака и Ливии. В соответствии с доктриной американского политолога Стивена Манна «управления хаосом» в странах Ближнего Востока была дестабилизировала общественно-политическую обстановка и разрушен в миропорядок в целом. По прогнозам Германского института мировой экономики (IFW) в г. Киле, Германия может

израсходовать на мигрантов в ближайшие 7 лет громадную сумму в размере 385 млрд евро. Известный немецкий политолог Александр Рар, научный директор Российско-Германского форума, акцентирует внимание на растущем недовольстве миграционной политикой канцлера А. Меркель со стороны коренного населения и политического истеблишмента. «Самое ужасное, что Конституционный суд в Германии еще три года назад постановил уровнять в правах беженцев и безработных, то есть безработный немец и беженец-сириец или албанец должны иметь равный доход. А тот, кто считает это несправедливым объявляется чуть ли не нацистом», – с удивлением отмечает А. Рар [Фаляхов 2016].

Берлинский адвокат Илья Левин считает, что мигранты «будут сидеть на шее у государства, поскольку не учат язык, и остаются, по своей сути, малограмотными» [Фаляхов 2016]. Он вызывает также сомнение относительно того, что мигранты вообще захотят специализироваться. «Многие предпочтут жить на пособие, а вот исламизация населения реальна. Саудовская Аравия уже предложила спонсорство в строительстве 50 мечетей в германских землях», – вторит ему А. Рар. Опрос, проведенный Немецким институтом исследования общественного мнения, YouGov показал, что каждый второй житель Германии хотел бы эмигрировать, а треть из опрошенных, хотели бы покинуть Германию навсегда.

Идеи и политика мультикультурализма потерпела фиаско. Премьер-министр федеральной земли Бавария, на которую пришелся основной поток беженцев, Хорст Зеехофер собирается подать иск в Конституционный суд, если канцлер не закроет границы. Эксперт IFW Маттиас Люке считает, что если до 2020 г. в ФРГ будут прибывать по миллиону беженцев, затраты на них будут составлять порядка 2% ВВП. Попутно хотелось бы отметить, что Германия в 2018 г. внесла в бюджет Североатлантического блока сумму в размере 1,19% ВВП. Президент США Д. Трамп высказывает в жесткой форме претензии А. Меркель и считает, что Германия задолжала за услуги НАТО 373 млрд долл. США. Таким образом, расходы на мигрантов могут превысить взнос Германии в бюджет НАТО. По мнению экспертного сообщества, в основе недовольства коренного населения миграционной политикой ЕС лежат опасения прежде всего экономического характера, что приведет к падению уровня жизни.

Из проведенного анализа следует, что в ближайшем будущем процессы глобализации будут сопровождаться усилением миграционных потоков и к этому надо быть готовыми, чтобы нивелировать и предупредить возможные негативные последствия для принимающей стороны. Особенно это касается стран Евросоюза, которые оказались в тупиковой ситуации перед масштабной миграцией из стран Ближнего и Среднего Востока, а также стран Северной Африки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бжезинский З. Преждевременное партнерство. 1994. URL : politnauka.org/library/mpimo/bzhezinsky.php

Вильсон Ч. Что хорошо для Дженерал моторс, хорошо для Америки. URL : dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3499/%D0%A7%D1%82%D0%BE.

Жерлицына Н. А., Костелянец С. В., Сидорова Г. М. Угрозы безопасности Африки: современные тенденции. М. : Институт Африки РАН, 2018. 274 с.

Зенченко С. В., Вартанова М. Л. Анализ тенденций изменения потоков международной трудовой миграции в контексте мировых глобальных процессов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 1. С. 47–58.

Иванов И. Миграционный вызов требует глобального ответа. 2016. URL : russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-vyzov-trebuet-globalnogo-otveta/.

Койбаев Б. Г. Влияние ислама на европейские политические процессы: основные тенденции // Религия в современном мире. Светский и религиозный образы мира: историческая ретроспектива и современность. Владикавказ, 2014. С. 229–235.

Подшивалов В. Е. Незаконная миграция: международно-правовые проблемы. Иркутск : Институт законодательства и правовой информации, 2006. 192 с.

Сидорова Г. М., Корендясов Е. Н. Франция – Африка: в поисках новых подходов // Африка в современных международных отношениях. М. : Институт Африки РАН, 2011. С. 128–141.

Татаркин А. И. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. № 2. С. 25–36.

Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / под ред. проф. В. И. Дятлова. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2009. 396 с. (Труды Иркутского МИОНа).

Трудовые мигранты пугают Николая Патрушева // Ведомости. 10.08.2017. № 4382.

Фаляхов Р. Германия устает расплачиваться за свой либерализм и за мигрантов. URL : www.gazetaprotestant.ru/2016/01/germaniya-ustaet-rasplachivaetsya-za-svoj-liberalizm-i-za-migrantov/.

Февральская М. А. Проблема миграции в современной Европе: причины и последствия // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 11. С. 921–925.

Щербакова Е. М. Международная миграция: тенденции и перспективы // Демоскоп Weekly. 23 ноября – 6 декабря 2009. № 399–400.

Юдина Т. Н. Социология миграции : учеб. пособие для вузов. М. : Академический Проект, 2006. 272 с.

Laurent A. Les Européens face au défi de l'Islam. 5 juin 2014. URL : www.observatoiredeleurope.com/Les-Europeens-face-au-defi-de-l-Islam_a2177.html.

Penloup A. L'immigration, un phénomène aux conséquences incertaines. 2018. URL : master-iesc-angers.com/limmigration-un-phenomene-aux-consequences-incertaines/.

Rehov P. Europe et islam : les raisons d'un déni. URL : www.lefigaro.fr/vox/monde/2018/03/01/31002-20180301ARTFIG00102-europe-et-islam-les-raisons-d-un-deni.php.

REFERENCES

Bzhezinskij Z. Prezhdevremennoe partnerstvo. 1994. URL : politnauka.org/library/mpimo/bzhezinsky.php

Vil'son Ch. Chto horosho dlja Dzheneral motors, horosho dlja Ameriki. URL : dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3499/%D0%A7%D1%82%D0%BE.

Zherlicyna N. A., Kosteljanec S. V., Sidorova G. M. Ugrozy bezopasnosti Afriki: sovremennye tendencii. M. : Institut Afriki RAN, 2018. 274 s.

Zenchenko S. V., Vartanova M. L. Analiz tendencij izmenenija potokov mezhdunarodnoj trudovoj migracii v kontekste mirovyh global'nyh processov // Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki. 2013. № 1. S. 47–58.

Ivanov I. Migracionnyj vyzov trebuet global'nogo otveta. 2016. URL : russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-vyzov-trebuet-globalnogo-otveta/.

Kojbaev B. G. Vlijanie islama na evropejskie politicheskie processy: osnovnye tendencii // Religija v sovremennom mire. Svetskij i religioznyj obrazy mira: istoricheskaja retrospektiva i sovremennost'. Vladikavkaz, 2014. S. 229–235.

Podshivalov V. E. Nezakonnaja migracija: mezhdunarodno-pravovye problemy. Irkutsk : Institut zakonodatel'stva i pravovoj informacii, 2006. 192 s.

Sidorova G. M., Korendjasov E. N. Francija–Afrika: v poiskah novyh podhodov // Afrika v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah. M. : Institut Afriki RAN, 2011. S. 128–141.

Tatarkin A. I. Izmenenie paradigmy issledovanij jekonomicheskoj bezopasnosti regiona // Jekonomika regiona. 2012. № 2. S. 25–36.

Transgranichnye migracii i prinimajushhee obshhestvo: mehanizmy i praktiki vzaimnoj adaptacii / pod red. prof. V. I. Djatlova. Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2009. 396 s. (Trudy Irkutskogo MIONa).

Trudovye migranty pugajut Nikolaja Patrusheva // Vedomosti. 10.08.2017. № 4382.

Faljahov R. Germanija ustaet rasplachivaetsja za svoj liberalizm i za migrantov. URL : www.gazetaprotestant.ru/2016/01/germaniya-ustaet-rasplachivaetsya-za-svoj-liberalizm-i-za-migrantov/.

Fevral'skaja M. A. Problema migracii v sovremennoj Evrope: prichiny i posledstvija // Koncept : nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal. 2016. T. 11. S. 921–925.

Shherbakova E. M. Mezhdunarodnaja migracija: tendencii i perspektivy // Demoskop Weekly. 23 nojabrja – 6 dekabrja 2009. № 399–400.

Judina T. N. Sociologija migracii : uchebnoe posobie dlja vuzov. M. : Akademicheskij Proekt, 2006. 272 s.

Laurent A. Les Européens face au défi de l'Islam. 5 juin 2014. URL : www.observatoiredeleurope.com/Les-Europeens-face-au-defi-de-l-Islam_a2177.html.

Penloup A. L'immigration, un phénomène aux conséquences incertaines. 2018. URL : master-iesc-angers.com/limmigration-un-phenomene-aux-consequences-incertaines/.

Rehov P. Europe et islam : les raisons d'un déni. URL : www.lefigaro.fr/vox/monde/2018/03/01/31002-20180301ARTFIG00102-europe-et-islam-les-raisons-d-un-deni.php

УДК 327

Дюрре Мехмет Эмин Икбаль

кандидат исторических наук доцент кафедры теории регионоведения
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: ikbal@mail.ru

ФРАНЦИЯ И КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются факторы, влияющие позицию Франции по курдской проблеме в текущем столетии. Современная французская внешняя политика характеризуется как прагматичная. Сменяющие друг друга «левые» и «правые» лидеры страны всё реже формируют ее с точки зрения своих идеологических позиций. С другой стороны, на внешнюю политику оказывается значительное интеллектуальное влияние со стороны широкого круга французских философов, историков, политологов, многие из них активно выступают в поддержку самоопределения курдов.

***Ключевые слова*:** курды; Курдистан; курдская проблема; Франция.

Dyurre Mehmet Amin Ikbal

PhD, Associate Professor at Theory of Regional Studies Department,
Moscow State Linguistic University; e-mail: ikbal@mail.ru

FRANCE AND KURDISH PROBLEM IN THE 21st CENTURY

The article discusses the factors influencing the position of France on the Kurdish problem in the current century. Modern French foreign policy is characterized as pragmatic, and the “left” and “right” leaders of the country replacing each other are less and less forming this policy in terms of their ideological positions. On the other hand, the foreign policy is greatly influenced by a wide range of French intellectuals – philosophers, historians, political scientists, many of whom actively support the self-determination of the Kurds.

Key words: the Kurds; Kurdistan; Kurdish problem; France.

Введение

Под курдской проблемой мы подразумеваем факт существования в современном мире, характеризуемом приоритетом борьбы за права человека, курдского народа – самого крупного разделенного народа, испытывающего к тому же разное отношение к себе в государствах, в которых он сегодня проживает. Уже более столетия эта проблема неразрывно связана с общей ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке и периодически оказывается в центре внимания ее развития,

CC BY

в частности в последние годы в связи с резким ростом террористической активности в этом регионе. Франция, как и другие державы, не относящиеся к ближневосточному региону, но принимающее активное участие в его процессах, проводит политику, имеющую свои особенности. Они обусловлены как спецификой собственно французской политической, экономической, культурной жизни, так и политикой других держав, которую Париж сознательно или нет учитывает. К первому виду факторов следует отнести провозглашение французскими властями политическим приоритетом распространение и защиту прав человека во всем мире. Ко второму – объективную оценку места своей страны на политической карте мира, понимание ограниченности своих ресурсов, по сравнению с другими державами, прежде всего, США [Литвак 2012], что находит отражение в заявлениях их документах официального Парижа по Ближнему Востоку и курдской проблеме, в частности. Это не все факторы, но основные, которые и будут рассмотрены в данной статье.

Курдская проблема и борьба с терроризмом

В связи с широкомасштабными террористическими действиями в регионе исламских экстремистских квазигосударств, в 2014 г. Франция присоединилась к международной коалиции, возглавляемой США, проводит в Сирии и Ираке силами авиации и спецназа операцию «Шамаль», направленную на борьбу с террористами, оказывает поддержку курдским военным формированиям (советниками и оружием, соблюдая негласное требование американцев воздерживаться от поставок тяжелого вооружения). Официальную позицию Республики можно сформулировать на основе материалов портала Министерства Европы и иностранных дел (далее – МИД) Франции и других государственных органов. Десять лет назад аналитик МИД К. Накле писал об обеспокоенности Турции «неконтролируемой» автономией иракского Курдистана для 20 млн турецких курдов, в том числе как базы Рабочей партии Курдистана (далее – РПК), и «тяжелых последствиях» разрешения турецкого парламента использовать вооруженные силы в этом приграничном районе другой (суверенной) страны [Nackhlé 2008]. И эта оценка ситуации пока в целом остается актуальной. Учитывая ключевую и растущую роль Турции как в регионе, так и в отношениях с Евросоюзом и самой Францией, в 2016 г. группа

французских сенаторов подготовила специальный доклад, в котором была дана оценка турецкому лидеру, его партии и внутренней и внешней политике.

Уже сама характеристика франко-турецких отношений в заголовке доклада – «сложные, но важные» – задала тон и всему его весьма противоречивому содержанию: при всех объективных оценках ситуации и ее критике эти отношения необходимо сохранять и упрочивать, особенно в силу экономических причин. В докладе отмечалось, что партия Р. Т. Эрдогана АКП (Партия справедливости и развития), впервые победившая на парламентских выборах 2002 г. и с тех пор фактически правящая в Турции, в начале позиционировала себя как либеральная, проевропейская, но в то же время консервативная. Ее первые шаги в направлении модернизации и демократизации страны открывали перспективу формирования модели «мусульманско-демократического» режима, совмещающего апелляцию к традиционным ценностям с динамичной модернизацией [La Turquie 2016]. Тогда же были установлены и тесные политические и экономические отношения с Курдистаном, признанным в иракской Конституции 2005 г. автономным районом. Использованный в докладе эпитет в отношении Турции – «хрупкая держава, рискующая оказаться в изоляции» основан во многом на влиянии сирийского кризиса, особенно его курдской компоненты. Отмечается, что в 1990-е гг. турецкая политика в отношении курдов строилась на трех принципах:

– отказ признать каких-либо курдских собеседников (включая Ирак);
– стремление защитить тюркоязычные меньшинства в регионе;
– желание избежать независимости северного региона Ирака, опасаясь «эффекта домино».

Но после прихода к власти АКП иракский Курдистан под руководством Демократической партии Курдистана (далее – ДПК) Масуда Барзани становится одним из главных торговых партнеров Анкары (поставляющим нефть Киркука), а в самой Турции Эрдоган делает ставку на привлечение голосов консервативного курдского электората и, среди прочего, предпринимает шаги к использованию курдского языка в обучении и проч. Однако примерно с 2010 г., вследствие усиления социального и исламского консерватизма АКП, который некоторые называют даже неоосманизмом, обозначился поворот

к авторитаризму, проявившийся в распространении посягательств на гражданские свободы, разделение властей, свободу выражения мнений и проч. Этот процесс, по мнению французских сенаторов, «сопровождался поляризацией этнических, религиозных и культурных различий в турецком обществе» [La Turquie 2016].

Отмечается, что турецкий и французский анализ ситуации в Сирии близки: Франция выступает за территориальное единство Сирии. Его целью является создание единого государства, демократического, унитарного, многоконфессионального и светского. Сенаторы в то же время считают, что хорошие отношения между Турцией и Региональным правительством Курдистана свидетельствуют о возможности диалога между Турцией и автономным курдским образованием, которое может быть союзником в регионе, и что помощь партии «Демократический союз» (далее – ПДС) не служит поддержкой РПК в борьбе против турецких властей, но и не должна быть исключительной для курдов, а сопутствовать такой же помощи и сирийским арабским (т. е. здесь – антиасадовским. – *Прим. авт.*) силам. Ключевым выводом доклада, хотя и не выделенным специально его авторами, является тезис о том, что курдский вопрос стоит по-разному в Ираке, Сирии и Турции, где курды исторически лучше интегрированы [La Turquie 2016]. Сразу за этим следует отдельный параграф «Тревожная ситуация вхкурдских регионах», в котором ответственность за возобновление в 2015 г. боев с многочисленными жертвами между турецкой армией и РПК «кажется разделенной» между обеими сторонами. Кроме того, в описании курдской проблемы сенаторы, подтвердив факты нахождения РПК в списке террористических организаций Евросоюза (с 2002 г.) и несомненную близость к ней партии «Демократический союз», тем не менее, обозначили свою позицию, предположив возможность дистанцирования ПДС от РПК в процессе политического диалога и в перспективе урегулирования сирийского конфликта. Франция, кстати, не только формально поддерживает этот курс: в 2015 г. за связи с террористическими группировками и их финансирование были осуждены несколько членов РПК.

В докладе приводятся выводы исследования, согласно которым наиболее серьезной неудачей новой турецкой «дипломатии 360°» стал курдский вопрос, и Турция – это государство, неспособное удовлетворить потребности значительной части своего населения,

а именно – курдов (число которых в Турции оценивается в докладе в 15 млн или 20% населения. – *Прим. авт.*), с которыми в течение трех десятилетий оно ведет войну. В докладе высказаны и подозрения о связях турецких властей с исламскими террористами из запрещенных организаций, как противостоящие сирийской ПДС, рассматриваемой как отделение РПК и борющейся за создание курдской автономии в Сирии по примеру Ирака, которая могла бы стать мощным плацдармом сепаратизма собственно турецких провинций с преимущественно курдским населением. В докладе отмечено, что подозрения в таких связях охладили отношения Турции как с западными союзниками (в том числе США и Франция неоднократно призывали Турцию прекратить обстрелы сирийских курдов), так и с Россией и Ираном, поддерживающих официальные сирийские власти. В том числе, процитировано и высказывание российского посла в Париже А. Орлова на слушаниях во французском Сенате 15 декабря 2015 г., который высказал мнение о том, что курдский народ имеет те же права, что и палестинский народ, т. е. и на свое собственное государство [La Turquie 2016]. В этом контексте, помимо обмена довольно многочисленными визитами министров и других высокопоставленных официальных лиц, только Президент Ф. Олланд дважды, в 2014 и 2017 гг., ездил в Ирак и стал первым лидером государства, посетившим курдскую автономию, а также принял во Франции М. Барзани в 2016 и 2017 гг.

Сегодня на официальном портале французского МИД отмечается, что после неудавшейся попытки государственного переворота 15 июля 2016 г., Европейская комиссия, Венецианская комиссия и многочисленные НПО констатируют ухудшение ситуации с правами человека в Турции. В том, что касается курдской проблемы, сдержанно констатируется, что партия «Демократический союз» рассматриваемая Анкарой как сирийское отделение РПК, является основным фактором беспокойства для Турции, присутствующей в Сирии с момента начала 24 августа 2016 г. операции «Щит Евфрата». Между тем отношения с Багдадом улучшаются с начала 2017 г. И хотя раздражители сохраняются (турецкие военные интервенции в Северном Ираке), перспективы экономического сотрудничества благоприятствуют продолжению диалога. То же самое касается Регионального правительства Иракского Курдистана, притом, что на отношения с ним повлиял референдум по самоопределению 25 сентября 2017 года [Présentation de la Turquie 2019].

Референдум о независимости в иракском Курдистане 25 сентября 2017 г. стал крупным событием для региона и не только. Военные успехи против запрещенных террористических организаций в Ираке и Сирии, которым на земле силы западной коалиции были обязаны курдским отрядам, создали новую ситуацию: курдские силы не только окрепли и вернули себе многие территории, но и морально-политически находились на подъеме. Кульминацией такого развития событий и стал референдум. В его преддверии официальные представители Парижа, как и остальных западных держав, неоднократно заявляли, что Франция поддерживает единство и территориальную целостность Ирака и его Конституцию, которая предоставила Курдистану статус автономии [Irak – Question / Réponse 24 août 2017]. Поэтому и официальная реакция на референдум была предсказуемой: его итоги не признаются, поскольку есть решение Верховного суда Ирака о его незаконности; выход из кризиса между региональным правительством Курдистана и федеральным правительством Ирака лежит на пути диалога, во время которого всем сторонам необходимо воздерживаться от любых действий, которые могут вызвать напряженность, и в целях национального примирения действовать в рамках иракской Конституции. Кроме того, Франция подтвердила, что поддерживает посреднические усилия Специального представителя Генерального секретаря ООН Яна Кубиша и признание региональным правительством Курдистана решения Верховного суда Ирака от 6 ноября о единстве Ирака и др. [Irak – Q&R – Extrait du point de presse 2 octobre 2017; Déclaration du gouvernement régional du Kurdistan 2017]. После того, как начались столкновения между курдскими военными формированиями и иракскими правительственными войсками, официальный Париж, тесно контактируя со всеми сторонами конфликта (в частности, Президент Республики принял 5 октября в Париже Премьер-министра Ирака и 2 декабря Премьер-министра регионального правительства Курдистана), вновь призывал федеральное правительство к сдержанности и полному уважению законных прав курдов, а региональное правительство Курдистана – к диалогу в рамках иракской конституции. С этой целью французы продвигали в Совете Безопасности ООН и декларацию о необходимости возобновления диалога для сохранения единства и целостности Ирака на основе его Конституции [Irak – Q&R – Extrait du point de presse 20 octobre 2017].

Затем Париж приветствовал возобновление такого диалога и увязывал его с перспективами послевоенного восстановления. Например, в своем выступлении на Международной конференции по восстановлению Ирака в Эль-Кувейте министр Европы и иностранных дел Ж.-И. Ле Дриан заверил иракцев в такой же решительной поддержке Францией восстановления страны, как ранее борьбы с терроризмом, с которым его страна сражалась в составе антитеррористической коалиции. Однако он также выразил мнение о том, что устойчивое восстановление Ирака возможно лишь при условии стабилизации и национального примирения, включая урегулирование разногласий между курдским региональным правительством и Федеральным правительством [Выступление министра Европы и иностранных дел Жан-Ива Ле Дриана 2018].

Сегодня на официальном портале французского МИД Ирак характеризуется как «одна из самых коррумпированных стран мира», а иракский Курдистан – как переживающий серьезный политический и экономический кризис вследствие разногласий между самими курдами, а также между Курдистаном и Багдадом, который не признал «односторонний» референдум о независимости региона 25 сентября 2017 г., на котором «за» было подано почти 93 % голосов. Несмотря на последовавший вооруженный конфликт и затем – соглашение о прекращении военных действий между иракской армией и курдским ополчением (Пешмерга), ситуация на спорных территориях, по французской оценке, остается напряженной. Переговоры между федеральными и курдскими официальными лицами продолжаются, но до сих пор соглашения по принципиальным вопросам нет [Présentation de l'Irak]. Что же касается двусторонних отношений, то Франция оказала политическую, дипломатическую, военную и гуманитарную помощь иракским властям в осуществлении политики национального примирения, а также в борьбе с исламскими террористами.

Новым испытанием для французской политики в регионе стало расширение операций турецкой армии на севере *Сирии* в начале 2018 г. и последовавшее решение американского президента о выводе оттуда своих войск. Не анализируя логику этого решения, отметим, что для приграничного с Турцией 900-километрового, но узкого района, контролируемого сирийскими курдами, речь зашла не только о потере этого самого контроля, но и о физическом присутствии

в этих традиционно населяемых ими местах. Несмотря на такую протяженность, основное значение имеют несколько крупных населенных пунктов, составляющих своеобразную «цепочку» от Африна на западе до Аль-Камышлы на востоке. После перехода контроля на этих территориях в 2012 г. от официального Дамаска к курдам была создана и квазифедерация трех «кантонов» под общим названием Роджава (Rojava). В отношении турецкого наступления на сирийский Африн, столицу одноименного курдского «кантона», официальные заявления Франции сводились к тому, что законные опасения Турции в отношении безопасности ее границы не должны вести к созданию военного присутствия в глубине сирийской территории, тем более к тому, чтобы добавить еще одну войну к войне в Сирии [Syrie – Q&R – Extrait du point de presse 2018]. Э. Макрон также выступил с призывом к Турции остановить операцию «Оливковая ветвь», начатую в январе 2018 г., и объявить перемирие, а 29 марта 2018 г. после падения Африна, принял делегацию Сирийских демократических сил (далее – СДС), которая приехала просить поддержки против Турции и конкретно – в связи с предстоящим наступлением на Манбиж. Представитель Э. Макрона заявил, что на этой встрече Президент заверил СДС во французской поддержке, особенно в вопросе стабилизации зоны безопасности на северо-востоке Сирии вплоть до политического решения сирийского конфликта. При этом были подтверждены и обязательства Франции бороться с РПК и отстаивать безопасность Турции [Kaval 2018]. Немедленно и отрицательно на такую инициативу откликнулся целый ряд турецких официальных лиц во главе с Президентом. Р. Т. Эрдоган оценил такую позицию Франции как «неправильную» и выразил свою «боль» и «разочарование» в этой связи. Отверг он и предложение Э. Макрона о диалоге между курдскими силами на севере Сирии и Турцией при посредничестве Франции и международного сообщества, причем весьма эмоционально: «Кто вы такой, чтобы говорить о посредничестве между Турцией и террористической организацией?» [там же].

Таким образом, эта встреча стала серьезным политическим жестом французского Президента – впервые в Елисейском дворце были приняты сирийские курды, вооруженные подразделения которых составляют основу СДС. Но этим Франция и ограничилась, хотя остальные ее союзники не сделали и этого. Впоследствии такая ситуация

сохранилась: на заявление постоянного представителя Франции при ООН Ф. Делатта о защите французами сирийских курдов, СДС после предстоящего ухода американцев, в декабре 2018 г. турецкий МИД ответил фактически предостережением от такого шага. И судя по доминирующему отношению французских властей к сотрудничеству с Турцией, курдами он, видимо, пожертвует. Хотя сами курды попросили именно Францию установить бесполетную зону на севере Сирии (21 декабря 2018 г. Э. Макрон вновь принял делегацию СДС). Дальше заявлений дело не пошло, но, как минимум, глава французского МИД заявлял, что Париж ждет от США информацию о своих планах по обеспечению безопасности курдских формирований в этом районе.

Также на русскоязычной версии официального портала МИД французы сочли необходимым поместить фрагменты телефонного разговора президентов Франции и России, в котором французский лидер в контексте борьбы с терроризмом в Сирии и в целом в регионе отметил необходимость соблюдения прав местного населения, а также безопасности для союзнических сил коалиции, и, в частности, курдов, учитывая их вклад в борьбу с исламским терроризмом. Президент Республики выразил также приверженность Франции политическому урегулированию сирийского кризиса в рамках резолюции 2254 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций как единственному пути достижения стабильности, защиты мирного населения и достижения мира [Сообщение Пресс-службы Президента Республики 2019].

Франция и права человека

Не только международные НКО, но и некоторые французские дипломаты (выйдя в отставку) неоднократно выступали с осуждением действий Франции в развивающихся странах с позиций прав человека, включая продажу оружия Ираку и Турции, которое использовалось в том числе для репрессий против курдов. Причем расхождение между декларациями о защите прав и игнорированием их нарушений имело место и при участии во власти социалистов (с 1981 г.) [Dorin 2001; Литвак 2016]. Президент Н. Саркози после вступления в должность заявил о том, что намерен нарушить молчание международного сообщества о нарушении прав человека, где бы то ни было, что такой подход он считает центральным для миссии, ценностей и даже

идентичности Франции, и назначил министром иностранных дел Б. Кушнера – основателя Организации «Врачи без границ», приложившего много сил для концептуализации «права на вмешательство», реализовавшегося в принятии первой «интервенционистской» Резолюции ООН в 1991 г. по иракскому Курдистану. Ранее сам Кушнер, анализируя курдскую проблему в Ираке при режиме С. Хусейна и после его свержения, осуждал международное сообщество за бездеятельность при подавлении восстаний курдов и, как сторонник права на вмешательство по гуманитарным причинам во внутренние дела других государств, аргументировал законность войны в Ираке, хотя и резко критиковал конкретные действия там США [Kouchner 2004]. Сменивший его еще один президент-социалист – Ф. Олланд не видел разницы между Президентом Сирии Б. Асадом и террористической группировкой «Исламское государство», а его министр иностранных дел Л. Фабиус считал положительной деятельность в Сирии признанной и американцами, как террористической, Организации «Джебхат ан-Нусра» [Mouna Alno-Nakhal 2015]. В начале своего президентства, в речи в Европейском суде по правам человека (31 октября 2017 г.) Э. Макрон объявил демократию и основные права «общим достоянием Европы», отпечаток которого несет на себе «цивилизация от Атлантики до Урала». Но, по мнению М. Семо, сегодня универсальный характер прав открыто ставится под сомнение во имя разнообразия культур и ценностей, в частности, Пекином, Москвой, Анкарой [Semo 2018]. Главное здесь – не столько действия перечисленных столиц (а в этом списке явно не хватает еще и Вашингтона), сколько реакция на них Парижа, который, как представляется, не имеет ни сил (что вполне объективно), ни, что более важно, желания (которое вполне могло бы быть) продолжать свой курс в отношении прав человека. В правительстве при нынешнем президенте, в отличие, в частности, от Н. Саркози, больше нет госсекретаря по правам человека. И М. Семо заключает, что при Президенте Э. Макроне вопрос прав человека больше не является центральным для французской внешней политики [там же]. Он же приводит слова сожаления одного из французских дипломатов о том, что права человека не интересуют Эммануэля Макрона или Жан-Ива Ле Дриана, как и политический класс в целом. И это только одно из многочисленных свидетельств того, как, в первую очередь, дипломаты, весьма чувствительные

к этой проблематике, рефлексируют на нее, как эмоционально, так и социально-политически [Литвак 2018]. Это позволяет предполагать латентные процессы формирования если не текущих позиций внешней политики, то, как минимум, новых подходов к ней, которые, возможно, пока ждут своего часа. Интересно в этом же контексте, что и серию торжественных мероприятий по случаю 70-й годовщины подписания Всеобщей декларации прав человека ООН, состоявшейся как раз в Париже (10 декабря 1948 г.), организовал и провел МИД, но не Елисейский дворец, по факту отстранившийся от этого, казалось бы, триумфального для французской внешней политики повода.

Однако французская внешняя политика формируется не только в президентском дворце и МИД. Во Франции существует весьма распространенная практика консультаций с экспертным и научным сообществом. Кроме того, общественность страны традиционно активна и чувствительна к проблемам прав человека и меньшинств. Для событий текущего десятилетия и борьбы с терроризмом в регионе важнейшей вехой роста общественной поддержки курдов стала защита сирийского города Кобани в конце 2014 – начале 2015 гг. Важными обстоятельствами этого успеха стало одно из редких объединений курдов, проживающих в регионе в разных странах как для обороны города (там сражались вместе отряды из Сирии, Турции и Ирака), так и в единодушном праздновании победы. Кроме того, информация о боях за Кобани сделала широко известными участие и роль женщин в общественной жизни курдского общества и даже в боевых действиях, стремление к защите универсальных прав человека от варварства террористов, уважение меньшинств. Поддержка общественного мнения Европы, Соединенных Штатов, а также многих стран Южной Америки и Азии вынудила, в том числе власти США сбрасывать с самолетов военную и иную помощь осажденным курдам и нанести важные авиаудары по боевикам, а Турции – впервые разрешить проход через свою территорию курдских ополченцев с тяжелым вооружением из Ирака [Nezan 2015]. Наиболее активным французским общественным защитником курдов в последние годы является Б.-А. Леви – философ, писатель, автор многочисленных публикаций в большинстве крупнейших французских газет, а также в Европе и США. В своей долгой правозащитной деятельности он приходил и к французским президентам – Ф. Миттерану, Ж. Шираку, Н. Саркози. На волне успеха

защиты Кобани ему удается в апреле 2015 г. добиться для военных руководителей курдов аудиенции у Президента Ф. Олланда, несмотря не только на очевидное недовольство Турции, но и риск испортить с ней отношения.

Новый всплеск активности общественности произошел в связи с референдумом о независимости в иракском Курдистане. Накануне Б.-А. Леви критиковал и державы, и всё мировое сообщество за «постыдное» отношение к референдуму и вообще курдскому народу, до сих пор страдающему как от колониального прошлого, так и от сменяющих друг друга диктаторов в регионе при полном попустительстве, в частности, Запада, который использовал их как главную силу в борьбе с террористами, а затем цинично отвернулся. Даже несмотря на то, что именно курды сегодня являются защитниками последних христиан в регионе [Lévy 2017a]. После референдума, на который власти Ирака ответили блокадой Курдистана, он выпускает в «Монд» обращение группы интеллектуалов в Совет Безопасности ООН, которое подписали в том числе такие диссиденты и правозащитники, как Адам Михник, Салман Рушди, Бернар Кушнер [Va-t-on abandonner à son sort le Kurdistan? 2017]. Причем это происходит в день, когда президент Э. Макрон принимает премьер-министра Ирака Х. Аль-Абади. Сам Б.-А. Леви выступает с резкой статьей, в которой анализирует, как «новая “банда четырех”, диктаторы Ердоган, Асад, Хаменеи и Абади позволяют себе давать конституционные уроки Курдистану», поддерживая политические заявления Макрона в пользу прав курдского народа, но считая их недостаточными [Lévy 2017б].

Кроме того, Б.-А.Леви организовал «Парижское воззвание за Курдистан», которое подписали также такие крупные политические и общественные деятели Франции, как Каролин Фурест, Анн Идальго, Хаджар Омар Исмаил, Бернар Кушнер, Жильберт Миттеран, Кендаль Незан и Мануэль Вальс. В этом документе, в частности, говорилось об унынии и несправедливости, охватывающих и объединяющих тех, кто подписал это воззвание; о курдах как о дружественной нации, формировавшейся на протяжении ста лет борьбы против разных тираний, а в течение трех последних лет на поле боя длиной в тысячу километров, в одиночку противостоявшей террористам ИГИЛ, принявшей полтора миллиона беженцев, представителей всех конфессий и т. д. Но теперь великие демократические державы заранее осуждают

референдум о независимости Курдистана и это – во имя территориальной целостности Ирака, разобщенной хаотичной страны, которую они якобы сохраняют для поддержания баланса в регионе [Ne laissons pas s'éteindre en nous la flamme du Kurdistan 2017]. 28 ноября 2017 г. по приглашению послов Франции и Великобритании Б.-А. Леви выступает в ООН, где показывает свой фильм «Пешмерга», посвященный героической борьбе курдского ополчения против террористов, которое, как он настаивает, защищало от них всю современную цивилизацию [Lévy 2019б]. После событий в Африне, в очередной раз выступая перед французскими сенаторами, Б.-А. Леви провел четкие параллели между курдским вопросом и уже историческими прецедентами воссоединения с Францией областей Эльзаса и Лотарингии после почти 50 лет в составе Германии и затем воссоединения частей уже самой Германии, в течение также более полувека разделенной после поражения во Второй мировой войне [Hertzog 2019]. Его соратник, документалист Ф. Марголин, ставит вопрос о причинах упорного отказа курдам в том, что было предоставлено южным суданцам, восточным тиморцам, коссоварам, палестинцам [Margolin 2019]. Наконец, вместе с Томасом Капланом Б.-А. Леви учредил в США комитет «Правосудие для курдов» (Justice for Kurds), одной из целей которого является создание в Соединенных Штатах мемориала, посвященного бойцам Пешмерги, с честью павших за демократию. Не менее энергично он выступает в защиту курдов после планируемого вывода американских войск из Сирии, при этом, не забывая хвалить Э. Макрона за его дистанцирование от этой позиции американского союзника [Lévy 2019a]. Это последнее американское решение привлекло внимание и других политических сил Франции, в частности Ж.-Л. Меланшона, депутата и лидера «левой» партии Непокоренная Франция, которая весьма активно критикует в связи с курдской проблемой власти Франции, Евросоюз, США и НАТО [La cause kurde est la nôtre 2019]. К воззваниям его депутатов присоединяются депутаты Национального собрания Франции и от других «левых» партий.

Заключение

Таким образом, современная французская внешняя политика весьма прагматична. Причем сменяющие друг друга «левые» и «правые» руководители в органах власти всё меньше формируют ее с точки

зрения своих идеологических позиций, при этом настаивая, что их внешнеполитические инициативы по-прежнему основаны на фундаменте ценностей Французской революции, поставившей в центр общественно-политической жизни права и свободы человека. Однако в том, что касается проблемы курдского народа, это неочевидно. Зато французские интеллектуалы в большинстве своем стоят как раз на этих самых позициях, и многие из них активно выступают и за поддержку самоопределения курдов вообще, и за тактические, конкретные, шаги текущей французской внешней политики на этом направлении. На формирование внешней политики оказывают значительное интеллектуальное влияние французские философы, историки, политологи, как посредством академических исследований и подготовкой докладов, которые заказывают власти, так и через средства массовой информации и коммуникации, где они активно выступают.

Конечно, такая общественная активность находится в контексте общего, широкого демократического вектора деятельности большой группы современной французской интеллектуальной элиты, а не сводится к поддержке только курдов. И, конечно, ее влияние достаточно ограничено, поскольку французским властям приходится учитывать факторы, оказывающие противоположное давление на политику этой, теперь уже региональной державы, хотя и пытающейся продолжать играть определенную роль и в соседних с Европой регионах. Но в то же время, судя по деятельности французских президентов, эта активность ими учитывается (в том числе уже и после отставки Ф. Олланд посетил иракский Курдистан и встретился с М. Барзани), а весь это процесс усиливает общедемократический импульс, поэтому повышает шансы развития ситуации в положительном для курдов направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выступление министра Европы и иностранных дел Жан-Ива Ле Дриана, Эль-Кувейт, 13 февраля 2018 г. URL : www.diplomatie.gouv.fr/ru/ministry/zhan-iv-le-drian/discours/article/discours-de-jean-yves-le-drian-ministre-de-l-europe-et-des-affaires-etrangeres (дата обращения: 19.01.2019).

Литвак Н. В. Мораль во внешней политике и дипломатии современной Франции // Международная жизнь. 2016. № 8. С. 30–41.

Литвак Н. В. О некоторых аспектах информационной борьбы на Ближнем Востоке // Конфликтология. 2012. № 4. С. 125–133.

Литвак Н.В. Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 163–172.

Сообщение Пресс-службы Президента Республики – Телефонный разговор Президента Республики и Президента Российской Федерации Владимира Путина (2 января 2019 г.). URL : www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/russie/evenements/article/entretien-telephonique-entre-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-et-m-239664 (дата обращения: 19.01.2019).

Déclaration du gouvernement régional du Kurdistan sur une décision de la cour suprême irakienne (14 novembre 2017). URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/irak/evenements/article/declaration-du-gouvernement-regional-du-kurdistan-sur-une-decision-de-la-cour (дата обращения: 19.01.2019).

Dorin B. Appelez-moi Excellence. Un ambassadeur parle. Montréal : Stanké, 2001. 328 p.

Hertzog G. Bernard-Henri Lévy, le Sénat français et les Kurdes. URL : justiceforkurds.org/2018/03/31/bernard-henri-levy-le-senat-francais-et-les-kurdes/ (дата обращения: 24.02.2019).

Irak – Question / Réponse. 24 août 2017. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/irak/evenements/article/irak-question-reponse-24-08-17 (дата обращения: 19.01.2019).

Irak – Q&R – Extrait du point de presse 2 octobre, 12 octobre, 17 octobre, 25 octobre 2017. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/irak/evenements/article/irak-kurdistan-irakien-q-r-extrait-du-point-de-presse-12-10-17 (дата обращения: 19.01.2019).

Irak – Q&R – Extrait du point de presse. 20 octobre 2017. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/irak/evenements/article/irak-q-r-extrait-du-point-de-presse-20-10-17 (дата обращения: 19.01.2019).

Kaval A. Macron assure les Kurdes syriens du « soutien » de la France lors d'une rencontre à l'Elysée // Le Monde. 20.03.2018. URL : www.lemonde.fr/syrie/article/2018/03/29/une-delegation-des-forces-democratiques-syriennes-recue-a-l-elysee_5278326_1618247.html (дата обращения: 22.12.2018).

Kouchner B. Les guerriers de la paix. Paris : Editions Grasset, 2004. 300 p.

La cause kurde est la nôtre. URL : melenchon.fr/2019/01/28/la-cause-kurde-est-la-notre/ (дата обращения: 12.02.2019).

La Turquie : une relation complexe mais incontournable. Rapport d'information de MM. Claude MALHURET, Claude HAUT et Mme Leila AÏCHI, fait au nom de la commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées n° 736 (2015–2016) – 29 juin 2016. URL : www.senat.fr/rap/r15-736/r15-7366.html#toc196 (дата обращения: 02.10.2017).

Lévy B.-H. Justice pour les Kurdes! 04.09.2017a. URL : laregledujeu.org/2017/09/04/32198/justice-pour-les-kurdes/ (дата обращения: 24.02.2019).

Lévy B.-H. Contre les Kurdes, la nouvelle «bande des quatre». 16.10.2017б. URL : laregledujeu.org/2017/10/16/32556/kurdes-la-nouvelle-bande-des-quatre-contre-le-kurdistan/ (дата обращения: 24.02.2019).

Lévy B.-H. Qui viendra sauver les Kurdes du désastre annoncé? 14.01.2019. URL : laregledujeu.org/2019/01/14/34710/qui-viendra-sauver-les-kurdes-du-desastre-annonce/ (дата обращения: 28.01.19).

Lévy B.-H. Adresse aux Nations Unies sur l'abandon du Kurdistan. 30.11.2017. URL : www.bernard-henri-levy.com/adresse-bhl-aux-nations-unies-sur-abandon-kurdistan-53224.html (дата обращения: 24.02.2019).

Margolin F. Kurdistan 2019. URL : laregledujeu.org/2019/01/14/34719/kurdistan-kurdes-2019/ (дата обращения: 24.02.2019).

Mouna Alno-Nakhal. Raimbaud Michel, ancien ambassadeur français : «Les États-Unis n'ont qu'une logique : celle du chaos». 04.03.2015. URL : reseauinternational.net/michel-raimbaud-ancien-ambassadeur-francais-les-etats-unis-nont-quune-logique-celle-du-chaos/ (дата обращения: 06.03.2015).

Nackhlé Ch. Du «chaos constructif» a l'«entropie croissante». Perspectives 2008 au Moyen-Orient // Annuaire français de relations internationales. Vol. IX. Bruxelles : Bruylant, 2008. P. 145–160.

Ne laissons pas s'éteindre en nous la flamme du Kurdistan // Le Monde. 06.11.2017. URL : www.lemonde.fr/idees/article/2017/11/06/ne-laissons-pas-s-eteindre-en-nous-la-flamme-du-kurdistan_5210743_3232.html (дата обращения: 24.02.2019).

Nezan K. Vers un Kurdistan indépendant? // Civitas Europa. 2015/1. N° 34. P. 143–153.

Présentation de la Turquie. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/turquie/presentation-de-la-turquie (дата обращения: 19.01.2019).

Présentation de l'Irak. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/irak/presentation-de-l-irak/ (дата обращения: 19.01.2019).

Semo M. Macron met les droits de l'homme en sourdine // Le Monde. 05.12.2018. URL : www.lemonde.fr/idees/article/2018/12/05/macron-met-les-droits-de-l-homme-en-sourdine_5392727_3232.html (дата обращения: 18.12.2018).

Syrie – Q&R – Extrait du point de presse. 19.03.18. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/syrie/evenements/actualites-2018/article/syrie-q-r-extrait-du-point-de-presse-19-03-18 (дата обращения: 19.01.2019).

Va-t-on abandonner à son sort le Kurdistan? // Le Monde. 05.10.2017. URL : www.lemonde.fr/idees/article/2017/10/05/va-t-on-abandonner-a-son-sort-le-kurdistan_5196530_3232.html (дата обращения: 24.02.2019).

REFERENCES

Vystuplenie ministra Evropy i inostrannyh del Zhan-Iva Le Driana, Jel'-Kuvejt, 13 fevralja 2018 g. URL : www.diplomatie.gouv.fr/ru/ministry/zhan-iv-le-drian/

discours/article/discours-de-jean-yves-le-drian-ministre-de-l-europe-et-des-affaires-etrangeres (data obrashhenija: 19.01.2019).

Litvak N. V. Moral' vo vneshnej politike i diplomatii sovremennoj Francii // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2016. № 8. S. 30–41.

Litvak N. V. O nekotoryh aspektah informacionnoj bor'by na Blizhnem Vostoke // Konfliktologija. 2012. № 4. S. 125–133.

Litvak N. V. Sovremennaja diplomaticheskaja sluzhba kak refleksivnyj institut // Polis. Politicheskie issledovanija. 2018. № 2. S. 163–172.

Soobshhenie Press-sluzhby Prezidenta Respubliki – Telefonnyj razgovor Prezidenta Respubliki i Prezidenta Rossijskoj Federacii Vladimira Putina (2 janvarja 2019 g.). URL : www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/russie/evenements/article/entretien-telephonique-entre-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-et-m-239664 (data obrashhenija: 19.01.2019).

Déclaration du gouvernement régional du Kurdistan sur une décision de la cour suprême irakienne (14 novembre 2017). URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/irak/evenements/article/declaration-du-gouvernement-regional-du-kurdistan-sur-une-decision-de-la-cour (data obrashhenija: 19.01.2019).

Dorin B. Appelez-moi Excellence. Un ambassadeur parle. Montréal : Stanké, 2001. 328 r.

Hertzog G. Bernard-Henri Lévy, le Sénat français et les Kurdes. URL : justiceforkurds.org/2018/03/31/bernard-henri-levy-le-senat-francais-et-les-kurdes/ (data obrashhenija: 24.02.2019).

Irak – Question / Réponse. 24 août 2017. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/irak/evenements/article/irak-question-reponse-24-08-17 (data obrashhenija: 19.01.2019).

Irak – Q&R – Extrait du point de presse 2 octobre, 12 octobre, 17 octobre, 25 octobre 2017. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/irak/evenements/article/irak-kurdistan-irakien-q-r-extrait-du-point-de-presse-12-10-17 (data obrashhenija: 19.01.2019).

Irak – Q&R – Extrait du point de presse. 20 octobre 2017. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/irak/evenements/article/irak-q-r-extrait-du-point-de-presse-20-10-17 (data obrashhenija: 19.01.2019).

Kaval A. Macron assure les Kurdes syriens du « soutien » de la France lors d'une rencontre à l'Elysée // Le Monde. 20.03.2018. URL : www.lemonde.fr/syrie/article/2018/03/29/une-delegation-des-forces-democratiques-syriennes-recue-a-l-elysee_5278326_1618247.html (data obrashhenija: 22.12.2018).

Kouchner B. Les guerriers de la paix. Paris : Editions Grasset, 2004. 300 p.

La cause kurde est la nôtre. URL : melenchon.fr/2019/01/28/la-cause-kurde-est-la-notre/ (data obrashhenija: 12.02.2019).

La Turquie : une relation complexe mais incontournable. Rapport d'information de MM. Claude MALHURET, Claude HAUT et Mme Leila AÏCHI, fait au nom de la commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées n° 736 (2015-2016) – 29 juin 2016. URL : www.senat.fr/rap/r15-736/r15-7366.html#toc196 (data obrashhenija: 02.10.2017).

Lévy B.-H. Justice pour les Kurdes! 04.09.2017a. URL : laregledujeu.org/2017/09/04/32198/justice-pour-les-kurdes/ (data obrashhenija: 24.02.2019).

Lévy B.-H. Contre les Kurdes, la nouvelle «bande des quatre». 16.10.2017b. URL : laregledujeu.org/2017/10/16/32556/kurdes-la-nouvelle-bande-des-quatre-contre-le-kurdistan/ (data obrashhenija: 24.02.2019).

Lévy B.-H. Qui viendra sauver les Kurdes du désastre annoncé? 14.01.2019. URL : laregledujeu.org/2019/01/14/34710/qui-viendra-sauver-les-kurdes-du-desastre-annonce/ (data obrashhenija: 28.01.19).

Lévy B.-H. Adresse aux Nations Unies sur l'abandon du Kurdistan. 30.11.2017. URL:www.bernard-henri-levy.com/adresse-bhl-aux-nations-unies-sur-abandon-kurdistan-53224.html (data obrashhenija: 24.02.2019).

Margolin F. Kurdistan 2019. URL : laregledujeu.org/2019/01/14/34719/kurdistan-kurdes-2019/ (data obrashhenija: 24.02.2019).

Mouna Alno-Nakhal. Raimbaud Michel, ancien ambassadeur français : «Les États-Unis n'ont qu'une logique : celle du chaos». 04.03.2015. URL : reseauinternational.net/michel-raimbaud-ancien-ambassadeur-francais-les-etats-unis-nont-quune-logique-celle-du-chaos/ (data obrashhenija: 06.03.2015).

Nackhlé Ch. Du «chaos constructif» a l'«entropie croissante». Perspectives 2008 au Moyen-Orient // Annuaire français de relations internationales. Vol. IX. Bruxelles : Bruylant, 2008. P. 145–160.

Ne laissons pas s'éteindre en nous la flamme du Kurdistan // Le Monde. 06.11.2017. URL : www.lemonde.fr/idees/article/2017/11/06/ne-laissons-pas-s-eteindre-en-nous-la-flamme-du-kurdistan_5210743_3232.html (data obrashhenija: 24.02.2019).

Nezan K. Vers un Kurdistan indépendant? // Civitas Europa. 2015/1. N° 34. P. 143–153.

Présentation de la Turquie. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/turquie/presentation-de-la-turquie (data obrashhenija: 19.01.2019).

Présentation de l'Irak. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/irak/presentation-de-l-irak/ (data obrashhenija: 19.01.2019).

Semo M. Macron met les droits de l'homme en sourdine // Le Monde. 05.12.2018. URL : www.lemonde.fr/idees/article/2018/12/05/macron-met-les-droits-de-l-homme-en-sourdine_5392727_3232.html (data obrashhenija: 18.12.2018).

Syrie – Q&R – Extrait du point de presse. 19.03.18. URL : www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/syrie/evenements/actualites-2018/article/syrie-q-r-extrait-du-point-de-presse-19-03-18 (data obrashhenija: 19.01.2019).

Va-t-on abandonner à son sort le Kurdistan? // Le Monde. 05.10.2017. URL : www.lemonde.fr/idees/article/2017/10/05/va-t-on-abandonner-a-son-sort-le-kurdistan_5196530_3232.html (data obrashhenija: 24.02.2019).

УДК 329

Д. Ю. Знаменский

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры государственного управления и политических технологий
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»;
e-mail: belyferz@list.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РФ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ: АНАЛИЗ ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВОК ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В статье поднимается вопрос участия современных российских политических партий в процессе формирования политики государства в сфере науки и технологий. Автором проведен анализ программ ведущих партий современной России с целью определения места научно-технической тематики в системе их политических приоритетов. Также при исследовании деятельности политических партий в рамках процессов формирования и реализации государственной научно-технической политики автором были задействованы результаты проведенного им экспертного опроса.

Ключевые слова: национальная научно-технологическая система; государство; государственная научно-техническая политика; политические партии; политическая повестка дня; политические приоритеты; политические программы.

D. Yu. Znamenskiy

PhD (Political Sciences), Associate Professor
at the Department of Public Administration and Political Technologies,
State University of Management;
e-mail: belyferz@list.ru

RUSSIAN PUBLIC POLICY AT THE SPHERE OF SCIENCE AND TECHNOLOGIES: ANALYSIS OF PROGRAM GOALS OF KEY POLITICAL PARTIES

The article raises the problem of participation of political parties in the process of formation of Russian scientific and technological policy. The author analyzes the programs of the leading parties of modern Russia in order to determine the place of scientific and technical topics in the system of their political priorities. Also, in the study of the participation of political parties in the processes of elaboration and realization of the public scientific and technological policy, the author involved the results of his expert survey.

Key words: national scientific and technological system; state; public scientific and technical policy; political parties; political agenda; political priorities; political programs.

CC BY

Введение

Развитие национальной научно-технологической системы является одним из ключевых вопросов политической повестки дня современной России. В пользу данного утверждения свидетельствует как содержание официальных выступлений первых лиц государства, так и принятие в последние годы ряда стратегических документов (в том числе Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642). В этой связи представляет интерес степень внимания современных политических партий к проблемам реализации государственной научно-технической политики и формировании ее приоритетов. Представляется справедливым предположение, что в программных документах ведущих политических партий должен найти свое отражение существующий запрос общества в части развития национальной научно-технологической системы – ведь именно политические программы в настоящее время призваны играть роль «товара» партий, который необходимо «продать» избирателю [Татаринова, Харичкин 2012].

Указанные выше обстоятельства обусловили цель настоящего исследования – на основе анализа программных документов определить место развития науки и технологий в системе приоритетов ведущих политических партий современной России.

Проблематика отношений государства и гражданского общества в процессе формирования и реализации государственной политики в той или иной сфере неоднократно становилась объектом исследований отечественных и зарубежных политологов [Норре 2009; Филимонов 2015]. При этом в качестве предмета большинства исследований чаще всего являлась деятельность государства и его институтов [Туровский, Ефремов 2014]. Между тем партийные программы, особенно в части приоритетов государственной научно-технической и инновационной политики, практически не рассматривались российскими политологами.

Методы и материалы исследования

Методологической основой изложенного в настоящей статье исследования стал контент-анализ программ ведущих политических партий России. Содержание программ было взято с официальных сайтов политических партий в Интернете. Исходя из цели настоящей

статьи, в процессе исследования основное внимание было уделено следующим вопросам (единицам анализа):

а) поддержка фундаментальных исследований;
б) воспроизводство кадрового потенциала;
в) социальный статус ученого;
г) интеграция высшего образования и науки, развитие вузовской науки;
д) формирование национальной инновационной системы.

Немаловажную роль в проведенном исследовании была отведена также экспертному опросу, позволившему определить отношение представителей научного (в первую очередь вузовского) сообщества к фактической роли партий в процессах определения приоритетов политики РФ в сфере науки и технологий, а также реализации данной политики. Всего в опросе приняли участие 200 представителей профессорско-преподавательского состава классических[1], технических[2], гуманитарных[3] и экономико-управленческих[4] университетов.

Временны́е рамки полевых работ составляют период с 5 февраля по 5 апреля 2019 г. Среди респондентов доля докторов наук составляет 25 %, доля кандидатов наук – 61,7 %, 13,3 % не имеют ученой степени; гендерное соотношение выглядит следующим образом: 56,7 % респондентов – мужчины, 43,3 % – женщины; примерно треть респондентов представляет категория молодых ученых (кандидаты и доктора наук в возрасте не моложе 35 и 40 лет соответственно).

---

[1] МГУ им. М.В. Ломоносова, Новосибирский государственный университет, Балтийский государственный университет им. И. Канта, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, Тверской государственный университет, Сыктывкарский государственный университет, Томский государственный университет, Байкальский государственный университет, Воронежский государственный университет.

[2] Московский энергетический институт, МГТУ им. Н.Э. Баумана, Российский государственный геологоразведочный университет, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Московский государственный университет дизайна и технологий и др.

[3] Московский государственный лингвистический университет, Московский гуманитарный университет, Государственный гуманитарно-технологический университет, Российский государственный гуманитарный университет и др.

[4] Государственный университет управления, Московский государственный юридический университет (МГЮА), Российский государственный социальный университет, Финансовый университет при Правительстве РФ, РАНХиГС при Президенте РФ, Московская финансово-юридическая академия, Санкт-Петербургский филиал НИУ-ВШЭ и др.

В первой редакции анкета содержала также ряд вопросов, требующих проставления балльной оценки каждому из предложенных вариантов ответа. Значительно реже – всего один раз в основном и дважды в социально-демографическом блоке анкеты – применялись открытые вопросы. Большинство вопросов носило закрытый или полузакрытый характер.

Результаты анализа программ ведущих политических партий в Российской Федерации

Предваряя рассмотрение программных положений ведущих российских политический партий в области научно-технической политики, необходимо коснуться особенностей положения ведущей партии – «Единая Россия». Как отмечают отдельные исследователи, данная пария обладает двоякой природой. С одной стороны, очевиден ее нынешний политический статус как правящей партии, обладающей устойчивым большинством как в федеральном парламенте, так и в регионах. Однако, с другой стороны, в отличие от других российских партий, «Единая Россия» была фактически учреждена властью (так называемая партия наоборот) и, следовательно, вынуждена представлять прежде всего интересы политического руководства страны и высшей бюрократии, а не народа. В этой связи анализ ее программных установок по любому из направлений государственной политики (в том числе и научно-технической) во многом дублирует анализ целевых установок самого Правительства.

Программа «Единой России» [Единая Россия URL] выделяет высокие научные достижения в качестве конкурентного преимущества России. Основной акцент при описании приоритетов государственной научно-технической политики делается на *увеличении финансирования науки*, усилении помощи малым инновационным предприятиям и так называемым прорывным проектам. Особое внимание при этом уделяется увеличению спроса на инновационную продукцию. В этой связи актуальны установки партии на стимулирование технологического перевооружения и помощи бизнесу в получении доступа к современным технологиям.

Другим приоритетом программы партии в сфере науки и технологий выступает *воспроизводство кадрового потенциала*, как за счет собственных ресурсов, так и с помощью привлечения квалифицированных

кадров из-за рубежа. Особое внимание в программе партии уделяется вопросам *формирования национальной инновационной системы*. В частности, говорится о развитии национальной экономики, модернизации системы образования, техническом перевооружении промышленности, создании условий для привлечения инвестиций (в том числе зарубежных), формировании инфраструктуры для инноваций.

В качестве «локомотивов» развития страны рассматриваются инновационные территории всех видов (включая наукограды и инноград «Сколково»). Среди приоритетных отраслей при этом выделяются телекоммуникации, информационные технологии, биотехнологии, энергетика и сельское хозяйство.

В части повышения доли высшей школы в общем объеме научных исследований и, следовательно, научного потенциала отечественных вузов партия власти уделяет особое внимание приоритетному бюджетному финансированию вузов – лидеров в своей сфере (например, национальных исследовательских университетов), а также развитию механизмов государственно-частного партнерства в сфере вузовской науки. В качестве цели данного совершенствования идеологи партии рассматривают приоритетную поддержку университетов, способных давать наиболее качественное образование. В результате реализации указанных программных установок к 2020 г. в России, по мнению идеологов «Единой России», должно действовать несколько университетов мирового класса по всему спектру научных исследований.

Анализ программы одной из главных оппозиционных партий – КПРФ [Коммунистическая партия Российской Федерации URL] – позволяет сделать вывод, что по ряду ключевых моментов ее позиции достаточно близки к позициям «Единой России». Так, в качестве основной целевой установки в программе КПРФ содержится требование повышения уровня финансирования научных организаций (в частности, значительный рост зарплат отечественных ученых), восстановления советской системы среднего и высшего образования, а также энергичное развитие наукоемкого производства.

Вместе с тем по ряду принципиальных вопросов позиции КПРФ и партии власти расходятся. Главным образом это касается самих принципов построения национальной инновационной системы (развитие РАН и системы отраслевых НИИ, как правило, государственных, вместо сугубо финансовой поддержки преимущественно

государственных корпораций и коммерческих структур). Кроме того, существенными представляются различия в позициях «Единой России» и КПРФ по вопросу государственной политики в отношении высшей школы, аттестации научно-педагогических кадров высшей квалификации, развитию наукоградов и др.

Среди многих отечественных политологов существует мнение, что «Справедливую Россию» вряд ли возможно рассматривать как оппозиционную партию. Вместе с тем по целому ряду позиций данная партия выступает с достаточно жесткой критикой по отношению к партии власти. Основным предметом критики являются социальные вопросы, в том числе социальные аспекты научно-технической и образовательной политики. Среди положений программы партии «Справедливая Россия» относительно государственной научно-технической политики можно выделить следующие.

Во-первых, повышенное внимание к поддержке молодых ученых и *воспроизводству кадрового потенциала российской науки*, в том числе требования:

а) законодательного обеспечения гарантий первоначального трудоустройства выпускникам колледжей и вузов;
б) развития системы бюджетного приема целевым назначением для государственных предприятий (своеобразный «госзаказ» на подготовку специалистов);
в) привлечения талантливой молодежи в научные организации и наукоемкие предприятия, а также создание условий для их закрепления в данном секторе экономики;
г) принятия специальных программ обеспечения жильем молодых специалистов, аспирантов, докторантов.

Во-вторых, представляет интерес требование придать учителям школ, преподавателям вузов и научным сотрудникам *статус государственных служащих* со всеми полагающимися социальными льготами. В-третьих, особое внимание в программе партии «Справедливая Россия» уделяется вопросам *содействия формированию в общественном мнении позитивного имиджа науки, особенно профессии ученого*.

Кроме того, программа партии «Справедливая Россия» акцентирует внимание на:

а) углублении взаимосвязей науки и высшего образования;

б) необходимости приоритетной государственной поддержки университетской науки (в соответствии с программой партии необходимо добиться повышения доли научных исследований, проводимых в вузах, в общем объеме финансирования гражданских НИОКР как минимум до 20 %);
в) существенном (до 5 раз) повышении уровня научных грантов и стипендий при общем росте государственных расходов на образование и науку с нынешних 2 % ВВП до 7 %.

Особый интерес в контексте настоящего исследования представляет программный пункт «Справедливой России», посвященный необходимости формирования приоритетов государственной научно-технической политики с учетом мнения всего научного и вузовского сообщества. Однако формы такого участия научных кругов в формировании государственной научно-технической политики партийной программой не раскрываются.

Анализ позиции Либерально-демократической партии России (далее – ЛДПР) по вопросам научно-технической политики представляется возможным основывать на предвыборной программе кандидата в Президенты РФ В. В. Жириновского (так называемые 111 стратегических позиций ЛДПР). Среди указанных позиций заслуживают внимания, во-первых, установка на качественное развитие высшего образования (в том числе введение более жесткого отчисления из вузов за академическую неуспеваемость, социальные гарантии студентам и молодым специалистам), во-вторых, стратегия в области социальной поддержки научных работников (в качестве главного направления выделено предотвращение дальнейшей «утечки умов»).

Характеризуя позицию внепарламентских партий по рассматриваемому вопросу, следует отметить, что к настоящему времени в России зарегистрировано порядка 60 политических партий. Однако, по данным Левада-центра [АНО «Левада-центр» URL], относительно лавинообразного роста численности политических партий в России оказались осведомлены всего 5 % опрошенных. Те же 5% готовы перейти в число избирателей новых партий, тогда как почти две трети (61%) намерены поддержать старые партии, как парламентские, так и непарламентские.

Учитывая тот факт, что праволиберальные партии в большинстве своем не получили еще общественной поддержки, о чем наглядно

свидетельствуют результаты как социологических исследований, так и выборов в Государственную Думу 2016 г., детальный анализ всех программ указанных партий не представляется необходимым. Вместе с тем следует обратить внимание на программы наиболее известных праволиберальных партий, содержащие ряд принципиальных целевых установок относительно государственной научно-технической политики.

Так, соответствующий блок «Демократического манифеста» всероссийской политической партии «Яблоко» начинается с констатации недостаточного финансирования науки, культуры и образования. Идеологи партии отмечают, что властью «взят курс на их бездумную коммерциализацию» [Всероссийская политическая партия «Яблоко» URL]. В этой связи программа партии содержит ключевую целевую установку на восстановление научно-образовательного потенциала России, приоритетную поддержку наукоемкой промышленности, стимулирования инвестиций в отрасли с высокой концентрацией наукоемких технологий и высоким инновационным потенциалом. В программе особо отмечаются три ключевых стратегических ресурса развития российской экономики: образование, наука и высокотехнологичная промышленность, а также требуется их закрепление в качестве таковых на государственном уровне. Указанные три сферы, по мнению идеологов партии, должны быть объединены в единую экономику знаний, что позволит реализовать их огромный потенциал.

Более развернуто по вопросу государственной научно-технической политики была представлена позиция политической партии «Гражданская платформа». Так, в числе конкретных мер по поддержке фундаментальных исследований программа данной партии в 2016 г. выделяла требование предоставления *гарантий прав интеллектуальной собственности ученых и исследователей на результаты их интеллектуальной деятельности* даже в случаях их создания по заданиям органов государственной власти. Подобная мера могла бы открыть возможность для коммерциализации данных результатов.

Анализ программ большинства праволиберальных партий содержит положения о значимости восстановления престижа профессии научного и научно-педагогического работника, улучшения качества жизни данных категорий персонала, а также развития научно-

исследовательской деятельности в университетах. В последнем случае особо отмечается установка на самостоятельность вузов (в первую очередь – финансовую), развитие университетского самоуправления, коммерциализацию результатов вузовских научных исследований и привлечение частных инвестиций в высшую школу.

Что касается такого направления государственной научно-технической политики, как формирование национальной инновационной системы, то программы большинства праволиберальных партий акцентируют внимание на ее территориальных аспектах, т. е. на развитии наукоградов, академических городков, технико-внедренческих особых экономических зон и т. п. В частности, предлагается уравнять все подобные территории по масштабам материально-технической, организационной и финансовой поддержки с инноградом «Сколково». Эта мера, по мнению авторов соответствующих программ, позволит создать равные условия для конкуренции всех отечественных научно-технологических и инновационных центров.

Достаточно системно проблемы современной российской научно-технологической системы изложены в программе Партии народной свободы (ПарНаС). В самом общем виде они сводятся к следующим:

1) общее снижение уровня фундаментальной и прикладной науки;
2) риск окончательной деградации академической науки как следствие реформы Российской академии наук и учреждения Федерального агентства научных организаций (т. е. фактически установление прямого административного контроля за управлением имуществом научно-исследовательских институтов системы РАН;
3) крайне низкий уровень престижа научно-педагогических профессий;
4) практическое отсутствие системы общественного контроля за управлением в области образования и науки.

Главными средствами решения означенных проблем программа Партии народной свободы видит следующие [Партия народной свободы URL]:

1) повсеместное внедрение институтов вузовского самоуправления (при этом основным институциональным решением считается развитие попечительских советов с участием представителей деловых кругов, гражданского общества и экспертов);

2) существенное увеличение доли бюджетных затрат на образование и науку (в первую очередь – расходов на оплату труда научным и научно-педагогическим работникам);
3) развитие системы привлечения частных средств (как инвестиций, так и пожертвований) в науку и образование, особое внимание уделяется повышению роли частных фондов в финансировании фундаментальных научных исследований;
4) сохранение необходимого государственного финансирования фундаментальных исследований в тех областях науки, результаты исследований в которых не подлежат немедленной коммерциализации;
5) осуществление государственной информационной кампании по пропаганде достижений отечественной и мировой науки и формирования позитивного имиджа профессии ученого;
6) реформирование системы принятия решений в сфере науки, обеспечение непременного участия научного сообщества в разработке стратегии развития национальной научно-технологической системы.

Резюмируя всё изложенное выше, можно сделать следующие общие выводы. Во-первых, в программах подавляющего большинства политических партий содержится весьма схожее описание проблем отечественной научно-технологической системы (в том числе ряд оппозиционных партий выдвигает тезисы о неэффективности системы управления наукой, систематической «утечке умов», недостаточном финансировании и, как следствие, падении престижа профессии ученого). Во-вторых, при всем разнообразии программных установок ведущих политических партий в области науки и технологий практически все программы в качестве ключевых приоритетов указывают на:

1) увеличение объемов государственного финансирования (при этом главные различия состоит в объектах финансирования – вузы, государственные НИИ или наукоемкие предприятия реального сектора экономики);
2) развитие кадрового потенциала науки;
3) расширение вузовского сектора науки;
4) меры, направленные на повышение престижа науки и социального статуса ученого.

Результаты анализа форм участия политических партий в формировании и реализации государственной научно-технической политики

Анализ фактического участия ведущих политических партий в разработке приоритетов государственной научно-технической политики позволяет констатировать неполное использование парламентскими партиями имеющегося у них законодательного ресурса. Данное обстоятельство заслуживает внимания особенно потому, что в программах всех партий, вошедших в действующий созыв Государственной Думы, содержатся установки на совершенствование национальной научно-технологической системы. Подтверждением означенной позиции автора может послужить тот факт, что в течение последних полутора лет парламентом так и не принят новый федеральный закон о науке (проект закона внесен в Государственную Думу весной 2018 г.).

Безусловно, оценивая активность института политических партий в процессе формирования стратегии развития науки и технологий, а также при осуществлении двустороннего взаимодействия власти и общества, необходимо учитывать положение той или иной конкретной партии в политической системе России.

Так, влияние «Единой России» как правящей партии на законодательный процесс можно считать определяющим, если не судьбоносным. Однако нельзя не заметить, что бóльшая часть законодательных инициатив, в том числе в области развития высшей школы, управления наукой и инновационными процессами, разрабатывается в системе исполнительной власти и вносится в парламент от лица Правительства РФ [Знаменский, Михалина 2013]. Указанное обстоятельство заставляет несколько по-иному взглянуть на роль партии власти в системе управления отечественной наукой: как правило, она сводится к поддержанию правительственных проектов, а также недопущению сплочения оппозиции.

Кроме того, следует выделить ряд мероприятий, организуемых правящей партией как в рамках своей парламентской деятельности, так и вне ее. Речь идет о разнообразных парламентских слушаниях, «круглых столах» и иных тематических мероприятиях, в том числе с участием экспертов. Также следует отметить значительное число общероссийских и региональных проектов «Единой России», причем

некоторые из них затрагивают научно-техническую сферу, а также учреждение специализированных фондов поддержки науки. Однако следует отметить, что деятельность партии власти часто носит однонаправленный характер, что характеризует ее, скорее, как проводника политики Правительства РФ, нежели как институт представительства общественных интересов.

В этой связи заслуживает внимания следующее противоречие, неоднократно подчеркиваемое некоторыми отечественными политологами. С одной стороны, в общественных дискуссиях и тематических «круглых столах», организуемых «Единой Россией», как правило, принимают активное участие представители политических, деловых и экспертных кругов (причем далеко не всегда придерживающихся идеологии правящей партии). С другой стороны, практика предвыборных кампаний 2003–2018 гг. свидетельствует о нежелании партийного руководства включаться в межпартийные дискуссии. В качестве аргументов, как правило, приводится исключительность положения правящей партии, «разность весовых категорий» и иные схожие обстоятельства. Комментируя приведенное обстоятельство, С. П. Перегудов предполагает, что в данном случае партия власти стремится избежать двух рисков: вынужденного отказа от использования административного ресурса в условиях открытого спора и, что не менее важно, риска прямого проигрыша оппонентам [Перегудов 2011, с. 344].

Иные парламентские партии (так называемая системная оппозиция в лице КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России») также имеют ряд возможностей как в законодательной деятельности и определении приоритетов политики, так и при осуществлении обратной связи.

В первом случае указанные партии, несмотря на конституционное большинство «Единой России» в Государственной Думе (338 депутатских мест из 450), могут, во-первых, корректировать законопроекты исполнительной власти и правящей партии путем внесения в них поправок, во-вторых, разрабатывать собственные проекты федеральных и региональных законов в области науки и технологий, в-третьих, организовывать разнообразные публичные мероприятия (парламентские слушания, экспертные обсуждения, «круглые столы») по проблемам государственной научно-технической политики. Кроме того, остается неизменным значение оппозиционных партий как институтов политического опосредования. В самом общем виде

подобную деятельность партий парламентской оппозиции можно свести к следующему:

а) критический анализ деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере науки и технологий;
б) публикация аналитических материалов по данному вопросу (например, альтернативной статистики);
в) использование всего спектра методов парламентского контроля, доступных депутатам;
г) привлечение внимания власти и общества к наиболее острым проблемам образования и науки посредством организации митингов, шествий и иных протестных акций.

Несомненно, возможности так называемой непарламентской оппозиции в рассматриваемой сфере видятся значительно скромнее.

В контексте всего вышесказанного нельзя не заметить, что подавляющее большинство участников социологического опроса, проведенного в рамках настоящего исследования, отмечают незначительную роль политических партий в процессах формирования, реализации и оценки государственной научно-технической политики. Так, при ответе на вопрос о том, какие политические институты принимают наиболее активное участие в процессе формирования соответствующей государственной политики, на политические партии указало всего 16% экспертов (при этом 26% отметило, что партии должны более активно участвовать в этом процессе). При этом 62% опрошенных в числе политических партий, оказывающих влияние на формирование государственной политики в сфере науки и технологий, отметили партию «Единая Россия», 26% – КПРФ, прочие партии упомянуло менее 10% экспертов. Обращает на себя внимание также то, что 24% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Приведенные результаты подтверждаются также данными Левада-центра (опрос проводился 15–20 февраля 2019 г. по репрезентативной всероссийской выборке объемом 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ), свидетельствующими о невысокой (рейтинг 2,9 балла по 5-балльной шкале) оценке гражданами роли политических партий в жизни России [АНО «Левада-центр» URL]. По данным ВЦИОМ, деятельность политических партий в целом одобряют не более 32 % россиян [Всероссийский центр исследования общественного мнения URL].

Заключение

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что столь продолжительное и практически безраздельное господство «Единой России» (так называемой партии-«авангарда») не могло не вызвать сложности для формирования других дееспособных партий. Следует согласиться с мнением С. П. Перегудова, обращающего внимание на невыполнение (либо неэффективное выполнение) российскими партиями своей ключевой функции – формирование властных институтов, способных обеспечить эффективность функционирования как государства, так и общества в целом [Перегудов 2011, с. 55]. Сфера науки и технологий в данном случае не является исключением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АНО «Левада-центр» : [официальный сайт]. URL : www.levada.ru/30-01-2013/vsego-5-rossiyan-gotovy-progolosovat-za-novye-partii (дата обращения: 15.04.2019).

Всероссийская политическая партия «Единая Россия» : [официальный сайт]. URL : er.ru (дата обращения: 17.05.2019).

Всероссийская политическая партия «Яблоко» [официальный сайт]. URL : www.yabloko.ru/ (дата обращения: 17.05.2019).

Всероссийский центр исследования общественного мнения : [официальный сайт]. URL : wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (дата обращения: 17.05.2019).

Знаменский Д. Ю., Михалина О. А. Участие политических институтов в процессе формирования государственной научно-технической политики Российской Федерации // Вестник университета (Государственный университет управления). 2013. № 8. С. 191–195.

Коммунистическая партия Российской Федерации : [официальный сайт]. URL : kprf.ru (дата обращения: 17.05.2019).

Партия народной свободы [официальный сайт]. URL : parnasparty.ru/party/platform (дата обращения: 19.05.2019).

Перегудов С. П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. М. : РОССПЭН. 2011. 430 с.

Роль институтов. 04.03.2019 // АНО «Левада-центр» : [официальный сайт]. URL : www.levada.ru/2019/03/04/rol-institutov-2/ (дата обращения: 17.05.2019).

Татаринова Ю. Н., Харичкин И. К. Политический имидж политической элиты сквозь призму электоральных предпочтений // Вестник университета. М. : ГУУ. 2012. № 4. С. 89–94.

Туровский А. А., Ефремов Р. Ю. Стратегии модернизации государственного управления // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 7. С. 85–88.

Филимонов Д. А. Направления реформирования ключевых институтов российского общества // Вестник университета (Государственный университет управления). 2015. № 6. С. 242–245.

Hoppe R. Scientific advice and public policy: expert advisers' and policymakers' discourses on boundary work // Poiesis and Praxis. 2009. № 6 (3–4). P. 235–263.

REFERENCES

ANO «Levada-centr» : [oficial'nyj sajt]. URL : www.levada.ru/30-01-2013/vsego-5-rossiyan-gotovy-progolosovat-za-novye-partii (data obrashhenija: 15.04.2019).

Vserossijskaja politicheskaja partija «Edinaja Rossija» : [oficial'nyj sajt]. URL : er.ru (data obrashhenija: 17.05.2019).

Vserossijskaja politicheskaja partija «Jabloko» [oficial'nyj sajt]. URL : www.yabloko.ru/ (data obrashhenija: 17.05.2019).

Vserossijskij centr issledovanija obshhestvennogo mnenija : [oficial'nyj sajt]. URL : wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (data obrashhenija: 17.05.2019).

Znamenskij D. Ju., Mihalina O. A. Uchastie politicheskih institutov v processe formirovanija gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoj politiki Rossijskoj Federacii // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija). 2013. № 8. S. 191–195.

Kommunisticheskaja partija Rossijskoj Federacii : [oficial'nyj sajt]. URL : kprf.ru (data obrashhenija: 17.05.2019).

Partija narodnoj svobody [oficial'nyj sajt]. URL : parnasparty.ru/party/platform (data obrashhenija: 19.05.2019).

Peregudov S. P. Politicheskaja sistema Rossii v mirovom kontekste: instituty i mehanizmy vzaimodejstvija. M. : ROSSPJeN. 2011. 430 s.

Rol' institutov. 04.03.2019 // ANO «Levada-centr» : [oficial'nyj sajt]. URL : www.levada.ru/2019/03/04/rol-institutov-2/ (data obrashhenija: 17.05.2019).

Tatarinova Ju. N., Harichkin I. K. Politicheskij imidzh politicheskoj jelity skvoz' prizmu jelektoral'nyh predpochtenij // Vestnik universiteta. M. : GUU. 2012. № 4. S. 89–94.

Turovskij A. A., Efremov R. Ju. Strategii modernizacii gosudarstvennogo upravlenija // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija). 2014. № 7. S. 85–88.

Filimonov D. A. Napravlenija reformirovanija kljuchevyh institutov rossijskogo obshhestva // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija). 2015. № 6. S. 242–245.

Hoppe R. Scientific advice and public policy: expert advisers' and policymakers' discourses on boundary work // Poiesis and Praxis. 2009. № 6 (3–4). P. 235–263.

УДК 321.013

Е. М. Минин

кандидат исторических наук, доцент;
доцент кафедры теории регионоведения ИМО и СПН
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: mininem47@list.ru

НЕКОТОРЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА

В статье даются некоторые прогнозы относительно возможного мироустройства современного общества на европейском континенте. Среди них – сценарии, разработанные группой экспертов Еврокомиссии, а также его главой Жан-Клодом Юнкером, представившим пять вариантов возможного развития Евросоюза после Brexit. Приводится исследование Санкт-Петербургского государственного университета, разработавшего три сценария будущего развития европейской интеграции и место в них европейских элит и граждан. Рассматривается также сетевая деятельность некоторых российских блогеров, анализирующих политику толерантности, мультикультурализма и либеральных ценностей в Европе. Приводится ряд других интересных разработок отечественных и зарубежных ученых, включая возможные сценарии будущего некоторых отдельных государств, таких, например, как Украина, которая сейчас находится в состоянии тяжелого кризиса.

Ключевые слова: Европа; Евросоюз; еврокомиссия; европейская интеграция; мироустройство; государство; прогноз; сценарий; Санкт-Петербургский государственный университет; блогер.

Eu. M. Minin

PhD (History), Associate Professor;
Associate Professor at the Department
at Theory of Regional Studies Department,
Moscow State Linguistic University; e-mail: mininem47@list.ru

SOME SCENARIOS FOR THE FUTURE DEVELOPMENT OF EUROPEAN REGION

The article presents some predictions about the possible world order of modern society on the European continent. Among them are scenarios developed by a group of experts of the European Commission, as well as its head Jean-Claude Juncker, who presented five options for the possible development of the European Union after Brexit. The paper presents a study of St. Petersburg State University, which has developed three scenarios for the future development of European integration and the place of European elites and citizens in them. The network activity of some Russian bloggers analyzing the policy of tolerance, multiculturalism and liberal values in Europe is considered. A number of other interesting developments of domestic and foreign

scientists are given, including possible scenarios for the future of some individual states, such as Ukraine, which is now experiencing a severe crisis.

Key words: Europe; the European Union; the European Commission; European integration; world order; state; forecast; scenario; St. Petersburg State University; blogger.

Введение

Ученые и политики во все времена старались сделать более или менее точные прогнозы относительно будущего мироустройства. Особенно преуспели в этом отношении европейские эксперты, пытавшиеся на научной основе предсказать пути, по которым может пойти развитие Европы. Сегодня уже можно определенно говорить о том, какие научные и практические прогнозы ведущие европейские ученые-обществоведы и практикующие политики делали и делают в отношении регионального строительства на европейском континенте в ближайшей перспективе.

Сценарии Европы-2010

В конце 1999 г. специальная группа экспертов Еврокомиссии подготовила доклад «*Сценарии Европы 2010*», в котором в схематичном виде представлены пять основных возможных направлений развития ЕС в течение грядущего десятилетия [Минин 2018, с. 37]. Характерно, что, согласно подавляющему большинству этих сценариев, роль регионов в ЕС будет расти, а в ряде случаев они практически заменят национальные государства.

Одновременно с этим центральные власти «наций-государств», властные структуры их регионов, а также руководство Евросоюза вынуждены постоянно анализировать активизирующийся и расширяющийся процесс европейской регионализации и самим строить те или иные прогнозы. Среди этих прогнозов, получивших наиболее широкое распространение и признание в научном мире, можно выделит следующие.

1. Вот один из выводов, сделанных учеными и политиками в отношении таких прогнозов: «*От краха Вестфальской системы – к сообществу регионов».* Под этим утверждением подразумевается тот неоспоримый факт, что медленно, но уверенно и безвозвратно, рушится созданная около 370 лет назад Вестфальская система миропорядка (1648). Свое название Вестфальская система получила от названия германской местности Вестфалии, где расположены города

Оснабрюк и Мюнстер – места заключения мирных договоров. Тогда, в середине XVII в., были заключены два мирных договора, ознаменовавшие окончание 30-летней войны в Европе между Священной Римской империей германской нации, с одной стороны, и Швецией и Францией – с другой. Это ознаменовало начало распада Германии, хотя за ней и было признано право суверенного управления раздробленными немецкими государствами. Вестфальская система заложила фундамент современного международного права.

Иными словами, делается весьма неутешительный для «нации-государства» прогноз о замене вестфальской системы мироустройства на новую – *сообщество регионов*, которая будет развиваться под эгидой некоторых наднациональных структур, например, Евросоюза. Таким образом, сообщество регионов может в будущем заменить отдельные суверенные государства.

2. Определенный интерес представляет собой сценарий «*Опора на собственные силы*». Усиление экономической и политической мощи регионов приводит к существенному усилению и расширению локального влияния местной (региональной) власти, что выражается в распространении таких идеологем, как «опора на собственные (региональные) силы». Это ведет к усилению влияния идеологии региональной идентичности в Европе, сопровождающейся, как правило, значительным распространением социальной составляющей типа «do it yourself!» («сделай это сам!») [Минин 2018, с. 38].

3. Весьма привлекательным является и такой сценарий будущего развития Европы, как *«Разделяемая ответственность»*. Он предполагает, что будет подписан некий общественный договор между различными структурами Европы: Евросоюзом, государствами, регионами, общественными организациями. Эти договоры должны включать, наряду с политическими, экономическими, научно-техническими, экологическими, культурными и прочими аспектами, также и вопросы разграничения полномочий и ответственности в различных сферах их деятельности.

4. Еще один сценарий-прогноз будущего развития Европы называется «*Триумф свободного рынка*». Его суть заключается в том, что все отношения в различных сферах между государствами и их регионами, между самими регионами внутри государства, между регионами различных государств (т. е. между всеми субъектами отношений)

будут строиться исключительно *по законам рынка*. При этом все регионы неизбежно теряют экономическую и финансовую помощь (в виде займов, фондов, трансфертов и пр.) своего государства и Евросоюза.

Но в этом случае достаточно легко спрогнозировать, к чему может привести развитие событий по такому сценарию. При доминировании рыночных отношений обязательно появятся сильные регионы (регионы-«доноры») и слаборазвитые регионы. Это неизбежно в силу их различной ресурсной обеспеченности, разного геополитического положения и включенности в систему мирохозяйственных связей. Между такими регионами, между регионами и государствами, равно как и между самими государствами возникнет определенная напряженность, для преодоления которой потребуются немалые усилия и задействование серьезных механизмов, в том числе и надгосударственных [Региональное развитие: опыт России и Европейского союза 2010, с. 2015–2017].

5. Еще одним вариантом прогноза является сценарий *«Сто цветов»*, провозглашаемый под лозунгом «*Жизнь без правительства*». Суть его заключается в том, что центральные власти государств повсюду в Европе в силу прогрессирующей бюрократизации оказываются не в состоянии эффективно отвечать на запросы гражданского общества. В результате под «сенью» общеевропейских структур большинство их функций переходит к региональным и локальным сообществам. Региональное и местное самоуправление становится единственным реально действующим механизмом власти и заменяет собой государство. Это вызывает упадок центральных публичных властей повсюду в Европе – реализуется лозунг «жизнь без правительства». Его реализация предполагает, что все вопросы, касающиеся внутрирегиональной жизни, должны решаться в самих регионах, своими региональными правительствами. Его авторы-сценаристы так прямо и говорят: «Будущее – за нами, а не за государствами-нациями» [Возможные сценарии будущего Единой Европы 2018].

Пять сценариев европейского развития Жана-Клода Юнкера

Помимо рассмотренных вариантов будущего развития Европы появляется еще целый ряд сценариев, связанных с процессами регионализации на европейском континенте.

В частности, в марте 2017 г., в год 60-летнего юбилея Евросоюза, глава Еврокомиссии *Жан-Клод Юнкер* назвал пять сценариев возможного развития Европейского союза после завершения процесса Brexit. Эти варианты были им опубликованы на 32 листах и представлены в «*Белой книге будущего Европы*» [Пять сценариев будущего ЕС: из чего выбирают европейские лидеры 2018]. Сам Юнкер выступает за продолжение интеграционных процессов в ЕС, выдвигая максимально жесткие требования. Предложенные им варианты различаются степенью интеграции государств – членов Евросоюза и полнотой передачи своих национальных полномочий на есовский уровень. Кроме того, в данном материале анализируются возможные вызовы и перспективы для Европы в обозримом будущем (до 2025 г. включительно).

Названия этих пяти сценариев предполагаемого европейского развития следующие: «Ничего, кроме единого рынка»; «Продолжение курса»; «Делать меньше более эффективно»; «Те, кто хотят большего, делают больше» и «Делать намного больше вместе».

Сценарий «*Продолжение курса*» предполагает, что все 27 стран – участниц Евросоюза продолжают функционировать по своим обозначенным ранее приоритетам. Данный, фактически инерционный, проект предусматривает постепенное введение некоторых гибких нововведений в деятельность Европейского союза, которые, как считает Европейская комиссия, создадут условия для достижения «медленно нарастающего прогресса». Властные структуры стран ЕС будут обязаны согласиться с расширением общего рынка, объединением вооруженных сил и «формированием общего голоса на международных переговорах».

Одновременно целый ряд проблем (пограничный, таможенный контроль и др.) будет решаться внутри стран Евросоюза. Вместе с тем это грозит возникновением серьезных трудностей в деле свободы перемещения в пределах Шенгенской зоны несмотря на то, что Еврокомиссия обращает внимание на обязанность создания необходимых условий для «беспрепятственного трансграничного перемещения жителей Европы без пограничного контроля».

Кроме того, Еврокомиссия выдвигает требование «постоянного совершенствования пограничного контроля, которое необходимо для того, чтобы успешно справиться с вызовами современности». В противном случае, предупреждает комиссия, у отдельных стран ЕС может возникнуть желание «ввести собственный внутренний контроль».

Серьезный минус данного сценария заключается в сложности процесса принятия необходимых решений, а также в несоответствии их реализации ожидаемым результатом.

Сценарий «*Ничего, кроме единого рынка*» предполагает, что ряд проблем (например, миграция, безопасность и оборона), останутся вне поля обсуждения и практического решения на уровне Евросоюза. Кроме того, экологические, социальные вопросы, а также проблема прав человека тоже останутся «вне игры». В этом «рыночном» сценарии, предусматривающем свободное перемещение людей, в проигрыше окажутся те страны – члены Евросоюза, у которых оказалось больше внутреннего пограничного контроля.

Это вариант не устраивает многих чиновников ЕС. Еврокомиссия полагает, что если сделать главный и единственный акцент на едином рынке, то, несмотря на кажущуюся простоту принятия решений, возможность коллективных действий будет ограничена». А это, в свою очередь, «может привести к разрыву на всех уровнях между ожиданиями и результатами». В таком случае Евросоюзу неизбежно будет грозить повышенный риск для евровалюты, поскольку экономическое руководство зоной евро повышает ее уязвимость для грядущих экономических кризисов.

Сценарий «*Те, кто хотят большего, делают больше*» акцентирует внимание на главной группе стран – членов Евросоюза, которые стремятся к наиболее тесной интеграции в ряде областей, в первую очередь, таких как, например, налогообложение, в то время как другие члены ЕС имеют право самим делать выбор, хотят они этого или нет. Такие страны смогут присоединиться к первым несколько позднее. В некотором роде подобное «расширенное сотрудничество» уже имеет место согласно действующим правилам Евросоюза по организации офиса европейского прокурора или налога на финансовые операции.

Одновременно ряд чиновники ЕС полагают, что, если позволить странам-членам «делать больше» по своему усмотрению, то это может привести к возникновению «добровольных объединений» стран–членов ЕС в некоторых областях политики (например, внутренняя безопасность, оборона, социальные вопросы, налогообложение и пр.). Еврокомиссия выражает опасения, что это приведет к углублению различий в правах граждан стран ЕС).

«*Делать меньше, но более эффективно*». Данный вариант сценария схож с инерционным, но вместе с тем он предусматривает усиление взаимодействия в некоторых областях. Он предполагает некоторый отход от трудовой и социальной политики с одновременным акцентом на безопасность, границы, защиту, миграцию и торговлю. Он предусматривает формирование военных структур Евросоюза, а также пограничного агентства для контроля над внешними границами Союза. Его приоритетными функциями будет организация Европейской пограничной и береговой охраны, выработка единой позиции по проблемам внешней политики и создание Европейского оборонного союза.

«*Делать намного больше вместе*». Это весьма амбициозный вариант, предусматривающий возможность столкновения с отрицательной реакцией некоторых правительств и ряда популистских групп, желающих сохранить институциональную независимость от руководящих органов Евросоюза. Он может привести также к росту бюджета ЕС при одновременной поддержке собственных ресурсов и формированию действенного экономического, финансового и фискального союза. Полагают, что в данном случае граждане стран-членов будут иметь больше прав, напрямую гарантируемых еврозаконами, обойдя национальный уровень. Кроме того, механизм процесса принятия политических решений, в частности в области внешней политики и политики безопасности, приобретет более централизованный характер.

Лично *Ж.-К. Юнкер* и многие его коллеги предпочитают последний из приведенных выше сценариев развития Евросоюза – «*Делать намного больше вместе*». В данном варианте 27 стран – членов ЕС вынуждены будут «пойти дальше, чем когда-либо прежде во всех сферах» – это, по сути, своеобразный «код для федерализации Евросоюза и вывода властных полномочий из сферы действия национальных правительств». Евросоюз приобретет больше «собственных ресурсов» (путем повышения доходов за счет взимания налогов), а формирование еврозоны распространится на всех членов ЕС.

В соответствии с этим вариантом Евросоюз аналогичным образом приобретет возможность выступать от лица всего европейского континента по таким вопросам, как внешняя политика и торговля, и, кроме того, возложит на себя миссию по руководству борьбой с изменением климата и по гуманитарным проблемам.

Российский сценарий будущего развития Европы

В целом, недостатка в различных разработках сценариев возможного будущего развития Европы в целом и Европейского союза в частности нет. Этим занимаются и заграничные, и российские эксперты различного уровня, квалификации, положения в научном сообществе и даже простые блогеры.

В частности, определенный интерес представляет исследование, проведенное в Санкт-Петербургском государственном университете «*Возможные сценарии будущего Единой Европы: потенциальное развитие отношений элит и европейских граждан*» [Европа регионов – новая парадигма развития геополитики 2018].

В данном труде были представлены *три сценария* будущего возможного развития европейской интеграции, а также соответствующее место в них европейских элит и граждан европейского континента. Все они отличаются друг от друга в зависимости от уровня эмансипированности элит и зрелости граждан, а также от степени прав и свобод человека и гражданина в Евросоюзе.

Первый, как его именуют – «народный», более благоприятный с точки зрения демократии и плюрализм вариант называется «*Иммануил Кант*». В нем воззрения *Иммануила Канта* имеют прямое отношение к сценарию о лиге свободных демократических государств. Он предусматривает превращение ЕС в такую лигу (или объединение клубов). Такой сценарий выходит за пределы одномерного мышления и рекомендует «не зацикливаться на Евросоюзе», а осознать, что существует множество других видов европейского сотрудничества в рамках Евросоюза и вне его, такие как, Бенилюкс, Европейское космическое агентство, Северный Совет и пр. И первым действием единой Европы по воплощению в жизнь этого сценария могло бы стать расширение масштаба своих обязательств в этической и юридической сферах, также своих гарантий перед гражданами, обеспечение надлежащих условий для реализации прав человека.

Интересно, что этот сценарий предусматривает также существенное улучшение отношений с Российской Федерацией, поскольку она не предусматривает проведение единой жесткой внешней политики и политики безопасности Евросоюза, а кроме того, весьма вероятна отмена отдельными странами – членами Евросоюза визового въезда.

Идеология европеизма здесь также получает определенную коррекцию и дальнейшее развитие. Так, концепция «Единой Европы» теперь включает и Российскую Федерацию, в результате чего международное сотрудничество получает мощный импульс к более плодотворному и равноправному развитию в будущем.

Второй сценарий не предполагает каких-либо кардинальных трансформаций в европейской политике. Он получил название «*Турбулентный status quo*». По данному варианту будет и далее проводиться политика в рамках модели «Европа разных скоростей», но в реальности всё явственнее будет наблюдаться большая приверженность правительств и политиков некоторых стран к модели «*Европа по меню*». Здесь налицо явное соперничество двух данных моделей. При этом происходит некоторая разрядка критической миграционной ситуации, страны Евросоюза начинают проводить более жесткую политику в отношении национальных границ, на это их вынуждает недовольство значительной части своего населения. Вместе с тем в обществе резко снижается уровень безопасности, возрастает поляризация и усугубляются многие социальные проблемы. Реализация этого сценария влечет за собой осложнение политических отношений с РФ, но существует возможность восстановления и расширения контактов в гуманитарной и экономической сфера.

Третий, весьма элитистский и в некотором роде «деспотический» сценарий, называется «*Джордж Оруэлл*». Он предусматривает расширение и усиление полицейских полномочий Евросоюза, превращение его, по сути, в полицейское государство, возобновление контроля за свободой слова (под видом политкорректности), установление контроля за радикализмом, расизмом, ксенофобией и толерантностью (при этом в широком смысле могут подразумеваться любые формы протеста, инакомыслия, несогласия и проч.). В рамках данного сценария проводятся социальные эксперименты, государственный контроль всё чаще переносится на частную жизнь граждан, семью, в том числе на сферы образования и воспитания детей.

В некоторой степени данный сценарий уже находит свое практическое воплощение. И препятствием на пути наступления такой диктатуры может стать только кардинальная трансформация Евросоюза и превращение его в свободную лигу государств и сотрудничающих клубов по интересам.

Как представляется, для Европы в целом и для отношений Россия – Евросоюз, в частности наиболее благоприятным будет первый из сценариев «*Иммануил Кант*».

Некоторые сценарии российских блогеров

Определенного внимания заслуживает и сетевая деятельность некоторых *российских блогеров* (*Александр Русин* и др.), которые, анализируя европейскую политику толерантности, мультикультурализма и либеральных ценностей, делают вывод, что на континенте сложилась ситуация, которая в принципе ведет к одному из трех сценариев [Сценарии будущего Европы 2017].

«*Новый захват Европы*». При возможной реализации данного сценария ЕС рискует повторить печальную судьбу Древнего Рима, который, вступив в фазу разложения и упадка, был захвачен германскими варварскими племенами. Ряд государств нынешнего Европейского союза постепенно, но достаточно планомерно заполняется мигрантами, большей частью выходцами из стран Северной Африки, Ближнего Востока, из Афганистана, Турции.

И может наступить момент, когда захват Европы этими мощными миграционными потоками может перейти от вялотекущего к агрессивному и перерасти в реальную гражданскую войну, которая будет неизбежно сопровождаться массовым террором, гражданским неповиновением, диверсиями, захватами населенных пунктов и установлением в итоге новой власти.

В случае, если страны ЕС не смогут резко ослабить миграционный поток и начать процесс их интеграцию в традиционное европейское сообщество, они будут захвачены. Сегодня развитие событий идет как раз в этом направлении, потому что Европа не имеет серьезного намерения отказываться ни от политики толерантности, ни от мультикультурализма (хотя всем уже ясно, что он провален), ни от своих либеральных ценностей.

«*Неофашизм и неонацизм*». Современная европейская политика сформировалась после окончания Второй мировой войны в качестве своей противоположности нацизму и фашизму, возникшим в 1930-е гг. почти одновременно сразу в ряде стран – Германии, Италии, Испании, Португалии. Причиной перехода от нацизма и фашизма к политике толерантности и мультикультурализму стало то, что свой прежний

подход жители Европы признали ошибочным, пережили настоящий ужас от его результатов, но затем впали в противоположную крайность. Однако и в дальнейшем не исключено, что европейцы могут точно так же признать ошибкой свою политику толерантности и либерализма, пережить новый ужас по поводу их последствий в виде огромных миграционных потоков, растущего количества терактов, реальных перспектив захвата Европы. И полностью нельзя исключить, что они захотят вернуться к старой политике фашизма и нацизма, но уже в значительно обновленном виде, т. е. в виде неонацизма и неофашизма.

«*Социализм и неокоммунизм*». Это сценарий, который сегодня может представляться фантастическим, но как раз он может стать единственно реальным и поможет Европе не допустить двух крайностей в своем развитии. Крайности эти – неонацизм и мультикультурализм. Именно они могут сегодня привести к уничтожению целых народов, при этом при неонацизме коренные европейцы будут уничтожать мигрантов, а в случае реализации мультикультурализма коренным европейцам грозит уничтожение со стороны мигрантов.

Для того чтобы не допустить уничтожения кого-либо, объединить оба европейских сообщества – коренных европейцев и миграционные потоки – требуется подняться на следующий, более высокий, идеологический уровень, где эти два сообщества будут объединены единой целью.

Подобной целью может быть *построение социализма*, т. е. общества социальной справедливости, и *неокоммунизма* как новой, более передовой, версии коммунизма. Это строительство создаст возможность объединения коренных европейцев и мигрантов, сформирует для них единую платформу, как общее место приложения сил.

Почти 70-летний опыт существования Советского Союза доказал, что коммунистическая идеология дает возможность провозгласить общую цель, позволяющую объединять разные народы; цель, сглаживающую противоречия и позволяющую преодолевать национальные барьеры.

Сценарии европейских лидеров по поводу будущего Евросоюза

Кроме вышеуказанных подходов к вопросу будущего устройства Европы имеется еще целый ряд интересных разработок отечественных и зарубежных ученых, отличающихся критериями, которыми они

руководствуются и позициями, которые они занимают. Так, ряд сценариев появился в результате следующих факторов, сформулированных в кратком виде:

- выход Великобритании из ЕС, в результате чего был развеян миф последних двух десятилетий – «Евросоюз – это рай»;
- усиление тенденций к выходу некоторых стран – членов из Евросоюза;
- потенциальная возможность совершения «революции» в ЕС;
- депопуляция европейского населения, ставшая реальностью. Старение Европы происходит такими быстрыми темпами, что требуемые расходы превосходят возможности заработать на жизнь;
- доминирующая роль КНР в разных регионах земного шара;
- ведение настоящей войны с воинствующим исламом (прежде всего, с ИГИЛ, запрещенной в РФ);
- продолжающееся распространение международного терроризма;
- дестабилизация внутреннего положения некоторых стран Европы вследствие резкого роста числа беженцев из стран арабского Востока и Севера Африки;
- последствия мировых финансово-экономического и структурного кризисов;
- сравнительно высокий уровень безработицы в некоторых странах ЕС;
- пониженный авторитет Евросоюза среди населения стран – членов Евросоюза.

С учетом этих факторов прогнозируются следующие *пять возможных сценариев развития* (*и разделения*) *Евросоюза* [Пять сценариев будущего ЕС: из чего выбирают европейские лидеры 2018].

Первый сценарий. «*Германия и Франция – основа Евросоюза. Сценарий из сценария*». Он предполагает непрерывную стагнацию Европейского союза (в социальной сфере, торговле, производстве). Великобритания всячески тормозит свой выход из Евросоюза, не давая возможность Франции и Германии провести его желаемое реформирование. Страны Балтии (так называемая черная дыра) будут вынуждены искать у РФ помощи и поддержки. Румыния, Болгария и прочие страны-реципиенты будут просить финансовой помощи у Евросоюза,

«залезая» в бюджеты Германии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии. Одновременно Германия, Франция, страны «старой Европы» активизируют взаимодействие с Российской Федерацией, однако страны Восточной Европы попытаются противодействовать этому.

Второй сценарий: «*Прекращение проекта ЕС в нынешнем виде и переход к прежней модели Европы национальных государств*».

Третий сценарий. «*Формирование двухъярусной Европы*». В соответствии с этим вариантом *Германия, Франция* и ряд других стран «старой Европы» преодолеют противодействие проамериканского, восточноевропейского и антироссийского блоков и представят новую конституцию Евросоюза с обновленной политической и экономической базой. В случае, если государства не примут эту новую конституцию, то приступают к чеканке новой валюты, поскольку без подписания новой конституции они автоматически выпадают из зоны евро. В случае отрицательного ответа других стран, выполнение всех европрограмм приостанавливается

Четвертый сценарий. «*Европа – страны "первой" и "второй» скоростей*». По данному варианту Европа будет разделена на страны-члены ЕС «первой» и «второй» скоростей. Наиболее развитые государства (Германия, Франция, страны Бенилюкса, Австрия) будут обособлены от менее развитых регионов, на поддержку которых они вынуждены «отстегивать» огромные суммы, используя возможности системы еврофондов. Лидирующие позиции в союзе «слабых и бедных» постарается занять Польша. Видимо, произойдет обособление Северной Европы, при этом скандинавские страны – Дания и Финляндия – попытаются сформировать свою собственную унию. Их оценка обстановки отличается во многих отношениях от точки зрения как Германии, так и Франции.

Собственное объединение может появиться и у средиземноморских стран – членов Евросоюза. Между данными группами государств будут созданы серьезные визовые ограничения, возникнут препятствия для свободного перемещения промышленных, финансовых и людских ресурсов. От этого пострадают прежде всего наиболее слабые государства (такие, как страны Балтии).

Пятый сценарий. «*Сохранение Евросоюза в усеченном варианте во главе с Парижем и Берлином*». В нем констатируется, что в эпоху глобализации выжить в конкурентной борьбе можно только путем

создания эффективных экономических субъектов. В этой связи в настоящий момент предполагается объединить также и вооруженные силы, службы безопасности, налоговые и таможенные органы, властные структуры.

Заключение

Все приведенные выше варианты сценариев возможного будущего развития Европейского союза, с одной стороны, предполагают укрепление суверенитета государств-наций, входящий в состав ЕС, а с другой – отличаются малой вероятностью их выхода из состава Евросоюза по причине высокой степени их зависимости от Германии и Франции.

Представляет интерес также и тот факт, что в настоящий момент, кроме приведенных выше вариантов, имеются различные сценарии вероятного будущего ряда государств, например такого крупного, как *Украина*, которое находится сейчас в тяжелейшем кризисе. В частности, в российском журнале «Политика» в июле 2017 г. приведены «*Шесть сценариев будущего Украины*».

Первый сценарий: в нем Украина (вместе с Грузией и Молдавией) останется в сегодняшней геополитической европейской «серой зоне» и получит только неофициальную помощь своей безопасности от Запада.

Второй сценарий: в рамках крупной сделки России с Западом Украина может получить некоторые гарантии для своей безопасности, но может одновременно лишиться и части своей собственной территории или национального суверенитета.

Третий сценарий: выполняя свое обещание, данное на саммите в Бухаресте в 2008 г., НАТО разрабатывает для Украины и Грузии соответствующие Планы действий по членству (далее – ПДЧ) и, наконец, принимает обе страны в члены Североатлантического альянса.

Четвертый сценарий: вступление Украины, Грузии и Молдавии в Евросоюз как средство укрепления безопасности.

Пятый сценарий: приобретение статуса «главного неНАТОвского союзника США» или же заключение соглашения о безопасности на основе Будапештского меморандума.

Шестой сценарий: Украина, Грузия и Молдавия совместно с некоторыми посткоммунистическими государствами – членами НАТО

создают коалицию, реализующую стародавнюю польскую идею «Междуморья» (Интермариум) [Шесть сценариев будущего Украины 2018].

Характерно, что никакой из данных шести сценариев не обнадеживает. При этом первый из них, о пребывании Украины в «серой зоне», кажется сейчас наиболее вероятным. Но и он, учитывая известный прошлый опыт, является в итоге тупиковым. Представляется неочевидным, сможет ли даже более тесная, нежели в настоящий момент, консолидация, кооперация и адаптация в рамках рассматриваемого сценария прийти на смену или компенсировать действующую и стабильную институциональную интеграцию этих трех стран в какую-либо значимую международную коалицию до такого уровня, при котором произойдет ощутимое повышение их безопасности.

И, напротив, оставшиеся пять сценариев, создают некие международно-правовые механизмы для надежного обеспечения безопасности в современной «серой зоне». Они в состоянии серьезно изменить всё геополитическое положение Центральной и Восточной Европы с помощью заключения новых крупных договоров. Но такие сценарии, которые представляются в чем-то выгодными Украине, Грузии и, может быть, Молдавии, оказываются в настоящий момент малореализуемыми или даже фантастическими. Но все же и эти сценарии в некоторой степени могут быть реализованы в будущем, если наступят серьезные перемены во внутренней и внешней политике ряда государств и организаций региона стран Центральной и Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Возможные сценарии будущего Единой Европы. 2018. URL : gigabaza.ru/doc/194349-p19.html/.

Европа регионов – новая парадигма развития геополитики. 2018. URL : nowledge.allbest.ru/.../3c0b65635a...16c37_0.html/.

Минин Е. М. Теоретические основы регионального развития. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 246 с.

Региональное развитие: опыт России и Европейского союза / отв. ред. А. Г. Гранберг. М. : Экономика, 2000. 475 с.

Сценарии будущего Европы. 2017. URL : chvk.info/analytics/scenarii-budushego-evropy/.

Шесть сценариев будущего Украины. 2018. URL : news24today.info/shest-stsenarie...go-ukrainy.html/.

Пять сценариев будущего ЕС: из чего выбирают европейские лидеры. 2018. URL : realist.online/article/5-scenariev-es/.

REFERENCES

Vozmozhnye scenarii budushhego Edinoj Evropy. 2018. URL : gigabaza.ru/doc/194349-p19.html/.

Evropa regionov – novaja paradigma razvitija geopolitiki. 2018. URL : nowledge.allbest.ru/.../3c0b65635a...16c37_0.html/.

Minin E. M. Teoreticheskie osnovy regional'nogo razvitija. M. : FGBOU VO MGLU, 2018. 246 s.

Regional'noe razvitie: opyt Rossii i Evropejskogo sojuza / otv. red. A. G. Granberg. M. : Jekonomika, 2000. 475 s.

Scenarii budushhego Evropy. 2017. URL : chvk.info/analytics/scenarii-budushego-evropy/.

Shest' scenariev budushhego Ukrainy. 2018. URL : news24today.info/shest-stsenarie...go-ukrainy.html/.

Pjat' scenariev budushhego ES: iz chego vybirajut evropejskie lidery. 2018. URL : realist.online/article/5-scenariev-es/.

УДК 323.2

М. М. Мчедлова, Ш. Р. Кашаф

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор;
заведующая кафедрой сравнительной политологии ФГАОУ ВО РУДН,
главный научный сотрудник ИС РАН – ФНИСЦ РАН;
e-mail: mchedlova@yandex.ru

Кашаф Ш. Р., научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья ФГБУН ИВ РАН; научный сотрудник
Ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования
Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального
университета; научный консультант Отделения кафедры ЮНЕСКО
по компаративным исследованиям духовных традиций,
специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу
(г. Дербент); e-mail: kashaf@ivran.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРИМЕР ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Повышение значимости религиозного фактора в социально-политическом пространстве заставляет искать политико-управленческие стратегии обеспечения социальной консолидации. В условиях российской поликонфессиональности укрепление общероссийской идентичности включает учет разнообразия мировоззренческих и религиозных традиций. Политические акценты образовательной политики в области исламского образования направлены на поддержание единого ценностно-смыслового российского пространства и противодействие политическим вызовам современности. В качестве методологического фундамента использованы концептуальные координаты понимания России как поликонфессиональной цивилизации, верифицируемые социологическими данными массового опроса Института социологии РАН и данными фокус-группового исследования с участием магистрантов Болгарской исламской академии.

Ключевые слова: государственная политика; общероссийская идентичность; религиозный фактор; традиционные ценности; справедливость; православно-мусульманский диалог; исламское образование.

M. M. Mchedlova, S. R. Kashaf

Mchedlova M. M., Ph.D. habil. (Sociol.), full professor,
Head of the Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia;
chief researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Center «Religion in Contemporary Society» (Moscow, Russia);
e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru

CC BY

Kashaf Shamil R., research fellow, Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences, Department of Central Asian,
Caucasus and Ural-Volga Region (Moscow, Russia); research fellow,
Resource Center for the Development of Islamic Education and Islamic Studies,
Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russia);
Department of the UNESCO Chair in Comparative Studies of Spiritual Traditions,
Specifics of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus
(Derbent, Russia); e-mail: kashaf@ivran.ru

TOWARDS THE ENHANCING THE RUSSIAN NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE CONFESSIONAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE: THE EXAMPLE OF ISLAMIC EDUCATION

The religious factor, which became especially acute in the last few decades requires other social and political strategy to ensure the better consolidation of various groups in the contemporary Russian society. Russia is a multi-confessional state. Therefore, the success of the consolidation process is dependent on the awareness of this specific feature, in particular, the diversity of cultural and religious traditions. The political emphasis of educational policy in the field of Islamic education is aimed at maintaining the country as unite body with identical semantics of religious and cultural values. Such a country will be successfully meeting many political challenges of the present time. The research methods used in this work are based upon the understanding of the phenomenon of Russia as multi-confessional civilization. Their relevance is confirmed by the sociological data collected in the course of a mass survey of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences as well as the data collected by the MA students of the Bulgarian Islamic Academy.

Key words: public policy; all-Russian identity; religious factor; traditional values; justice; Orthodox-Muslim dialogue; Islamic education.

Введение

Современная инкорпорация в концептуальные схемы познания политики социокультурного и цивилизационных ракурсов предполагает принимать во внимание воздействие культурных, религиозных и традиционных ценностных устремлений и систем на политическую модернизацию и процесс структурных изменений общественного состояния, взаимное отношение идентификационных характеристик и параметров социального, экономического и политического процесса [Мчедлова, Кудряшова 2015].

Концептуальное переосмысление социально-политического континуума выдвигает новую методологическую базу для исследования современного социально-политического эволюционирования, его

состояния и хода развития, системных и структурных консеквенций как продолжительного процесса, соответственно предопределяя новые управленческие практики. Несмотря на то, что «Третья волна», как универсальный процесс демократизации, принесла с собой «собственные представления о мире, со своими собственными способами использования времени, пространства, логики, причинности» [Тоффлер 1999, с. 34], всё более громкими становятся голоса, настаивающие на том, что «культура имеет значение» [Хантингтон, Гаррисон, 2002; Harrison, Huntington, 2000], а в алгоритмах глобальных и локальных политических изменений и процессов четко проецируется ценностная специфика различных типов обществ. Воздействие религиозного фактора на государственную политику и принятие управленческих решений может осуществляться в различных формах, соответствующих столь видимому и многоаспектному возвращению религии и религиозных смыслов в публичное пространство.

В российском контексте влияние конфессионального фактора на политические и ценностные предпочтения актуализирует управленческий вопрос государственно-конфессиональной политики, сообразующийся с историческим опытом присутствия в российском социуме разнообразных мировоззренческих и религиозных традиций. Отечественный социально-политический опыт базируется как на культурообразующем фундаменте православия, так и на поликонфессиональном цивилизационном основании, однако пути современности предлагают множество вариантов и «развилок»: от непримиримости взглядов и интересов, мультиплицирования экстремистской политической субъектности до устойчивости исторического опыта мирного сосуществования различных вероисповеданий и религиозных объединений, позволяющего избегать разрушительных сценариев. По-своему уникальный «российский рецепт» симфонии культурных и религиозных традиций, солидарность и синергизм углубляют ощущение сопричастности к единой исторической судьбе и ценностным ориентациям, разделяемым в сознании представителей различных этноконфессиональных общностей России, позволяя институционализировать управленческую стратегию «межнационального согласия» и подвергая сомнению универсализм концепции «столкновения цивилизаций».

Наряду с концептуальным и практико-инструментальным центрированием вокруг «дебатов об идентичности» (А. Турен), лейтмотивом

становится проблема новых координат мирового структурирования политического, его неопределенность и связанные с ними риски, носящие глобальный характер. Последние вносят важнейший вклад в реконфигурацию мировой политики в условиях глобальной неопределенности и обусловливает системные и часто непредсказуемые изменения всех обществ, трансформируя всю мировую сферу социального. Не случайно всё чаще важнейшими онтологическими основаниями современной политики становятся *война* [Хардт, Негри 2006], *риск* [Beck 2004], *страх* [Дуткевич, Казаринова 2017]. Риски международного экстремизма и терроризма, «рядящихся» в религиозные одежды, миграционная катастрофа, имплицирующая ценностные и культурные конфликты между принимающими сообществами и прибывающими этническими группами людей, которые к тому же часто принадлежат к иным религиозным традициям, драматические столкновения между светскими и религиозными сегментами общества, – всё это трансформирует привычные политические и ценностно-нормативные модели социальной структуры, а также интенсифицирует новые жаркие дебаты относительно религиозных интенций в современном мире, религиозного потенциала международных отношений и политических стратегий [Мчедлова 2016]. В подобной ситуации одними из возможных вариантов развития становится акцентуация политико-государственных инструментов цивилизационного потенциала общества и повышение значимости управленческих решений ad hoc.

Поликонфессиональность как фактор развития России

Главной особенностью российского общества является поликонфессиональность, а в совокупности с этническим многообразием также и «важным мобилизационным ресурсом “сборки” общероссийской идентичности и необходимым условием развития государства» [Аверин, Понеделков, Воронцов, Кашаф 2018, с. 130]. Вопрос совместного консолидированного проживания в России приверженцев различных религиозных конфессий тесно связан с жизненной необходимостью уважения традиционно признаваемых в нашем Отечестве духовных ценностей. Особое место среди них отводится категории справедливости. Как отмечалось ранее одним из авторов настоящей статьи, религиозные и общественные искания

социальной справедливости представляются «катализаторами широкомасштабных и драматичных процессов, в глобальных и локальных проекциях» [Мчедлова 2016, с. 169]. А само понятие справедливости предметно актуализировалось в большинстве публичных обсуждений, попав не только в центр политических и социальных дискуссий, но и что вполне было ожидаемо, выдвинулось на одну из главных позиций в иерархии ценностного наполнения образа будущего в России [О чем мечтают россияне… 2013].

Религиозные традиции выступают в качестве ключевых трансляторов высших ценностей. В Библии справедливость традиционно понимается под словом «правда»: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф. 6:33), а также в связи с ожиданием “нового неба и новой земли, на которых обитает правда” (2 Петр 3:13) и назначенного Богом дня, «в который будет праведно судить Вселенную, посредством предопределенного Им Мужа…» (Деян 17:31)[1].

В Коране Бог обычно фигурирует под именем *Аллах*, при этом в числе 99 «прекрасных имен», выражающих разнообразные свойства / атрибуты Всевышнего, присутствует и эпитет *аль-‘Адль*, «справедливый». Он соответствует кораническому откровению о справедливом (*аль-‘адль*) Слове Господнем: «И завершились словеса Господа твоего по истине и справедливости. Нет изменителя словам Его: ведь Он – слышащий, знающий!» (6:115) [2]. Согласно Священному Писанию мусульман, Аллах, ангелы и обладатели знания свидетельствуют о Боге как «вершителе справедливости» (3:18).

В 13 айатах Корана говорится о Божьем повелении вершить справедливость: «…и, когда вы судите среди людей, то судить по справедливости» (4:58); «…если станешь судить, то суди их по справедливости: поистине, Аллах любит справедливых!» (5:42); «Поистине, Аллах приказывает справедливость, благодеяние и дары близким; и Он удерживает от мерзости, гнусного и преступления» (16:90) и т. д. Аллах, от кого исходят справедливые действия, призывает

[1] Фрагменты из Евангелия от Матфея, 2-го Соборного Послания Апостола Петра и Деяний Святых Апостолов приводятся в синодальном переводе [цит. по: Библия 2013].

[2] Фрагменты из Корана приводятся в смысловом переводе по [Крачковский 2012]. Ссылка на Коран осуществляется по номеру *суры*-главы и (через двоеточие) *айата*-стиха.

уверовавших и самим быть справедливыми, поскольку «это – ближе к богобоязненности…» (5:8)[1].

В иудаизме – первой из монотеистических религий авраамической традиции – согласно Танаху[2] [Ветхий Завет], «Бог – это не только любовь, но и справедливость. Он изливает гнев на тех, кто отвергает Его милость» (Рим. 1:18-2:16, 3:19-20). Господь обращается через пророка Исайю: «Учитесь творить добро; требуйте справедливого суда; поддержите угнетенного (верно), судите сироту, вступайтесь за вдову» (Йешайау 1:17) [Танах URL].

В современной России в рейтингах понятий, вызывающих положительные чувства, для всех групп лидируют «справедливость» и «Родина» [Российское общество и вызовы… 2016].

При выборе из альтернативных суждений о характере российского общества в параметрах определения цивилизационной специфики мнения разделились практически поровну[3]. Последователи православия разделились пополам – 50 % составляют сторонники евразийского характера российской цивилизации, ровно столько же являются сторонниками европейского выбора России, тогда как в мусульманской группе респондентов доминирует мнение о желательности для России «поворота к Востоку» – таких более 60 %, причем их процентный разрыв со сторонниками альтернативного суждения довольно значителен – последних менее 40 % (см. табл. 1).

Определяющий характер имеют базовые культурно-цивилизационные характеристики, связанные с выбором наиболее предпочтительных путей развития России. В них также преломляются исторические императивы сосуществования различных религиозных традиций в поле российской цивилизации. Для обеспечения социальной консолидации в российском социуме атрибутивным представляется выстраивание

---

[1] Авторы выражают благодарность Т. Ибрагиму, главному научному сотруднику Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, за ценные замечания при подготовке статьи.

[2] Слово *Танах* – акроним, составленный из первых букв трех основных разделов Еврейской Библии: Тора («Закон», Пятикнижие Моисеево), Невиим (Пророки) и Кетувим (Писания).

[3] Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования (2014–2018) ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (N=4000).

Таблица 1

Существуют различные точки зрения в отношении того, как и в каком направлении должна развиваться Россия. С каким из нижеприведенных суждений Вы в большей степени согласны?
(*Выберите один ответ в паре суждений, %*)

Пары суждений	Все	Православные	Мусульмане
Россия – часть Европы. В XX в. она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в XXI в. она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира	48	50	39
Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток	52	50	61

партнерских отношений между последователями разных религий в формате межрелигиозного диалога. Основным принципом такого партнерского диалога, по мнению экспертов, является объединяющее начало, плодотворное сотрудничество сторонников различных вероисповеданий для решения как глобальных, так и конкретных общественных проблем. «Признавая свою ответственность и основываясь на общих для религиозного сознания ценностях, последователи разных духовных традиций ставят своей целью улучшение мира, помощь нуждающимся людям, достижение желаемых социальных изменений», – отмечает С. В. Мельник [Мельник 2019, с. 220–221]. При этом немаловажно и то, что в процессе их взаимодействия «доктринальная проблематика, как правило, выносится за скобки», поскольку стороны направлены на всеобщее понимание и желаемый результат.

Православно-мусульманский диалог: пределы и возможности

Трудно переоценить особую значимость христиано-мусульманского диалога в «конструировании» общероссийской гражданской идентичности. Наличие данного диалога свидетельствует о востребованности в солидарности, чье воздействие во многом сформировало

отечественную культурную традицию, а также о важной роли ислама в становлении российской государственности, тесно связанного в истории нашего общества с феноменом «русского мусульманства»[1]. Практика сотрудничества православных и мусульманских религиозных организаций акцентирует внимание на проблеме исторического и социального единства приверженцев православия и ислама в тысячелетней истории России. Именно на преимущества ее специфического цивилизационного устроения сегодня направлены многие религиозные культурно-просветительские проекты.

«Нам нужны проекты и долгосрочные программы по воспитанию религиозного и гражданского самосознания российского мусульманства. Мы должны воспитать поколение верующих, осознающих себя частью нашей страны, ее истории и настоящего, осознающих себя гражданами России и связывающих с ней свое будущее», – считает глава Духовного управления мусульман Российской Федерации и Совета муфтиев России муфтий Р. И. Гайнутдин. – Нет альтернативы законопослушности, отстаиванию своих интересов конституционными методами и инструментами, нет альтернативы диалогу с представителями и организациями братских нам религий. Отрицая это, мы ведем свой же народ в пучину хаоса, беззакония, кровопролития» [Доклад муфтия … URL].

Для российского общества, в котором много веков сосуществуют представители нескольких цивилизаций (собственно российской, исламской, буддистской, западной) мирное сосуществование представителей разных культур и религий является залогом национальной безопасности и социального благополучия. Вместе с тем эксперты с тревогой отмечают увлеченность отдельных мусульман псевдоисламскими идеями радикализма и обращение к концепции жесткой исламской альтернативы западным формам государственного

[1] Поворотным моментом в интеграции мусульман в поле российско-евразийской цивилизации и, соответственно, в институировании самого этнополитического и культурного феномена «русского мусульманства» стала политика в области вероисповедания императрицы Екатерины II, направленная на официальное признание ислама в качестве не только терпимого, но и покровительствуемого вероисповедания. «…Как Всевышний Бог на Земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил, сходствуя Его Святой воле, и в сём поступать изволит, желая только, чтоб между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовало…» (см.: [Ислам в Российской империи… 2001, с. 46]).

устройства (к примеру, воплотившейся в действиях террористической организации «Исламское государство», запрещенной в Российской Федерации). Как отмечает В. В. Наумкин, «предметом возрастающей озабоченности российских властей и гражданского общества являются иностранные боевики, воюющие в составе отрядов ИГ, «Джабхат ан-Нусра» и других радикальных группировок. Не случайно в России обострились дебаты вокруг внутренней ситуации в российской мусульманской Умме, где миссионеры международных экстремистских организаций давно пытаются создать очаги своего влияния» [Наумкин URL].

Риски для российского многонационального и поликонфессионального государства осознаются и мусульманским духовенством, осторожно относящимся к проблеме политического ислама в России и стремящимся подчеркивать свою приверженность духовной и просветительской деятельности в традиционном русле. Признавая необходимость сохранения в общинах традиционного ислама, которые бы противостояли радикальным течениям и, прежде всего, псевдорелигиозному экстремизму, мусульманские лидеры, в частности Т. С. Таджуддин, председатель Центрального духовного управления мусульман России, считают своей важнейшей обязанностью и долгом сотрудничество с органами государственной власти, религиозными организациями, духовными центрами традиционных конфессий, прежде всего, с Русской Православной Церковью, особо выделяя сферу подготовки молодых кадров священнослужителей [Противодействие распространению идеологии … 2017, с. 22–24].

Вместе с признанием необходимости концептуальной обоснованности государственно-конфессиональной политики России и адекватности современным вызовам совместные действия субъектов ее реализации должны производиться в режиме согласованности и координации действий государственных институтов и религиозных организаций и объединений. Как справедливо предупреждает муфтий А. Р. Крганов, заместитель председателя Координационного Совета по противодействию терроризму при Общественной палате Российской Федерации – руководитель рабочей группы по противодействию псевдорелигиозному экстремизму, глава Духовного собрания мусульман России, «религиозные чувства и традиции верующих – очень сложная и деликатная сфера. Незнание, непонимание и пренебрежение этими

жизненными нормами гражданина Российской Федерации, его семьи или общины может привести к непоправимым ошибкам и трагическим последствиям» [Сборник 2019].

Чрезвычайную сложность и деликатность имеют этноконфессиональные и межконфессиональные отношения в регионах Северного Кавказа, где не менее проблемными являются попытки государственного регулирования этой сферы на фоне неуклонно растущего уровня доверия к исламским религиозным лидерам и мусульманским организациям, решительно противостоящим действиям экстремистского характера в своих республиках. «Даже некоторые духовные деятели в России осуждают нас, когда мы жестко реагируем на проявления экстремизма, – рассуждает Муфтий Чеченской Республики С. М. Межиев в интервью «Российской газете». – Но мы и будем так делать, почему нет? Они просто не видели того, что видели мы. Когда играем с этими течениями, допускаем их, они внедряют свою литературу, своих людей в образовательную сферу, делают сайты и там понемногу начинают “сеять” свои взгляды» (*Российская газета. 26.07.2018*).

Будучи уверенным, что и само «государство должно знать, что такое истинный ислам», Межиев называет главными средствами борьбы с терроризмом и экстремизмом наставление молодежи к правильному пути и приобщение к знаниям. «Если после всего этого человек придерживается только своего мнения, то остается уже только силовой путь», – резюмирует муфтий (*Российская газета. 26.07.2018*).

Политика государственной поддержки исламского образования в контексте задач национальной безопасности

Религиозное просвещение и образование для формирования духовного фундамента у молодежи, укрепления общероссийской идентичности представляется одним из наиболее действенных средств, способных совместить традиции цивилизационного баланса вер и наций и высоких научных и образовательных традиций светского гуманизма. В Стратегии национальной безопасности отмечается в качестве необходимых управленческих приоритетов государства «повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии; повышение качества преподавания

русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий» [Указ Президента URL]. Вследствие этого приобретают особое значение диверсифицированные формы образования: и как знание, и как навыки мультикультурного общения, и как знание о подлинных основах вероучения, и как просвещение. Ключевыми представляются консолидированная позиция, диалоговые стратегии взаимодействия между государственными, образовательными и религиозными институтами, а также ценностный «каркас», противодействующий деструктивным практикам.

В числе конкретных сюжетов использования образовательных стратегий для обеспечения национальной безопасности, укрепления общегражданской российской идентичности являются подпрограмма 7 «Профилактика экстремизма на национальной и религиозной почве» государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»[1], действующей с 1 января 2017 г. по 31 декабря 2025 г., а также План мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2017–2020 гг. (далее – План мероприятий)[2]. Благодаря реализации Федеральной программы поддержки отечественного исламского образования[3], инициированной Президентом России В. В. Путиным по просьбе крупнейших мусульманских религиозных организаций страны, исламские вузы в сотрудничестве с государственными университетами и учреждениями науки начали

[1] Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 1532. Участниками подпрограммы 7 являются Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки России), МГУ имени М. В. Ломоносова, СПбГУ.

[2] Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 2452-р, с изменениями от 20 декабря 2017 г. № 2878-р и от 8 июня 2018 г. № 1148-р.

[3] Согласно внутреннему документу Минобрнауки России – *Концепции подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама,* исламское образование понимается как «вид религиозного образования, направленный на подготовку служителей и религиозного персонала исламского вероисповедания, преподавателей и богословов, на полноценное удовлетворение образовательных потребностей верующих в сфере религии. Исламское образование на различных уровнях обеспечивает процесс воспитания и обучения, направленный на усвоение профессиональных знаний, относящихся к догматике, ритуалу, этике, культуре, социально-правовым и прочим нормам ислама в интересах личности, семьи, государства и общества» [Концепция подготовки специалистов … 2015, с. 64].

играть заметную роль в формировании самосознания и мусульманского просвещения.

План мероприятий подразумевает участие подведомственных Минобрнауки России организаций-исполнителей – Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Казанского (Приволжского) федерального университета, Пятигорского государственного университета, Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, которые взаимодействуют с семью исламскими вузами-партнерами.

В Республике Татарстан – это мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия» (г. Болгар) и частное учреждение высшего образования «Российский исламский институт» (г. Казань), в Республике Башкортостан – религиозная организация – Духовная образовательная организация высшего образования «Российский исламский университет» Центрального духовного управления мусульман России (г. Уфа), в Республике Дагестан – образовательная автономная некоммерческая организация высшего образования «Дагестанский гуманитарный институт» (г. Махачкала), в Чеченской Республике – духовное образовательное учреждение высшего образования «Российский Исламский университет имени Кунта-Хаджи Кишиева» (г. Грозный), в Кабардино-Балкарской Республике – религиозная организация: образовательная организация высшего образования «Северо-Кавказский исламский университет имени имама Абу Ханифы» (г. Нальчик), в г. Москве – частное учреждение – образовательная организация высшего образования Московский исламский институт.

Участвовавший до 2015 г. в рамках Программы Министерства образования и науки РФ по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама Московский государственный лингвистический университет смог успешно осуществить выпуск группы студентов в интересах духовных управлений и далеко не исчерпал свой образовательный потенциал обучения специалистов-теологов в сфере государственно-конфессионального диалога, межконфессионального диалога, социальной адаптации личности, воспитательной работы с молодежью, в области противодействия деструктивным объединениям.

Содействие светских образовательных организаций, имеющих государственную аккредитацию, религиозным вузам строится на началах уважения и невмешательства во внутреннюю духовную составляющую деятельности религиозных организаций, однако религиозные организации при этом обязуются принимать и учитывать социокультурные особенности и общественные задачи, составляющие элемент культурно-образовательной среды Российской Федерации в своей деятельности, в том числе, по изучению религии.

Дифференцированные формы образования позволяют обеспечивать основные приоритеты данного стратегического направления: консолидация усилий всех субъектов российской публичной политики – государства, светских образовательных и научных учреждений, религиозных организаций. В качестве стратегической задачи выступает создание многоуровневой системы исламского образования и воспитания, включая курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки не только для имамов и преподавателей духовных образовательных организаций, сотрудников духовных управлений мусульман, но также и для работников государственных и муниципальных органов управления, представителей правоохранительных органов.

Основным акцентом в ходе реализации плана мероприятий является повышение эффективности деятельности светских и исламских высших учебных заведений, направленной на совершенствование образовательного процесса, расширение интеграции с научным академическим сообществом, развитие международного сотрудничества вузов с зарубежными партнерами, расширение конкурентоспособности российских высших учебных заведений, участвующих в реализации плана мероприятий.

С учетом анализа итогов реализации программ в 2016–2019 гг. среди конкретных направлений расширения их поля деятельности можно назвать:

1) образовательную деятельность, включающую в свое пространство как исламские образовательные организации, так и государственные образовательные организации, обеспечивающие подготовку кадров в интересах исламских организаций, госучреждения и организации с участием государства, обеспечивающие взаимодействие с мусульманскими религиозными объединениями и организациями;

2) научно-исследовательскую деятельность, направленную на решение стратегической задачи возрождения отечественного мусульманского богословия, участие преподавателей, занятых в процессе подготовки кадров в интересах исламских организаций, а также обучающихся в рамках программы студентов и аспирантов в научных и научно-образовательных конференциях;

3) проведение международных, всероссийских региональных конференций, семинаров, совещаний с участием специалистов в области ислама, международных и всероссийских олимпиад на знание истории и культуры ислама, арабского, персидского, турецкого и др. языков мусульманских народов, религиозных дисциплин и т. д.;

4) организацию инновационной деятельности, обновление образовательных технологий здесь для системы высшего (вузы) и среднего (медресе) профессионального образования, наличие экспериментальных программ, наличие экспериментальных площадок, разработка новых форм организации воспитательного и образовательного процесса;

5) международную деятельность, включающую как академическую мобильность и организацию международных конференций, так и подготовку образовательных программ для зарубежных исламских образовательных организаций, через которые могло бы распространяться наследие российской мусульманской богословской традиции, ценности российского ислама и цивилизационного устроения России.

В качестве подтверждения эффективности подобного проекта следует привести данные, полученные в ходе фокус-групп студентов по образовательной программе подготовки служителей и религиозного персонала религиозных организаций (уровень магистратуры), проведенных в Болгарской исламской академии[1] в октябре 2019 г. (N=31). На вопрос препятствует ли религиозность мусульман формированию общероссийской идентичности большинство (58 %) заявило, что нет, тогда как 19 % опрошенных противопоставили мусульманскую и общероссийскую идентичность (при 23 % затруднившихся ответить). Это актуализирует задачу акцентирования в процессе образования и воспитания на российском историческом опыте, с учетом

[1] Болгарская исламская академия – научно-богословский и образовательный центр всероссийского значения, учрежденный ведущими мусульманскими организациями России (ЦДУМ России, ДУМ Российской Федерации, ДУМ Республики Татарстан) в 2016 г. Официальный сайт: bolgar.academy.

требований задач государственной национальной политики и расширяющихся возможностей модели теологического образования, активно формирующейся в России.

Высоким объединяющим потенциалом на этом пути обладает развитие межрелигиозного взаимодействия в академической сфере, отмеченного первыми положительными примерами. Так, по оценке председателя отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона, успешно состоявшимся следует признать опыт реализованного в 2018 г. проекта академической мобильности, позволившего обучающимся в Общецерковной аспирантуре и докторантуре им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и в Болгарской исламской академии прослушать специальные образовательные курсы, по теме христианской и исламской религий. «Убежден, что широкое просвещение в вопросах религии может служить действенным средством профилактики экстремизма, позволит сыграть важную роль в благих делах нравственного воспитания личности, укрепления мира между людьми, утверждения в обществе традиционных моральных ценностей», – заявляет Иларион [Приветствие митрополита Волоколамского URL].

Заключение

Созданный в России уникальный культурно-образовательный продукт может и должен оказаться востребованным по всему миру. В современной ситуации большинство постсоветских государств переходит к национальным концепциям развития современного религиозного образования. Выдвигаемые в них приоритетные задачи качественного повышения уровня исламского и исламоведческого образования в своих странах, а также наращивание конкурентных преимуществ собственных отечественных школ мусульманского богословия сочетаются с целью органично интегрироваться в пространство новой экосистемы образования в рамках формирующегося большого евразийского партнерства. В этом случае и само исламское образование справедливо рассматривать как важный интегративный ресурс евразийского объединения и цивилизационного развития стран. Обмен актуальным опытом и управленческими практиками в сфере духовно-нравственного и религиозного воспитания мусульманской Уммы России и других стран Содружества Независимых Государств,

мусульманского просвещения и исламского образования, кооперации исламских вузов, их светских вузов-партнеров и органов государственной власти в вопросах разработки и реализации подготовки исламских теологов и специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, развития богословских научных направлений и школ, а также профилактики идеологии терроризма и экстремизма в образовательной среде представляется мощным ресурсом обеспечения социальной стабильности на евразийском пространстве.

В этом смысле весьма своевременной оказывается инициатива создания Евразийской ассоциации содействия исламскому образованию (ЕАСИО), которая прозвучала 23 ноября 2019 г. в «сердце Евразии» – Уфе на полях Международной научно-практической конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века». В открытии конференции, проводившейся в рамках IV Евразийского гуманитарного форума, принял участие Глава Башкортостана Р. Ф. Хабиров. Предложение Верховного муфтия Башкирии М. Т. Таджуддина о создании ЕАСИО вызвало оживленное обсуждение и получило поддержку многих руководителей вузов России и зарубежных стран – Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана [В Уфе состоялась … URL]).

Принимая во внимание атрибутивность православно-мусульманского диалога для обеспечения ценностной целостности и социального единства, новые конфигурации взаимоотношений исламского религиозного и светского начала в жизни российского общества предопределяют специфику взаимоотношений государственных и исламских религиозных институтов в современной России.

Претерпевает позитивные изменения и сама модель государственно-конфессиональных отношений в области управления исламским образованием сквозь призму укрепления цивилизационных параметров России как субъекта мировой истории, общероссийской идентичности, способной обеспечить ее конкурентоспособность в неопределенных параметрах современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверин А. Н., Понеделков А. В., Воронцов С. А., Кашаф Ш. Р. Конфессиональное многообразие России как фактор развития общества и государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95) С. 130–134.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Изд-во Московской Патриархии, 2013. 1376 с.

В Уфе состоялась Международная научно-практическая конференция «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века» // Центральное духовное управление мусульман России : [официальный сайт]. URL : www.cdum.ru/news/44/10808 (дата обращения: 24.11.2019).

Доклад муфтия шейха Равиля Исмагиловича Гайнутдина на VII Съезде ДУМ РФ 23 сентября 2019 г. // Мусульмане России: официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 4 октября 2019. URL : dumrf.ru/common/speech/16011 (дата обращения: 15.10.2019).

Дуткевич П., Казаринова Д. Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 8–21.

Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описание, статистика. М. : Академкнига, 2001.

Концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т. 11. № 4. С. 63–78. DOI: https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-4-63-78.

Коран / пер. И. Ю. Крачковского. Ростов-н/Д : Феникс, 2012.

Мельник С. В. Миротворческий межрелигиозный диалог: принципы, задачи, формы реализации // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12. № 1. С. 215–234. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-1-215-234.

Мчедлова М. М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования: ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН. 2016. № 10. С. 110–118.

Мчедлова М. М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 157–174. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.11.

Мчедлова М. М., Кудряшова М. С. Политика и религия // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: научное издание / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : Аспект Пресс, 2015. С. 124–143.

Наумкин В. В. Повлияет ли «бесконтактная война» с «Исламским государством» на сирийскую политику Москвы? // РСМД. 2014. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/povliyaet-li-beskontaktnaya-voyna-s-islamskim-gosudarstvom-n/ (дата обращения: 20.11.2019).

Приветствие митрополита Волоколамского Илариона участникам конференции «Исламоведение и исламская теология в современной системе образования: проблемы и перспективы» // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей : [официальный сайт]. 19 февраля 2019. URL : mospat.ru/ru/2019/02/19/news170649/ (дата обращения: 22.10.2019).

Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи: материалы Межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма (г. Уфа, 24 мая 2017 г.) / сост.: Д. М. Абдрахманов, Ю. И. Малахов, Р. Р. Мухитдинова, З. Л. Сизоненко, Ш. Б. Эргашева. Уфа : Мир печати, 2017. 456 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. М. : Весь Мир, 2016. 427 с.

Сборник нормативно-правовых актов и информационных материалов по профилактике псевдорелигиозного экстремизма и взаимодействию с религиозными организациями в учреждениях уголовно-исполнительной системы России. М. : Общественная Палата Российской Федерации, 2019. 304 с.

Сухарев М. Сила – в вере и знаниях [Муфтий Чечни Салах Межиев о борьбе с экстремизмом, воспитании молодежи и жизни в республике] // Российская газета. 26 июля 2018. URL : rg.ru/2018/07/26/reg-skfo/muftij-chechni-v-respublike-boriutsia-s-ekstremizmom.html.

Танах. URL : tanah.filosoff.org/tvorchestvo/tanax/pagen/140 (дата обращения: 21.09.2019).

Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999.

Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Российская газ. 31 декабря 2015. URL : www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (дата обращения: 20.11.2019).

Хантингтон С., Гаррисон Л. (ред.) Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Антология. М. : Московская школа политических исследований, 2002.

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурая революция, 2006. 559 с.

Harrison L., Huntington S. (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York : Basic Books, 2000.

Beck U. La société du risque. Sur la voie d'une autre modernité. Paris : Flammarion, 2004. 522 p.

REFERENCES

Averin A. N., Ponedelkov A. V., Voroncov S. A., Kashaf Sh. R. Konfessional'noe mnogoobrazie Rossii kak faktor razvitija obshhestva i gosudarstva // Nauka i obrazovanie: hozjaĭstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2018. № 4 (95) S. 130–134.

Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. Izd-vo Moskovskoj Patriarhii, 2013. 1376 s.

V Ufe sostojalas' Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Idealy i cennosti islama v obrazovatel'nom prostranstve XXI veka» // Central'noe duhovnoe upravlenie musul'man Rossii : [oficial'nyj sajt]. URL : www.cdum.ru/news/44/10808 (data obrashhenija: 24.11.2019).

Doklad muftija shejha Ravilja Ismagilovicha Gajnutdina na VII S#ezde DUM RF 23 sentjabrja 2019 g. // Musul'mane Rossii: oficial'nyj sajt Duhovnogo upravlenija musul'man Rossijskoj Federacii. 4 oktjabrja 2019. URL : dumrf.ru/common/speech/16011 (data obrashhenija: 15.10.2019).

Dutkevich P., Kazarinova D. B. Strah kak politika // Polis. Politicheskie issledovanija. 2017. № 4. S. 8–21.

Islam v Rossijskoj imperii. Zakonodatel'nye akty, opisanie, statistika. M. : Akademkniga, 2001.

Koncepcija podgotovki specialistov s uglublennym znaniem istorii i kul'tury islama // Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty. 2015. T. 11. № 4. S. 63–78. DOI: https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-4-63-78.

Koran / per. I. Ju. Krachkovskogo. Rostov-n/D : Feniks, 2012.

Mel'nik S. V. Mirotvorcheskiĭ mezhreligioznyĭ dialog: principy, zadachi, formy realizacii // Minbar. Islamic Studies. 2019. T. 12. № 1. S. 215–234. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-1-215-234.

Mchedlova M. M. Religija, obshhestvo, gosudarstvo: vyzovy i ugrozy sovremennosti // Sociologicheskie issledovanija: ezhemesjachnyj nauchnyj i obshhestvenno-politicheskij zhurnal RAN. 2016. № 10. S. 110–118.

Mchedlova M. M. Sociokul'turnye smysly politiki: novaja logika interpretacii i religioznye referencii // Polis. Politicheskie issledovanija. 2016. № 1. C. 157–174. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.11.

Mchedlova M. M., Kudrjashova M. S. Politika i religija // Ctrukturnye transformacii i razvitie otechestvennyh shkol politologii: nauchnoe izdanie / pod red. O. V. Gaman-Golutvinoj. M. : Aspekt Press, 2015. C. 124–143.

Naumkin V. V. Povlijaet li «beskontaktnaja vojna» s «Islamskim gosudarstvom» na sirijskuju politiku Moskvy? // RSMD. 2014. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/povliyaet-li-beskontaktnaya-voyna-s-islamskim-gosudarstvom-n/ (data obrashhenija: 20.11.2019).

Privetstvie mitropolita Volokolamskogo Ilariona uchastnikam konferencii «Islamovedenie i islamskaja teologija v sovremennoj sisteme obrazovanija: problemy i perspektivy» // Russkaja Pravoslavnaja Cerkov'. Otdel vneshnih cerkovnyh svjazej : [oficial'nyj sajt]. 19 fevralja 2019. URL : mospat.ru/ru/2019/02/19/news170649/ (data obrashhenija: 22.10.2019).

Protivodeĭstvie rasprostraneniju ideologii jekstremizma i terrorizma sredi molodezhi: materialy Mezhregional'noĭ nauchno-prakticheskoĭ konferencii po profilaktike jekstremizma (g. Ufa, 24 maja 2017 g.) / sost.: D. M. Abdrahmanov,

Ju. I. Malahov, R. R. Muhitdinova, Z. L. Sizonenko, Sh. B. Jergasheva. Ufa : Mir pechati, 2017. 456 s.

Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaja / M. K. Gorshkov [i dr.] ; pod red. Gorshkova M. K., Petuhova V. V. M. : Ves' Mir, 2016. 427 s.

Sbornik normativno-pravovyh aktov i informacionnyh materialov po profilaktike psevdoreligioznogo jekstremizma i vzaimodejstviju s religioznymi organizacijami v uchrezhdenijah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii. M. : Obshhestvennaja Palata Rossijskoj Federacii, 2019. 304 s.

Suharev M. Sila – v vere i znanijah [Muftij Chechni Salah Mezhiev o bor'be s jekstremizmom, vospitanii molodezhi i zhizni v respublike] // Rossijskaja gazeta. 26 ijulja 2018. URL : rg.ru/2018/07/26/reg-skfo/muftij-chechni-v-respublike-boriutsia-s-ekstremizmom.html.

Tanah. URL : tanah.filosoff.org/tvorchestvo/tanax/pagen/140 (data obrashhenija: 21.09.2019).

Toffler Je. Tret'ja volna. M. : AST, 1999.

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrja 2015 g. № 683 «O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Rossijskaja gaz. 31 dekabrja 2015. URL : www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (data obrashhenija: 20.11.2019).

Hantington S., Garrison L. (red.) Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvujut obshhestvennomu progressu. Antologija. M. : Moskovskaja shkola politicheskih issledovanij, 2002.

Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii. M. : Kul'turaja revoljucija, 2006. 559 s.

Harrison L., Huntington S. (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York : Basic Books, 2000.

Beck U. La société du risque. Sur la voie d’une autre modernité. Paris : Flammarion, 2004. 522 p.

УДК 329.14 (430)

П. М. Рукавицын

доктор политических наук, доцент;
e-mail: rpm66@mail.ru

АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ: РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА СПРАВА?

В статье анализируются центробежные тенденции в современной партийной системе ФРГ. Они проявляются в возникновении новых политических партий на фоне падения авторитета СДПГ и блока ХДС/ХСС. Особое внимание автор уделяет партии «Альтернатива для Германии». В статье рассматриваются причины роста ее популярности, идеологические установки и особенности электората этой партии.

Ключевые слова: партия «Альтернатива для Германии»; беженцы; внешняя политика; «народная партия»; ФРГ.

P. M. Rukavitsyn

Doctor of Political Science, Associate Professor;
e-mail: rpm66@mail.ru

IS ALTERNATIVE FOR GERMANY A CREDIBLE THREAT FROM THE RIGHT?

The article analyzes centrifugal partisan movement in modern-day German politics. This movement is apparent in the emergence of new political parties at the time when the authority of the Social Democratic Party and the CDU / CSU alliance is waning. The author specifically dwells on “the Alternative for Germany”. The article focuses on the reasons of its increasing popularity, its ideology and particularly its electoral pool.

Key words: the party “Alternative for Germany”; refugees; foreign policy; catch-all party; the Federal Republic of Germany.

Состоявшиеся в 2017 г. выборы в бундестаг были отмечены двумя заметными событиями. Во-первых, снижением популярности «народных партий» – блока ХДС / ХСС и СДПГ. Вторым событием стало попадание в бундестаг праворадикальной партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). Она получила почти 6 млн (12.6 %) голосов и сенсационно заняла третье место вслед за «народными партиями» [Gerwien 2017, с. 32].

Оба события тесно взаимосвязаны и отражают глубинные процессы, происходящие как в партийной системе ФРГ, так и в немецком обществе в целом. Для немецкой партийной системы на протяжении

CC BY

последних десятилетий были характерны центробежные тенденции. Это проявилось, с одной стороны, в сокращении электората СДПГ и ХДС / ХСС. А с другой стороны – в утверждении на политической сцене новых партий.

Возникновение новых политических партий в ФРГ

Партия зеленых и Левая партия

Первой в этом ряду стала Партия зеленых, которая на рубеже 70–80-х годов прошлого века прошла в состав бундестага и прочно закрепилась там. За ней последовала созданная на основе СЕПГ Партия демократического социализма (ПДС), которая после объединения с партией «За труд и социальную справедливость» была переименована в Левую партию. Несмотря на то, что влияние этой партии так и не вышло за пределы Восточной Германии (ни в одной из западногерманских земель ей ни разу не удалось войти в состав правящей коалиции), она за счет популярности на востоке страны постоянно проводит своих представителей в состав бундестага и восточногерманских ландтагов.

Левая партия является прямым конкурентом социал-демократов. Она вытеснила СДПГ с левого фланга партийно-политического спектра современной ФРГ, оставив последней левый центр. Но в центре социал-демократы сталкиваются с жесткой конкуренцией со стороны консервативного блока ХДС / ХСС. В последние годы консерваторы, пытаясь низвести СДПГ до уровня парламентских партий, ведущих борьбу за преодоление 5-процентного барьера на выборах в бундестаг, фактически взяли курс на превращение консервативного блока в единственную «народную партию» в ФРГ [Pfister 2017]. И эта стратегия, как показали результаты выборов в бундестаг в 2017 г., сыграла с ними злую шутку. Сдвинувшись в центр, А. Меркель и ее союзники из баварского ХСС оголили правый фланг. Стремясь привлечь на свою сторону избирателей СДПГ, консерваторы стали меньше учитывать интересы своего традиционного правоконсервативного электората, что стало причиной плохо скрываемого недовольства в его рядах.

Причины появления партии «Альтернатива для Германии»

В сложившейся ситуации появление новой политической силы, отражающей взгляды этой части германского общества, было только

вопросом времени. А поводом для возникновения АдГ стал комплекс проблем, связанных с общеевропейской валютой. Сомнения в пользе евро для Германии зрели среди немецких интеллектуалов не первый год. Обострение кризиса в Греции, необходимость оказания ей финансовой помощи, в том числе за счет Германии, стали отправной точкой для формирования АдГ.

На первом этапе существования партии ее возглавил профессор макроэкономики Гамбургского университета Бернд Лукке. Лейтмотивом деятельности новой партии стало обвинение правительства Меркель в забвении национальных немецких интересов в угоду общеевропейским. АдГ предложила два варианта выхода из «евроловушки»: возврат к национальным валютам или формирование новых валютных объединений, в состав которых вошло бы меньшее число стран, но с примерно одинаковым уровнем экономического развития. В этом случае, по мнению руководства АдГ, экономически развитому Северу Европы не надо было бы постоянно помогать бедному Югу. Но критики общеевропейской валюты оказалось недостаточно для попадания АдГ в бундестаг – на выборах 2013 г. партия набрала 4,7 %, т. е. ей не хватило для попадания в бундестаг всего 0,3 % голосов [Тимошенкова 2015].

Настоящим спасением для АдГ стал массовый наплыв беженцев из кризисных регионов в 2015 г. А. Меркель совершила политическую ошибку, согласившись принять в Германии основную часть потока беженцев. Ее лозунг «Мы справимся!» далеко не всеми в ФРГ был воспринят положительно. Наибольшее недовольство зрело в районах массового притока беженцев. Речь шла не только об обострении криминогенной ситуации. Жителей в конечном счете волновал взрывной рост численности иностранцев, многие из которых не собирались интегрироваться в немецкое общество. Таким образом, формирование в Германии новой этнорелигиозной реальности становилось, по их мнению, делом не такого уж отдаленного будущего.

Взгляды Меркель на сложившуюся ситуацию не в полной мере разделяли даже ее партнеры по консервативному блоку – Христианско-социальный союз. Если федеральный канцлер говорила о том, что ислам является частью Германии, то ее баварские коллеги придерживались противоположного мнения.

В сложившейся ситуации АдГ быстро сориентировалась и поменяла приоритеты. Вместо малопродуктивных в электоральном

отношении анти-европейских лозунгов она взяла на вооружение призывы к борьбе с неограниченной иммиграцией. Нынешний сопредседатель партии А. Гауланд назвал решение Меркель о приеме беженцев подарком для АдГ [Amann, Bartsch, Friedmann 2016]. При этом естественными союзниками этой партии становились праворадикальные группировки, для которых борьба с иммигрантами всегда была важной политической целью.

Идеология и структура АдГ

В целом начало эксплуатации АдГ лозунга борьбы с беженцами свидетельствует о ее серьезной качественной трансформации. В феврале 2013 г. эта партия создавалась в качестве широкого протестного движения, направленного против всего политического класса современной Германии. Данная позиция была четко сформулирована в программе АдГ: «В стране сформировался класс профессиональных политиков, заинтересованных в сохранении своей власти, статуса и материального благополучия» (Здесь и далее перевод наш. – *А. Р.*) [Bender 2017]. Отсюда и одно из принципиальных требований партии – переход к швейцарской модели прямой демократии, когда важнейшие политические вопросы решаются в ходе референдумов (*www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf*). Партия полагает, что таким образом она сможет ограничить влияние политического класса и позволить немецкому народу самому решать свою судьбу.

При этом создатели АдГ не спешили однозначно определяться со своей политической ориентацией. Выступая в апреле 2013 г. на первом съезде партии, ее основатель Б. Лукке заявил: «Мы не левые и не правые. Мы не нуждаемся в идеологическом указателе. Нам нужен только здравый смысл» [Amann, Eberle, Hoffmann 2017].

Бернд Лукке олицетворял собой тот этап развития партии, когда ее называли «профессорской» из-за большого числа функционеров с учеными степенями в ее рядах. Но профессорский характер партии не обеспечивает большой электоральной поддержки, а значит, и попадания в бундестаг. Данное обстоятельство стало одной из причин того, что в рядах партии начала быстро набирать силу праворадикальная платформа. Эта ее часть вытеснила Б. Лукке с поста председателя партии уже в 2015 г. Ведущую роль в АдГ заняли возглавлявшие ее

земельные организации в восточногерманских землях Бранденбург и Тюрингия А. Гауланд и Б. Хёкке.

Именно эти люди стали символом уже не движения, выступавшего за возрождение здравого смысла в политике, а праворадикальной партии, основу идеологии которой составляют борьба с притоком беженцев и ограничение иммиграции в целом, плохо скрываемый расизм и прославление исторического прошлого Германии, включая даже такие его сомнительные страницы, как действия немецкой армии в ходе мировых войн.

Что касается приема беженцев и их последующей интеграции или возвращения на родину, то здесь АдГ нащупала одну из главных болевых точек современного германского общества. Решение этих вопросов предлагается в традиционном для правых партий ключе. Всех находящихся в Германии беженцев по окончании войны там же АдГ предлагает выслать обратно (*www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf*). В организации иммиграционных потоков в качестве образца необходимо ориентироваться на Канаду и Австралию, которые привлекают высококвалифицированных специалистов, а не плохо образованных молодых людей, которые к тому же являются носителями чуждой для Германии культуры (*www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf*).

Об укоренившихся в АдГ расистских взглядах свидетельствуют скандалы, связанные с руководством партии. Так, сопредседатель партии А. Гауланд публично заявил о том, что немцы не хотели бы иметь своим соседом игрока сборной ФРГ по футболу Ж. Буатенга (у этого футболиста мать немка, а отец родом из Ганы) [Neuerer 2017]. Последующие заявления Гауланда о том, что его неправильно поняли, не смогли исправить ситуацию. Руководитель земельной организации АдГ в Тюрингии Бьёрн Хёкке также отметился расистским скандалом. В одном из публичных выступлений он сказал, что негры размножаются примерно с такой же интенсивностью, как мыши и хомячки [Bender 2017]. И это не помешало ему остаться на руководящем посту в партии.

Став значимой политической силой, АдГ не может ограничиваться проблематикой борьбы с беженцами. Ее лидеры постоянно упрекают немецкое правительство в провальном характере проводимой им внешней политики. В июне 2018 г. А. Гауланд прямо заявил: «Сегодня Германия поссорилась с русскими из-за Путина, с американцами из-

за Трампа, с англичанами из-за “брекзита”. Отношения с Польшей, Венгрией, Италией и даже Австрией отвратительные» (*www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-parteitag-gauland-vergleicht-unionskrise-mit-letzten-monaten-der-ddr-a-1215928.html*).

Вопросам внешней политики заметное внимание уделяется и в программе партии. При этом основным направлением партийной критики стала передача Германией значительных полномочий с национального уровня на общеевропейский. Евросоюз, по мнению АдГ, не должен превращаться в централистское федеративное государство; он должен быть сообществом суверенных государств (*www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf*). Введение евро партия считает ошибкой и предлагает либо ликвидацию Еврозоны, либо выход Германии из нее (*www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf*).

Особое внимание в АдГ уделяется отношениям с Россией. Пожалуй, наряду с Левой партией, она является в Германии самой пророссийской. А. Гауланд считает, что интересам Германии отвечает сильная Россия, поэтому надо развивать российско-германское сотрудничество. Сразу после введения санкций против России АдГ выступила с критикой этого решения [Lachmann 2014]. Группа членов партии-депутатов ряда ландтагов в 2018 г. посетила Крым, что вызвало нервную реакцию федерального правительства (*www.spiegel.de/politik/ausland/afd-bundesregierung-kritisiert-krim-reise-von-abgeordneten-a-1192002.html*).

Экономические взгляды партии неоднородны. Сначала они в основном определялись Б. Лукке и носили преимущественно либеральный характер. АдГ выступала за сокращение роли государства в экономике и снижение налогов [Bender 2017]. Затем, по мере роста влияния в партии националистического крыла, всё более популярной становилась идея усиления социальной защиты населения. Характерным в этом плане стало обсуждение перспектив развития пенсионной системы в ФРГ. Если националистическое крыло настаивает на повышении роли государства в пенсионном обеспечении, то либеральное, наоборот, выступает за более активное участие самих граждан в решении этого вопроса [Steffen 2018].

В кадровом отношении АдГ представляет собой сегодня конгломерат людей с различными политическими взглядами, многие из которых успели побывать в других партиях [Bender 2017]. Их объединяет

недовольство немецкой политической элитой и уверенность в деструктивном характере действий современного правительства ФРГ. Партийный состав очень непостоянен и характеризуется как массовым притоком новых членов, так и оттоком разочаровавшихся в партийной деятельности. Так, в 2015 г. вместе с вышедшим из нее Б. Лукке партию покинули 6 тыс. человек [Moritz 2016].

Особенной малочисленностью отличаются региональные организации АдГ на востоке Германии. Хотя на выборах в бундестаг именно в новых федеральных землях были получены самые высокие результаты, а в Саксонии партия впервые в истории заняла первое место, потеснив ХДС. Такие результаты позволили аналитикам говорить о превращении АдГ в новую народную партию [Augstein 2018]. Основой ее успеха в этом регионе стало превращение партии в своего рода платформу для всех недовольных. Раньше эту функцию выполняла Левая партия. Именно с ее потенциальными избирателями работали местные организации АдГ в земле Бранденбург в ходе предвыборной агитации [Amann, Bartsch, Friedmann 2016]. И результаты показали, что это было правильное решение.

Электоральная база АдГ

Говоря в целом об электорате АдГ, необходимо отметить, что это в основном люди, недовольные парламентскими партиями и эффективностью всей политической системы ФРГ в целом. Для среднестатистического избирателя АдГ характерен крайне низкий уровень удовлетворенности степенью развития демократии в ФРГ.

Многие из избирателей АдГ потеряли рабочие места в результате глобализационных процессов, приведших к сокращению рабочих мест в традиционных отраслях немецкой промышленности. Эксперты отмечают, что уровень электоральной поддержки АдГ заметно выше в районах с более высоким уровнем безработицы [Fricke 2017].

После выборов в бундестаг в сентябре 2017 г. АдГ продолжала наращивать электоральную базу. В июле 2018 г. опросы общественного мнения показали, что уровень поддержки партии среди избирателей вырос до 17%, и АдГ по этому показателю догнала старейшую партию Германии – СДПГ (*www.zeit.de/politik/deutschland/2018-07/sonntagstrend-asylstreit-waehlergunst-koalition-afd-horst-seehofer*).

Но эти цифры не должны вводить в заблуждение. Электорат Альтернативы для Германии нестабилен. Его протестная часть составляет 60 % от общей численности [Amann, Eberle, Hoffmann 2017], т. е. больше половины избирателей партии, голосуя за нее, в первую очередь, выражают недоверие всем остальным партиям. А люди, действительно разделяющие убеждения АдГ, составляют всего 40 % от общего числа ее сторонников.

Заключение

Анализируя перспективы дальнейшего развития АдГ, немецкие эксперты делают различные выводы. Если одни уверенно говорят о превращении АдГ в вытеснившую СДПГ новую народную партию «маленького человека» [Augstein 2018], то другие уверены, что АдГ растеряет свой авторитет, как только крупнейшие политические партии ФРГ предложат эффективные решения накопившихся проблем федерального масштаба [Amann, Bartsch, Friedmann 2016].

И первая, и вторая точки зрения имеют право на существование. Пока достаточно сложно делать точные прогнозы. Но в любом случае, появление в ФРГ АдГ – это серьезное предупреждение партиям правящей коалиции о том, что на сегодняшний день значительную часть немецких избирателей многое не устраивает в деятельности правительства Федеративной Республики Германии.

Подводя итоги анализа причин возникновения и особенностей партии АдГ, следует отметить, что вряд ли стоит преувеличивать степень угрозы справа, которую она сегодня представляет собой для немецкого общества. Но и игнорировать ее было бы политической ошибкой. Правящая коалиция должна внимательно проанализировать причины успеха этой партии и сделать соответствующие выводы. В противном случае, даже если АдГ маргинализируется и деградирует до уровня небольших праворадикальных партий, ее место займет новая политическая организация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Программа для Германии. Программа Альтернативы для Германии (АдГ). 2016. 105 с. URL : www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf.

Тимошенкова Е. П. Партийная система Германии в эпоху перемен// Современная Германия. Экономика и политика. М. : ИЕ РАН, 2015. С. 454–493.

Amann M., Bartsch M., Friedmann J. Im Schützengraben // Der Spiegel. 2016. № 6. S. 12–20.

Amann M., Eberle L., Hoffmann Ch. Merkels Saat // Der Spiegel. 2017. 26 Okt. S. 11–22.

Augstein J. Volkspartei AfD. 22.01.2018. URL : www.spiegel.de/politik/deutschland/spd-und-grosse-koalition-das-macht-die-afd-zur-volkspartei-kolumne-a-1189124.html.

Bender J. Was will die AfD? München, 2017. 206 S.

Bundesregierung kritisiert Krim-Reise von AfD-Abgeordneten. URL : www.spiegel.de/politik/ausland/afd-bundesregierung-kritisiert-krim-reise-von-abgeordneten-a-1192002.html.

Die AfD ist im Emnid-Sonntagstrend erstmals so stark wie die SPD. URL : www.zeit.de/politik/deutschland/2018-07/sonntagstrend-asylstreit-waehlergunst-koalition-afd-horst-seehofer.

Fricke Th. Revolte in den deutschen Armenhäusern. 27.10.2017. URL : www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/aufstieg-der-rechten-revolte-in-den-deutschen-armenhaeusern-kolumne-a-1174827.html.

Gerwien T. Das Beben // Stern. 2017. 28. Sept. S. 32–36.

Lachmann G. Tiefer Riss durchzieht die AfD in Russland-Frage. 20.08.2014. URL : www.welt.de/politik/deutschland/article131432482/Tiefer-Riss-durchzieht-die-AfD-in-Russland-Frage.html.

Moritz H.-J. Die Radikalen sammeln sich zunehmend in der AfD // Focus. 2016. № 6. S. 25.

Neuerer D. Eine durch und durch radikale Partei. 01.12.2017. URL : www.handelsblatt.com/politik/deutschland/afd-bundesparteitag-eine-durch-und-durch-radikale-partei/20657442-all.html.

Pfister R. Neues Deutschland // Der Spiegel. 2017. № 43. S. 42–43.

Steffen T. Bloß nicht zu viel Sozialismus. 30.06.2018. URL : www.zeit.de/politik/deutschland/2018-06/afd-bundesparteitag-augsburg-joerg-meuthen-bjoern-hoecke-rente-diesel.

Weiland S. Gauland vergleicht Unionskrise mit letzten Monaten der DDR. URL : www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-parteitag-gauland-vergleicht-unionskrise-mit-letzten-monaten-der-ddr-a-1215928.html.

REFERENCES

Programma dlja Germanii. Programma Al'ternativy dlja Germanii (AdG). 2016. 105 s. URL : www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf.

Timoshenkova E. P. Partijnaja sistema Germanii v jepohu peremen// Sovremennaja Germanija. Jekonomika i politika. M. : IE RAN, 2015. S. 454–493.

Amann M., Bartsch M., Friedmann J. Im Schützengraben// Der Spiegel. 2016. № 6. S. 12–20.

Amann M., Eberle L., Hoffmann Ch. Merkels Saat // Der Spiegel. 2017. 26 Okt. S. 11–22.

Augstein J. Volkspartei AfD. 22.01.2018. URL : www.spiegel.de/politik/deutschland/spd-und-grosse-koalition-das-macht-die-afd-zur-volkspartei-kolumne-a-1189124.html.

Bender J. Was will die AfD? München, 2017. 206 S.

Bundesregierung kritisiert Krim-Reise von AfD-Abgeordneten. URL : www.spiegel.de/politik/ausland/afd-bundesregierung-kritisiert-krim-reise-von-abgeordneten-a-1192002.html.

Die AfD ist im Emnid-Sonntagstrend erstmals so stark wie die SPD. URL : www.zeit.de/politik/deutschland/2018-07/sonntagstrend-asylstreit-waehlergunst-koalition-afd-horst-seehofer.

Fricke Th. Revolte in den deutschen Armenhäusern. 27.10.2017. URL : www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/aufstieg-der-rechten-revolte-in-den-deutschen-armenhaeusern-kolumne-a-1174827.html.

Gerwien T. Das Beben // Stern. 2017. 28. Sept. S. 32–36.

Lachmann G. Tiefer Riss durchzieht die AfD in Russland-Frage. 20.08.2014. URL : www.welt.de/politik/deutschland/article131432482/Tiefer-Riss-durchzieht-die-AfD-in-Russland-Frage.html.

Moritz H.-J. Die Radikalen sammeln sich zunehmend in der AfD // Focus. 2016. № 6. S. 25.

Neuerer D. Eine durch und durch radikale Partei. 01.12.2017. URL : www.handelsblatt.com/politik/deutschland/afd-bundesparteitag-eine-durch-und-durch-radikale-partei/20657442-all.html.

Pfister R. Neues Deutschland // Der Spiegel. 2017. № 43. S. 42–43.

Steffen T. Bloß nicht zu viel Sozialismus. 30.06.2018. URL : www.zeit.de/politik/deutschland/2018-06/afd-bundesparteitag-augsburg-joerg-meuthen-bjoern-hoecke-rente-diesel.

Weiland S. Gauland vergleicht Unionskrise mit letzten Monaten der DDR. URL : www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-parteitag-gauland-vergleicht-unionskrise-mit-letzten-monaten-der-ddr-a-1215928.html.

УДК 327.8

Ю. В. Синчук, В. Ф. Соловьев

Синчук Ю. В., доктор политических наук, профессор;
заведующий кафедрой теории и истории международных отношений
института международных отношений и социально-политических наук (факультет)
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

Соловьев В. Ф., кандидат военных наук;
заместитель директора института международных отношений
и социально- политических наук (факультет)
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: imoispn159@mail.ru

ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье рассматривается понимание феномена основ безопасности государства как с теоретической точки зрения в целом, так и с учетом национальной специфики Российской Федерации. Авторы отмечают, что изучение отечественного опыта и рассмотрение России как особого культурно-исторического типа государства помогает глубже раскрыть морально-психологические факторы обеспечения национальной безопасности России в начале XXI столетия.

Ключевые слова: геополитика; Россия; национальная безопасность; концепция.

J. V. Sinchuk, V. F. Soloviev

Sinchuk Ju. V., Ph.D. in Political Science,
Professor, Head of the Department of history and theory
of international relations Institute of international relations
and socio-political sciences (faculty), Moscow State Linguistic University;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

Soloviev V. F., Ph.D. in Military Science,
Deputy director Institute of international relations
and socio-political sciences (faculty), Moscow State Linguistic University;
e-mail: imoispn159@mail.ru

BASIS OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

The article covers the topic of understanding the phenomenon of national security considering theoretical and national features of Russia. According to the authors, the study of domestic experience and consideration of Russia as a specific cultural and historical type reveal the moral and psychological factors of ensuring the national security of Russia at the beginning of the XXI century.

Key words: geopolitics; Russia; national security; conception.

CC BY

Введение

В XVII–XVIII веках в государствах Западной Европы понятие «безопасность» было широко распространено. В те времена под безопасностью подразумевалось состояние, когда гражданин находился под надежной и гарантированной защитой от различных опасностей. Общефилософские концепции Т. Гоббса, Д. Локка, Ж. Ж. Руссо, Б. Спинозы и других мыслителей под безопасностью рассматривали состояние, которое возникало в отсутствии реальной физической или моральной угрозы. Авторское определение национальной безопасности раскрывается в следующей редакции: «состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, достигается за счет сочетания действий как государственных органов, органов местного самоуправления, общественные организации и физические лица на основании законов и иных правовых актов обеспечивают независимость, целостность и неделимость территории Российской Федерации, регулирование сопутствующего социально-экономического и духовно-нравственного развития» [Синчук 2005, с. 276–278].

Понятие национальной безопасности

Безопасность – это состояние, при котором опасность не угрожает ни процессу, ни человеку [Ожегов 1986, с. 38]. Безопасность – это предоставление отдельным лицам и сообществам отдельных лиц права действовать от своего имени, а также их защита от значительных угроз. В политике предпринимаются усилия по формированию безопасности посредством глобальных альянсов, с целью усиления институциональной политики, объединения граждан и государства и, как следствие, государства – с международным сообществом. Государство выступает главным гарантом безопасности [Безопасность человека 2003, с. 9–10].

Определение понятия «ущерб» предполагает под собой получение значимого урона. В нынешних отечественных внутренних документах РФ есть определения, описывающие национальную безопасность как защиту жизненно важных интересов государства, которые были заимствованы из самых идеологических американских «первоисточников», таких как официальный документ США о стратегии национальной безопасности [Национальная военная стратегия США 1992, с. 2].

В свою очередь, Соединенные Штаты Америки пользуются теорией «национальных интересов» в качестве базисной концепции защищенности с целью – утаить, или скрыть, функциональные и агрессивные воздействия на весь мир с риторикой – обеспечение государственной защищенности. США стремятся стать ведущей движущей силой нового миропорядка, и тем самым перевести систему международных отношений с многополярной к однополярной. Заявляя о своих национальных интересах на территориях Прикаспийского региона, в Персидском заливе, на Ближнем Востоке, они осуществляют влияние в этих регионах с помощью подкупа политических элит и лоббирования своих интересов в правительствах через военную агрессию, в частности и с помощью воздушных нападений, тем самым угрожая национальной безопасности близлежащих стран, в том числе Российской Федерации [John 1993, с. 141].

По мнению американского теоретика и стратега Дж. Коллинза, национальная безопасность – наука и в то же время искусство, как использовать мощь государства для осуществления необходимого контроля над противником и достижения целей национальной безопасности с помощью дипломатии, прямого и косвенного давления, угроз. Следуя его логике, получается, что каждое правительство, выступающее против контроля США, создает опасность государственной защищенности сего безусловно дружелюбного государства.

Определение защищенности как обороны интересов государства очень противоречивое. Стоит обозначить, что сохранность в том числе и чрезвычайно значимых интересов, не каждый раз связана с защищенностью, в особенности, когда это затрагивает заинтересованные стороны в вопросе конкуренции за довольно ограниченные жизненно необходимые ресурсы и в случае, если они принадлежат иным обладателям по законодательству. Допускаемый и, более того, прибыльный для населения Земли прогресс, такой как геополитическая конкуренция между государствами, включая и столкновение их национальных интересов, будет полезен только в случае соблюдения норм международных прав человека в рамках конкуренции. Впрочем, защита интересов не всякий раз значит обеспечивание безопасности. При рассмотрении такой категории, как теория национальной безопасности, сложно применить совокупность методологических подходов. По нашему мнению, представляется, что при рассмотрении теории

безопасности ценностный (аксиологический) подход научно обоснован. Такой подход устраняет вышеуказанные несоответствия. В его свете становится очевидной идеологизация американской интерпретации национальной безопасности. Ценностный подход соединяет концептуальный аппарат в логически организованную систему, где все понятия взаимосвязаны и последовательно получены, не отклоняясь от фактического научного определения. В ценностном подходе основными позициями стоит рассмотреть этническое наследство, ресурсы и ущерб, а не интересы и угрозы. С точки зрения национальной безопасности верно воспринимать защиту от значимого вреда не государственных интересов, а вещественных и духовных ценностей цивилизации, которые принадлежат стране и народу на легитимных основаниях. Определение ценностей значит всё, что содержит какое-либо отношение к человеку, его внешнему облику и удовлетворению очевидных человечных потребностей (процессы, отношения, вещи, их свойства). Наука определяет два типа ценностей: вещественные (меркантильные) и духовные.

Ресурсы субъекта – это целая система ценностей, которыми владеет конкретный субъект, который с их помощью получает и создает новые ценности и удовлетворяет потребности. Сочетание ценностей является достоянием.

Под «ущербом» понимается изменение, оказывающее негативное воздействие на субъект, ведущее к потере эффективности деятельности субъекта, повышению затрат, и поэтому, совершенно ненужное ему. Данное понятие можно соотнести с понятием «вред», ближайшим по значению к слову «ущерб» и активно использующимся в юридической лексике. Под субъектом ущерба может выступать как личность, так и народ или государство. Можно выделить несколько основных видов ущерба – утрата положительных и приобретение или же навязывание чуждых человеку ценностей. Также существует косвенный или опосредованный ущерб – упущенная выгода. Существует несколько способов нанесения ущерба субъекту: через внешнее, стороннее влияние, в особенности от противников; непосредственно действия самого субъекта – ошибки; объективные процессы. Всё это позволяет сделать вывод, что нанесение прямого ущерба абсолютно всегда является проблемой безопасности. Нанесение же косвенного ущерба можно отнести к данной проблеме только тогда, когда речь

идет о незаконных препятствиях субъекту при приобретении материальных ценностей. Оказать негативное воздействие и, соответственно, причинить ущерб возможно не только материальным, но также духовным ценностям. Под таковыми понимаются мораль, религия, культура. К материальным национальным ценностям государства исследователи относят народ, демографическую ситуацию, уровень развития различных социальных сфер, в особенности, здравоохранения, натуральные ресурсы, развитие технологической сферы. Согласно ценностному подходу, безопасность государства – это степень его защищенности от нанесения ущерба. Безопасной ситуацией считается та, когда уровень нанесенного ущерба национальным ценностям и ресурсам позволяет не предпринимать меры по устранению источника угрозы безопасности. Предотвращение убытков является главным основанием при выработке политики национальной безопасности. Самый верный способ значительно снизить ущерб – уменьшить вероятность его получения.

Национальная безопасность – это защищенность от нанесения значительного ущерба национальному наследию, которая достигается хитросплетением моментов, обеспечивающих подходящие обстоятельства для становления Российской Федерации, а также жизнеспособность страны и достижение благосостояния всех людей; целесообразное становление и сбережение базовых ценностей, наследства и народов России; сохранение добрых отношений между человеком, как личностью, и государством; дееспособность к преодолению опасности.

Общая система безопасности государства

Общая система безопасности общества и страны основана на совокупности факторов, которые придают ей целостность и количественно-качественную достоверность. В своей наиболее общей форме эти факторы встречаются во многих сферах жизни общества и государства: политической, духовной, социальной, информационной, экономической др.

В общей системе безопасности проблема военной составляющей государственной безопасности остается важной и значимой. Военная безопасность – это состояние защищенности граждан, общества и самого государства от военной угрозы, и различных других угроз со

стороны государств. Это способность защитить суверенитет, границы и население страны от внешних и внутренних военных угроз. Значимым качеством защитника выступает патриотизм.

Интерес к проблеме русского патриотизма отражает научно-исследовательская литература конца XX в. Значительный вклад в решение проблемы морально-психологического фактора в системе обеспечения военной безопасности страны внесли известные советские и российские ученые: И. А. Ильин, М. Ю. Зеленков, В. И. Лутовинов, П. В. Петрий, В. П. Трифонов, Б. А. Федулов и др., которые в своих научных работах изучали вопросы патриотизма, военно-патриотического воспитания и личностных ценностей. Патриотизм делает из человека не просто личность, а владельца ответственного за настоящее и будущее своей страны, из поверхностного биологического потребителя, лишенного морали. В своих работах С. Франк отмечал, что «патриотизм, как чувство внутренних аксессуаров всей Родины, это собирательное единство – духовное существо – это основа, которая может быть удовлетворена только появлением армейского механизма» [Франк 1992, с. 22–29].

Общественное сознание является одним из важнейших явлений массового (коллективного) сознания и, соответственно, является предметом изучения в социальной психологии. Суть общественного осознания в отношении морально-психологического состояния населения заключается в скрытой или явной оценке (или аксиологическом отношении) определенной команды, процессов, объектов и субъектов социальной реальности (в первую очередь политических деятелей, решения правительства и т. п.) – всё, что значимо, представляет общественный интерес. Систематическое общественное сознание отражается в том, что каждый его носитель в той или иной степени связан с другим. Осознание мнения окружающих – значительный фактор, который часто кардинально влияет на индивидуальную оценку. Таким образом, общественное сознание, хотя и присутствует в сознании каждого человека, никоим образом не эквивалентно его индивидуальному мнению. Между индивидуальным и общественным сознанием могут быть разные соотношения. Отдельный человек может осознавать мнение «других» и при этом: полностью его принимать; принимая его отчасти, менять собственное мнение; оставаться при своем мнении. Он может иметь

собственное мнение (сознание) по той или иной проблеме, или ему пока не удается определить свое сознание, с учетом свойственных ему индивидуальных особенностей психики отражать окружающий мир, и по этой причине он не выходит на идентификацию индивидуального или общественного сознания, типичного для других членов коллектива, общества.

Одним из основных направлений государственной политики России является обеспечение военной безопасности государства. Одной из важных целей в конкретной области военно-политической деятельности, как указано в Концепции национальной безопасности, является обеспечение возможности верного реагирования на возможные угрозы в XXI веке, при целесообразных расходах на национальную оборону. Также замечено, что согласно той же концепции, Российская Федерация предпочитает не военные, а политические, дипломатические средства, чтобы предотвратить войны и вооруженные конфликты. Однако для защиты национальных ценностей (активов, ресурсов) России необходима достаточная военная сила.

Обеспечение национальной безопасности

Духовность является высшей формой социального отражения действительности. Именно духовностью создаются и формируются смыслообразующие ценности, знания, идеалы существования индивидуума, народа, социальной группы, класса, нации, слоя, а также способы и формы, выражающие основные национальные ценности культурно-исторического вида цивилизации [Харичкин, Макаренков 2014, с. 100–110].

В сокровищнице русской военной мысли есть бесценные труды Д. А. Милютина, Р. А. Фадеева, М. И. Драгомирова, Г. А. Леера, Н. Н. Обручева, К. М. Войде, А. Едрихина (Вандама), А. А. Ливена, М. О. Меньшикова, А. К. Байова, Н. Н. Головина, А. Е. Снесарева, А. А. Свечина, В. Е. Борисова, А. В. Гурова, Н. Л. Кладко, П. Н. Краснова, Е. И. Мартынова, Н. А. Морозова, М. А. Петрова, А. И. Верховского, Б. А. Штейфона, Е. Э. Месснера, А. А. Керсновского. И этими именами далеко не заканчиваются имена отечественной мысли военной культуры, без усвоения которой нет надежды на возрождение военной мощи России. Множество примеров доказывает проявление военно-профессиональных качеств наших бойцов во

время Отечественной войны. Героизм, смелость и решимость в тот период были решающими. За самоотверженность, доблесть, твердость и стойкость, проявленные в битвах с немецко-фашистскими захватчиками и японскими военными силами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., более 11 635 удостоены звания Героя СССР, дважды – 115 человек, а летчики А. И. Покрышкин и И. Н. Кожедуб – трижды. Кавалерами ордена Славы трех степеней стали более 2 600 человек, около 13 мил военнослужащих отметили правительственными наградами, в том числе 5 300 тыс человек награждены орденами и 7 580 тыс – медалями. В боевых операциях в Чеченской Республике российские воины проявили высокий героизм и самопожертвование, защищая территориальную целостность своего Отечества и выполняя воинский долг. Высоким званием Героя Российской Федерации удостоены: А. А. Артюхин, В. И. Фадеев, В. Н. Дронов, А. В. Маргелов, Л. И. Щербаков. История нашего государства свидетельствует о том, что преодоление трудных периодов ее развития постоянно начиналось с обретения народа и его армией духовно-нравственных ценностей. Любовь к Родине – это наш бесценный дар, передающийся от отца к сыну уже много веков, и священная обязанность потомков хранить его, развивать и приумножать. Постижение российской ментальности означает, что при выборе тактики стоит учесть изменения свойства социального целого и среды того пространства, где государству на протяжении тысячи лет принадлежал народ, что непременно сказывалось на их трудовых и деловых навыках. Наличие специальных условий обеспечивающих преемственность традиций из поколения в поколение, особая форма мысли, чувств морали и норм общества называется менталитетом. Анализ современного этапа развития России, определение системы ее государственной и военной безопасности, выявление причин духовного, морального, нравственного кризиса, определение перспектив выхода из него невозможен без рассмотрения истории становления и развития российской цивилизации, выделения присущих ей национальных ценностей, черт и особенностей. Изучение отечественного опыта и рассмотрение России как особого культурно-исторического типа государства позволит глубже раскрыть морально-психологические факторы обеспечения национальной безопасности России в начале XXI столетия.

Заключение

Положение России между двумя цивилизациями Востока и Запада (геополитический фактор), тесные культурные, экономические связи Древнерусского государства с государствами Западной Европы и Востока никак не могло не сказаться на духовных и культурных основах российской цивилизации. Как уже говорилось выше, общественное сознание народа и проблема национальной безопасности неразрывно связаны между собой. Но чтобы построить эффективную систему национальной безопасности государства, данная идея должна стать одной из основополагающей в национальном сознании. В любом обществе, в особенности в таком многонациональном и мультикультурном, как российское, встречаются и сталкиваются противоположные мнения, уклады жизни и системы ценностей. Однако даже абсолютно разные полюсы с помощью социальных и духовных связей объединяются в хоть и гетерогенную, но целостную систему. Именно патриотизм, выступая в качестве полноценного социального института, является тем самым связующим элементом индивидов и социальных групп, обеспечивающим целенаправленное развитие общества как самоорганизующейся системы [Синчук 2005, с. 276–282].

Патриотизм как социальное явление и одна из моральных и идеологических ценностей в рамках ментальности народа придает осознанность и смысловые ориентации отношению людей к Родине, тем самым объединяя их. Формируясь с течением истории через отбор самый положительных и социально-значимых форм проявления отношения народа к своей стране, патриотизм стал одной из основных духовных граней общественного сознания. Проследив более чем тысячелетнюю историю становления и формирования Российского государства и его народа со своим, отличным от других, менталитетом, мы можем увидеть значимость патриотической идеи. Особенность российского народа состоит в его многонациональном этническом составе и сложной социальной структуре, и именно русский и российский патриотизм, пройдя путь от феодальной раздробленности до создания централизованного государства лег в сознание российских граждан как мощная культурная составляющая и объединяющая их идея. Важнейшим подтверждением данного высказывания может являться победа советского патриотизма над фашистами в Великой

Отечественной войне. Таким образом, можно говорить, что патриотизм – один из важнейших факторов национальной безопасности и развития государства.

На протяжении долгого времени в российском обществе было распространено мнение, что технические составляющие вопроса национальной безопасности – защищенность от внешних угроз, охрана государственных границ, обороноспособность – ключевые факторы безопасности. Однако постепенно приходит понимание, что духовная атмосфера, мораль, идеология как составные части общественного сознания играют немаловажную роль в проблеме национальной безопасности. Однако оба фактора существуют отнюдь не автономно – состояние общественного сознания находится в прямой зависимости от уровня защищенности, условий жизни в стране и развития человеческого потенциала. Успешное существование в современном мире, устойчивое развитие страны и адекватное реагирование на возникающие проблемы возможны только через полноценное осознание истории государства, обычаи, духовные и культурные особенности и потенциал. Бессмысленно отрицать значение взаимного проникновения ценностей для развития культур и человечества в целом, но подмена чужой культурой всех внутренних творческих, созидательных сил, способностей русского народа невозможна, если страна стремится к независимому и успешному существованию и развитию.

Ярким и удачным примером сочетания национальных и интернациональных культурных особенностей является регион Юго-Восточной Азии, странам которого удается удерживать тонкий баланс и в то же время объединить в гармоничное сочетание древнюю культуру и развитые технологии. Лишь учитывая свои исторические, культурные, социальные и другие особенности, Россия сможет найти отличное от других понимание разрешения вопроса в таком сложном и переплетенным проблемами мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безопасность человека сегодня. Комиссия по безопасности человека / пер. с англ. ; под ред. при содействии изд-ва Центра ОБСЕ в Ашхабаде. Нью-Йорк, 2003. С. 9–10.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1986. 750 с.

Национальная военная стратегия США : пер. М., 1992. С. 2.

Синчук Ю. В. Национальная безопасность Российской Федерации: аксиологический подход // Глобализация и национальные интересы России : сб. науч. ст. Уфа : Восточный университет, 2005. С. 276–282.

Синчук Ю. В. Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. 2011. № 1. С. 305–314.

Синчук Ю. В. Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. 2012. № 3 (19). С. 60–66.

Синчук Ю. В., Синчук И. Ю. К вопросу о безопасности российского государства // Вестник МГОУ. 2012. № 5. С. 141–147.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Франк С. Л. Духовные силы общества. М. : Республика, 1992. С. 22.

Харичкин И. К., Макаренков Е. В. Политическое управление : учебное пособие. М. : Государственный университет управления, 2014. 123 с.

John M. Collins. Grand Strategy: Principles and Practices, 1973. Definitions of Grand or National Security Strategy and Statecraft // Course 1: Foundations of National Security Strategy. National War College. Washington, DC, 1993. P. 1–4.

REFERENCES

Bezopasnost’ cheloveka segodnja. Komissija po bezopasnosti cheloveka / per. s angl. ; pod red. pri sodejstvii izd-va Centra OBSE v Ashhabade. N’ju-Jork, 2003. C. 9–10.

Ozhegov S. I. Slovar’ russkogo jazyka: Ok. 57 000 / pod red. chl.-korr. AN SSSR N. Ju. Shvedovoj. 18-e izd., stereotip. M. : Rus. jaz., 1986. 750 s.

Nacional’naja voennaja strategija SShA : per. M., 1992. C. 2.

Sinchuk Ju. V. Nacional’naja bezopasnost’ Rossijskoj Federacii: aksiologicheskij podhod // Globalizacija i nacional’nye interesy Rossii : sb. nauch. st. Ufa : Vostochnyj universitet, 2005. C. 276–282.

Sinchuk Ju. V. Geopoliticheskie vyzovy i ugrozy sovremennoj Rossii // Bezopasnost’ Evrazii. 2011. № 1. S. 305–314.

Sinchuk Ju. V. Rossija i osnovnye geopoliticheskie sily v sovremennom mire // Geopolitika i bezopasnost’. 2012. № 3 (19). S. 60–66.

Sinchuk Ju. V., Sinchuk I. Ju. K voprosu o bezopasnosti rossijskogo gosudarstva // Vestnik MGOU. 2012. № 5. S. 141–147.

Strategija nacional’noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 № 683 «Strategii nacional’noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii».

Frank S. L. Duhovnye sily obshhestva. M. : Respublika, 1992. C. 22.
Harichkin I. K., Makarenkov E. V. Politicheskoe upravlenie : uchebnoe posobie. M. : Gosudarstvennyj universitet upravlenija, 2014. 123 s.
John M. Collins. Grand Strategy: Principles and Practices, 1973. Definitions of Grand or National Security Strategy and Statecraft // Course 1: Foundations of National Security Strategy. National War College. Washington, DC, 1993. P. 1–4.

УДК 327

А. Г. Спицын

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета; e-mail: aspitsyn@mail.ru

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АРГЕНТИНЫ

В статье рассматриваются история и современное состояние развития атомной энергетики в Аргентине, ее влияние на международные отношения и сотрудничество с другими странами, в частности с Бразилией, Мексикой, Турцией, Ираном. Особо анализируются национальный проект атомной энергетики малой мощности «Карем» (Carem), его использование в Аргентине и других странах, а также рассматриваются последние соглашения с Россией о сотрудничестве в области атомной энергетики.

Ключевые слова: Национальная комиссия по атомной энергии Аргентины (НКАЭ), компания «Invap»; нераспространение ядерного оружия; МАГАТЭ; Договор Рио-де-Жанейро; Договор Тлателолко; закон о ядерной отрасли, технология «Канду» и проект «Карем».

A. G. Spitsyn

PhD (History), Associate Professor at the Department of theory and history of international relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University; e-mail: aspitsyn@mail.ru

NUCLEAR ENERGY AND FOREIGN POLICY OF ARGENTINA

The article studies the history and the actual situation of development of the atomic energy in Argentina, its influence on her international relations and the cooperation with other countries, in particular with Brazil, Mexico, Turkey, Iran. Especially are analyzed the national project of small nuclear power CAREM, its application in Argentina and other countries, as well are viewed the last agreements of cooperation in the atomic energy with Russia.

Key words: National commission of atomic energy of Argentina (NCAE); company «Invap»; no proliferation of nuclear army; International Atomic Energy Agence (IAEA); Contract of Rio de Janeiro; Contract Tlatelolco; Ley Nuclear; “Kandu” technology; project CAREM.

Краткая история развития атомной программы Аргентины

До недавнего времени Латинская Америка занимала весьма скромное положение в атомной энергетике: на АЭС континента производилось только 2,5 % мировой электроэнергии и лишь Аргентина,

CC BY

Бразилия и Мексика располагали мощностями атомных электростанций. По данным 2017 г. Аргентина занимает первое место по доле АЭС в производстве электроэнергии – 6,2 %, Мексика – второе (6 %), а Бразилия – третье (2,7 %) [Аргуэльо 2010].

Аргентина обладает наибольшим опытом в развитии атомной энергетики на континенте. Национальная комиссия по атомной энергии (НКАЭ) Аргентины была создана в 1950 г. и скоро отметит свой 70-летний юбилей. Почти 65 лет назад был введен в эксплуатацию первый исследовательский реактор, и вот уже 53 года работает ее первый силовой реактор, а 30 лет тому назад началось производство тяжелой воды. НКАЭ осуществляла также руководство и участие в строительстве 12 исследовательских реакторов: 7 – в Аргентине, 2 – в Перу, по одному – в Алжире, Египте и Австралии, совместно с такими аргентинскими компаниями как «Invap» и «Dioxitek» участвует в экспорте высоких технологий в этой отрасли.

Развитие атомной энергетики Аргентины с самого начала опиралось на собственные ресурсы страны и вызывало беспокойство в правительственных кругах США. После военного переворота 1976 г. правительство Дж. Картера оказывало нажим на аргентинское правительство с целью воспрепятствовать осуществлению аргентинских планов достижения независимости в этой области. Однако ввиду провала этих попыток Вашингтон спешно стал перестраивать свою политику в стремлении поставить под американский контроль развитие атомной отрасли Аргентины. Исходя из этих соображений, госсекретарь США С. Венс еще в октябре 1977 г. обещал аргентинскому правительству существенную помощь в деле развития ее атомной промышленности (*Diario La Nación. Buenos Aires. 21.01.1981*).

Ядерная программа Аргентины и ее влияние на мировую и региональную внешнюю политику

Аргентинская дипломатия, столкнувшаяся с дискриминационными мерами США, пыталась использовать противоречия и конкуренцию крупнейших западных держав и ТНК, заинтересованных в проникновении на «атомные рынки» развивающихся государств, несмотря на их стремление – под предлогом «техники безопасности» и «нераспространении ядерного оружия» – и в дальнейшем обеспечить себе право «старшего партнера», способного подчинить своему контролю атомную энергетику других стран.

США и другие западные страны, владеющие атомным оружием и объединенные в Лондонский клуб, настаивали на проведении инспекции на всех ядерных установках Аргентины в то время, как аргентинское правительство допускало контроль лишь на условиях, предусмотренных Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) либо приемлемых для аргентинской стороны в связи с поставками важной ядерной технологии; причем в последнем случае речь шла лишь об инспекции поставляемых материалов (*Castro Madero. Argentina: situación nuclear actual. 1978*).

Правящие круги США, признавая провал своей политики «ядерного нераспространения» по отношению к латиноамериканским странам, прежде всего к Аргентине, стремились наверстать упущенное и разработать более гибкую политику в этой области.

В частности, в докладе Брукингского института (Brookings Institution, США), подготовленном американскому правительству незадолго до визита главы военного правительства Аргентины в 1981 г. генерала Виолы в США, рассматривались различные варианты подчинения ядерной энергетики Аргентины политике Белого дома. Например, выдвигались планы создания многонационального ядерного центра с участием Аргентины и Бразилии, который мог быть расположен на границе двух стран – Уругвая и Парагвая (*Diario El Clarín. Buenos Aires, 1981*). Предлагалось, например, для обогащения урана использовать лазерную технику или плазму, что в силу чрезвычайной сложности технологий способствовало бы обеспечению господствующего положения фирмам США.

Среди других способов давления на эти страны рассматривалась возможность расширения поставок вооружения и обеспечения более надежных гарантий, чем предусмотренные Межамериканским договором о взаимной помощи Рио-де-Жанейро (1948 г.), тому государству, которое «взяло бы на себя обязательство придерживаться политики ядерного нераспространения» (*Diario El Clarín. Buenos Aires, 1981*)[1]. Иначе говоря, в обмен на отказ Аргентины либо какого-либо другого государства Латинской Америки от самостоятельного развития ядерной отрасли (и, согласно авторам доклада, неизбежного производства собственной атомной бомбы), США предложили бы

[1] Здесь и далее перевод наш. – *А. С.*

усилить свое военное присутствие в этих странах, а также закрепили бы за собой «ответственность за оборону» этого региона.

Эти планы США определяли и характер переговоров между генералом Виолой и руководящими деятелями американской администрации в марте 1981 г. Особое беспокойство Белого дома вызвало расширяющееся участие Советского Союза в развитии атомной энергетики Аргентины, которая в целях диверсификации источников поступления оборудования и топливных элементов готовила в тот период соглашение о поставках в СССР природного урана для его обогащения и использования на аргентинских АЭС. К тому же Аргентина, добившись определенной самостоятельности в этой области, в меньшей степени была склонна принимать условия, ставившие ее в зависимость от той или иной страны.

В результате администрация президента США Р. Рейгана вынуждена была пойти на ряд уступок и заявила о своем намерении изменить некоторые положения Протокола о ядерном нераспространении, который был принят в качестве закона при Дж. Картере и явился причиной прекращения поставок обогащенного урана из США, так как ставил ряд политических условий, неприемлемых аргентинской стороной. К тому же, как отмечалось в аргентинской прессе, «растущие потребности ядерного рынка уже привели к тому, что политические условия, выдвигаемые при таких сделках, становились все более гибкими» (*Diario El Clarín. Buenos Aires, 1981*).

Со своей стороны, в августе 1981 г. аргентинское правительство заявило на высоком уровне о возобновлении диалога с США с целью рассмотрения вопросов сотрудничества в ядерной области, «положив начало новому этапу отношений между Буэнос-Айресом и Вашингтоном» (*Diario El Clarín. Buenos Aires, 1981*).

Важным направлением «диверсификации» своих международных отношений и обеспечения самостоятельности в ключевых стратегических областях было развитие сотрудничества Аргентины в области ядерной энергетики с другими западными странами.

Вследствие образования определенного «вакуума» в сфере поставок ядерной технологии и материалов из США Аргентина оказалась перед необходимостью расширить сотрудничество с рядом других развитых западных стран, таких как Канада, ФРГ, Италия и Швейцария (*Diario El Litoral. Santa Fe, 1981*). В этот период Аргентина

активно использовала сотрудничество в области ядерной энергетики для усиления влияния в интеграционных процессах Латинской Америки. Одной из программ этой политики было возраставшее сотрудничество в развитии атомной промышленности в так называемом горизонтальном направлении. В силу своего относительно более высокого уровня развития в этой области Аргентина принимала активное участие в разработке атомных программ и строительстве первых ядерных центров в ряде латиноамериканских стран. Наиболее тесные связи в этом направлении развивались с Перу, где при содействии аргентинских специалистов строился первый атомный центр (*La Prensa. Lima, 1981*).

Колумбия также запросила у аргентинской стороны помощь в разработке технической схемы на строительство первого атомного центра на базе одного реактора и радиоизотопной установки (*Revista La Estrategia. 1978. № 51, marzo–abril*).

Гватемала, первая среди всех стран Центральной Америки, обратилась в 1980 г. к аргентинскому правительству с просьбой о содействии в разработке проекта лаборатории ядерных исследований, а Уругвай заказал в Аргентине разработку техно-экономического обоснования для определения типа атомного реактора, который бы наиболее отвечал потребностям этой небольшой страны.

Одновременно велись переговоры об участии Национальной комиссии по атомной энергии Аргентины и ее научного персонала в подготовке мексиканских специалистов-атомщиков на тот случай, если Мексика примет решение об использовании природного урана в развитии своей национальной программы ядерной энергетики, так как именно в этой области Аргентина имела наиболее богатый опыт. В результате сотрудничество Аргентины с другими странами способствовало в определенной степени выбору проектов, обеспечивающих самостоятельность в развитии атомной энергетики (*Diario El Clarín. Buenos Aires, 1981*).

В международных организациях и на специальных совещаниях, посвященных вопросам нераспространения ядерного оружия, аргентинские представители занимали особую позицию, отказываясь присоединяться к соответствующим соглашениям под предлогом сохранения независимости в этой области. Ссылаясь на ряд «дискриминационных» положений этих соглашений, Аргентина отказывалась

ратифицировать Договор Тлателолко[1], а на специальной сессии ООН, посвященной проблемам разоружения (май–июнь 1978 г.), ее делегат противопоставлял усилия малых и средних стран «пассивности ядерных держав», которые не шли на необходимые компромиссы [Внешняя политика стран Латинской Америки после второй мировой войны 1975].

По завершении сессии аргентинский дипломат А. Федерико Морено подчеркивал вместе с тем, что заключительный документ спецсессии – итог «гигантской предварительной работы по согласованию и урегулированию противоположных точек зрения» (*Revista La Estrategia. 1978. № 51, marzo–abril*).

Но даже эта, не всегда конструктивная, позиция аргентинского правительства по вопросу нераспространения ядерного оружия скорее свидетельствовала о стремлении к независимости от США, нежели его принципиально отрицательном отношении к подписанию соответствующих документов. Это подтверждается также тем фактом, что по мере достижения Аргентиной большей самостоятельности в атомной отрасли военный режим постепенно склонялся к подписанию Договора Тлателолко.

Развитие атомной промышленности, как одной из составных частей «стратегической инфраструктуры», возводимой в рамках программы модернизации, пользовалось особым вниманием военной хунты (1976–1982) и осуществлялось с перспективой достижения полной самостоятельности в этой области. Даже наиболее проамериканские круги не желали ущемлять независимость страны в угоду «идеологической близости» к США. В определенном смысле развитие ядерной отрасли в глазах аргентинских военных могло служить важным козырем на переговорах с администрацией США и весомым аргументом в пользу придания Аргентине более значительной роли в Южной Америке и в мире.

Одним из ярких показателей того внимания, которое придавалось в Аргентине развитию атомной энергетики на уровне государственной политики, является «Закон о ядерной отрасли» («Ley Nuclear»), который был принят парламентом страны почти единогласно в 1997 г. [Ley Nacional de la actividad nuclear 1997].

[1] Договор Тлателолко – многосторонний международный акт о создании безъядерной зоны на территории Латинской Америки и Карибского бассейна.

В настоящее время реализуется принятый в 2006 г. новый «Ядерный план», который в числе приоритетных задач поставил завершение производства прототипа первого аргентинского реактора – Carem 25, а также развитие добычи и обогащения урана. На предприятии «Nucleoeléctrica Argentina» (NA-SA – Nucleoeléctrica Argentina Sociedad Anónima) в пригороде Буэнос-Айреса 5200 человек работали на строительстве АЭС «Атуча II» мощностью 700 МгВ, которая была введена в эксплуатацию в первой половине 2011 г., а «Атуча III» планировалась на 2016 г. Первая в Латинской Америке АЭС «Атуча I» была построена в рекордно короткие сроки еще в 1974 г.

Одновременно проведенная в начале 80-х годов реконструкция АЭС «Central de Embalse» в г. Кордова продлила ее эксплуатации еще на 30 лет. Следует отметить, что эта АЭС использует в своей работе технологию «канду», которая побила мировые рекорды по эффективности производства электроэнергии с коэффициентом выше 85%: более 85% годового времени АЭС «Central de Embalse» при относительно низких затратах производит электроэнергию. По свидетельству представителей ядерной отрасли, речь идет о АЭС мощностью 1 500 МВт на основе технологии «канду» с использованием тяжелой воды и естественного урана. На той же АЭС налажено производство радиоизотопа «кобальт 60», используемого в сфере медицины и промышленности. По объему этого производства Аргентина вышла на четвертое место в мире.

Важно отметить разработку в Аргентине исключительно национального проекта малой мощности «Карем» (Carem), который был впервые представлен еще 35 лет тому назад на южноамериканском конгрессе по ядерной энергии в Перу и представлял собой наземную, упрощенную, но более совершенную версию атомного двигателя экспериментального немецкого судна «Отто Хан» мощностью 38 МВт. Этот национальный проект был «опущен на землю» и усовершенствован Национальной комиссией по атомной энергии (CNEA), а получил практическое применение в Государственной фирме прикладных исследований INVAP (Empresa estatal de Investigaciones Aplicadas), которая была создана исключительно в целях экспорта оборудования АЭС, а в этом проекте предусматривала прежде всего такие практические направления использования как обессоливание воды в прибрежных пустынях, обеспечение электроэнергией отдаленных горнорудных

предприятий, установка систем освещения на перенаселенных островах, как например в Индонезии.

Важно отметить и целый ряд препятствий на пути экспорта этой национальной технологии. Во-первых, Аргентина, занимающая восьмое место в мире по площади своей территории, имела в начале 1980-х отсталую и прерывистую электросеть, нуждавшуюся именно в таких АЭС. Во-вторых, экспорт технологий базируется на их успешном применении. В-третьих, в те времена среди экспертов господствовало убеждение, что себестоимость атомной электроэнергии была в обратной зависимости от мощности АЭС, которая должна была быть не менее 1 тыс. МВт. Специалисты аргентинской фирмы «ENACE», созданной совместно с немецкой компанией «Siemens», считали, что минимальная мощность составляла 350 МВт и, в связи с резким сокращением государственных капиталовложений в атомную энергетику, отложили в архив проект мини-АЭС «CAREM» мощностью 25 МВт, по выражению аргентинского аналитика Даниэля Ариаса, в «ящик забавных глупостей» [Arias 2019].

Федеральные ведомства США – департамент энергии и госдепартамент, с одной стороны, считали, что «CAREM» не должен был введен в действие никогда, тем более в Аргентине, а с другой – дискретно искали фирмы, которые смогли бы скопировать этот проект. В результате в США ведущая строительная компания в сотрудничестве с 70 фирмами начала реализацию проекта «SuperCAREM» с 12 модулями каждый мощностью 60 МВт.

Только в 1999 г., при сильнейшей оппозиции сторонников либеральной экономической и энергетической модели, законодательная власть одобрила, а исполнительная власть Аргентины приняла закон 25.160, по которому были выделены фонды (132 млн долл. США) на строительство «CAREM». Тем не менее в силу сопротивления правящей администрации страны, до 2006 г. проект «CAREM» переживал период начального развития, когда многие аргентинские специалисты-атомщики вынуждены были искать работу за границей.

В период 1998–2002 гг., благодаря подписанию договора о сотрудничестве между INVAP и Комиссией атомной энергии Турции (TAEK) и единогласной поддержке в турецком парламенте, была создана двухсторонняя компания для изготовления двух прототипов совместного проекта – в Аргентине и Турции, которые так и не были реализованы,

прежде всего из-за нежелания тогдашнего министра иностранных дел Аргентины Гидо Ди Телла (Guido Di Tella).

Пока этот национальный проект дорабатывался очень медленно (мощность повысилась с 25 МВт до 32), в Северной Америке уже реализовывались 19 конкурентных проектов. Начиная только с 2011 г. «CAREM» вернулся к активной реализации и должен был быть завершен в 2017 г., но из-за постоянных сокращений бюджета и организационных реформ снова был остановлен: строительство перешло от государственного предприятия NA-SA к частной фирме «Techint». В результате были дезактивированы два важнейших для независимости атомной энергетики страны центра: PIAP (Planta Industrial de Agua Pesada – Промышленное предприятие тяжелой воды) в Аройито (провинция Нэукен) и Центр обогащения урана в Пильканейеу (провинция Рио Негро).

Как отмечал аргентинский эксперт Даниэль Ариас, «это были два выстрела: один в сердце, другой – в голову», так как закрытие PIAP лишало поставок естественного урана атомных электростанций «Канду» (Canadian Uranium Deuterium), которые могли быть построены для использования на внутреннем рынке и по отечественной технологии. В 2018 г. новый министр энергетики Арангурен, назначенный президентом Маурисио Макри, уволил 250 сотрудников НАСА и закрыл строительство «Атуча III».

Предпринятые правоцентристской администрацией Аргентины сокращения госбюджета в целом и расходов в атомной энергетике, в частности, были вызваны экономическим кризисом и поднявшейся до 50% инфляцией. Несмотря на это именно введение в эксплуатацию новой «Канду» при сотрудничестве с сотней аргентинских предприятий работа АЭС «Эмбалсе» (г. Кордова) была продлена на 30 лет, а ее мощность увеличилась на 6%, повысив долю атомной энергетики в стране до 4,8% [El «arma secreta» de la Argentina para multiplicar sus dólares se llama CANDÚ 2019].

В этот проект было затрачено 2 млрд 140 млн долл. США, а его мощность предоставит электроэнергию 3 млн жителей Аргентины. Эта технология успешно используется в Онтарии (Канада), Новом Дели (Индия), Сеуле (Корейская Республика) и Пекине (КНР), причем Китай уже разрабатывает на ее основе свою собственную SMR-

АСР 100, которая будет введена в эксплуатацию в городе Чжаньчжоу (провинция Хайнань).

Особое внимание политического руководства США и в целом стран Запада привлекало сотрудничество Аргентины в области ядерной энергетики с Ираном с середины 1980-х гг. после Исламской революции и установления власти аятолла Хомейни. Однако, согласно данным аргентинского специалиста Дарио Хинчука (Dario Jinchuk)[11], еще в 1973 г. Иран при шахе Реза Пехлеви планировал создание Организации атомной энергии и пригласил на работу в этой области семь экспертов из Аргентины, уволенных с CNEA правительством президента-националиста Хуана Доминго Перона. Эти специалисты участвовали в развитии атомной энергетики Ирана при содействии и контроле США. После исламской революции 1979 г. Аргентина оказалась единственной страной Южной Америки, имевшей соглашение о сотрудничестве с Ираном в области ядерной энергетики.

Первым официальным контактом, несмотря на иранско-иракскую войну (1980–1988), был визит в Аргентину в 1985 г. делегации иранской Организации атомной энергии (ОАЭИ). В конце 1980-х годов Буэнос-Айрес и Тегеран подписали три соглашения по иранской ядерной программе. Однако, несмотря на то что обе иранские АЭС немецкого производства – Бушер 1 и 2 – были разрушены в ходе войны, аргентинская государственная компания INVAP, специализирующаяся на строительстве атомных электростанций, заказ от Ирана не получила. Первое соглашение касалось строительства экспериментальной установки по очистке и конверсии урана на сумму 10 млн долл. США, второе – на строительство завода топливных элементов для исследовательского реактора.

По инициативе МАГАТЭ, которая уже работала над ограничением возможной угрозы иранской ядерной программы, Аргентина и Иран в ходе переговоров подписали и третье соглашение по «Бушеру» (на сумму 5 млн дол США).

В результате Аргентина в 1987 г. перестроила учебный реактор Тегеранского университета, поставленный, кстати, США еще

[1] Дарио Хинчук работал в Национальной комиссии атомной энергии Аргентины (CNEA) до 2007 г., а впоследствии до 2017 г. был частным консультантом МАГАТЭ (Вена, Австрия).

до исламской революции, снизив используемый обогащенный уран с 90% до 20%. Чуть позже аргентинское правительство президента Карлоса Менема (1989–1999), чей министр иностранных дел назвал отношения с США «кровными», все ядерные договора с Ираном аннулировало. В 1991 г. на «волне ядерного сотрудничества» с Тегераном уже была готова отгрузка партии материалов для АЭС, которую отменил МИД Аргентины в связи обострением обстановки на Ближнем Востоке. Тогда Иран востребовал миллионную компенсацию от Буэнос-Айреса, разорвавшего коммерческие соглашения в одностороннем порядке. Только спустя несколько лет, в 1996 г., Аргентина все-таки выплатила компенсацию в размере 5 млн долл. США, а АЭС «Бушер», несмотря на намерения Буэнос-Айреса на ее восстановление, была снова пущена в эксплуатацию в 2010 г. при содействии России.

Сотрудничество России и Аргентины в области «мирного атома»

Важно отметить, что в конце 2018 г., на полях саммита G20 в Буэнос-Айресе, было подписано соглашение о российско-аргентинском партнерстве в области мирного использования атомной энергии, согласно которому Россия и Аргентина договорились реализовывать проекты по мирному атому в третьих странах.

В присутствии президента России Владимира Путина и аргентинского лидера Маурисио Макри с российской стороны документ подписал генеральный директор госкорпорации «Росатом» Алексей Лихачев, с аргентинской стороны – секретарь по энергетике Министерства государственной казны Аргентины Хавьер Игуасель.

Как отмечалось в сообщении «Росатома», среди основных направлений взаимодействия, предусмотренного документом, – проработка моделей реализации проектов сооружения АЭС большой и малой мощности на территории Аргентины, сооружение исследовательских центров и подготовку для них кадрового потенциала. Стороны также договорились рассмотреть возможность совместной эксплуатации плавучих АЭС на базе российского дизайна с учетом завершения строительства первой российской плавучей АЭС «Академик Ломоносов».

Одновременно со стратегическим документом была подписана «дорожная карта» сотрудничества по реализации конкретных рос-

сийско-аргентинских проектов в области использования атомной энергии в мирных целях. «Подписанный документ позволит расширить существующее сотрудничество с аргентинскими партнерами. Мы в госкорпорации «Росатом» абсолютно уверены, что этот шаг придаст новый импульс нашему взаимовыгодному сотрудничеству в области применения ядерных технологий в мирных целях», – заявил на церемонии подписания Алексей Лихачев [Россия и Аргентина договорились о партнерстве в использовании мирного атома 2018].

В заключение закономерно отметить основные выводы анализа истории и современного состояния национальной атомной программы Аргентины, а также ее тесной взаимосвязи с мировой политикой.

На южноамериканском континенте Аргентина занимает ведущее место в ядерной энергетике, владеет рядом собственных атомных проектов и разработок и является реальной основой для активного сотрудничества со странами других регионов, в значительной мере и с Россией, а меняющиеся внутриполитические условия не устраняют национальный интерес страны в развитии собственного «мирного атома».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аргуэльо И. Ядерная энергетика в Латинской Америке: между экономическим развитием и рисками распространения // Индекс безопасности. 2010. № 4 (95), Т. 16. URL : pircenter.org/media/content/files/0/13406970320.pdf (дата обращения: 20.04.2019).

Внешняя политика стран Латинской Америки после второй мировой войны / ред. Б. И. Гвоздарев. М. : Наука, 1975. 540 с.

Россия и Аргентина договорились о партнерстве в использовании мирного атома // Агентство «РИА-Новости». 02.12.2018. URL : ria.ru/20181202/1536973760.html?in=t (дата обращения: 12.02.2018).

Arias D. E. CAREM: un reactor pequeño, clave del Programa Nuclear Argentino – 2° parte. URL : agendarweb.com.ar/2019/05/24/carem-un-reactor-pequeno-clave-del-programa-nuclear-argentino-2-parte (дата обращения: 20.06.2019).

El “arma secreta” de la Argentina para multiplicar sus dólares se llama CANDÚ. 09 de Enero 2019. URL : www.infotechnology.com/labs/El-arma-secreta-de-la-Argentina-para-multiplicar-sus-dolares-se-llama-CANDU-20190109-0005.html (дата обращения: 19.04.2019).

Ley Nacional de la actividad nuclear. Ley N° 24.804. Sancionada: Abril 2 de 1997. URL : servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/40000-44999/42924/norma.htm (дата обращения: 04. 01. 2019).

REFERENCES

Argujel'o I. Jadernaja jenergetika v Latinskoj Amerike: mezhdu jekonomicheskim razvitiem i riskami rasprostranenija // Indeks bezopasnosti. 2010. № 4 (95), T. 16. URL : pircenter.org/media/content/files/0/13406970320.pdf (data obrashhenija: 20.04.2019).

Vneshnjaja politika stran Latinskoj Ameriki posle vtoroj mirovoj vojny / red. B. I. Gvozdarev. M. : Nauka, 1975. 540 s.

Rossija i Argentina dogovorilis' o partnerstve v ispol'zovanii mirnogo atoma // Agentstvo «RIA-Novosti». 02.12.2018. URL : ria.ru/20181202/1536973760.html?in=t (data obrashhenija: 12.02.2018).

Arias D. E. CAREM: un reactor pequeño, clave del Programa Nuclear Argentino – 2° parte. URL : agendarweb.com.ar/2019/05/24/carem-un-reactor-pequeno-clave-del-programa-nuclear-argentino-2-parte (data obrashhenija: 20.06.2019).

El “arma secreta” de la Argentina para multiplicar sus dólares se llama CANDÚ. 09 de Enero 2019. URL : www.infotechnology.com/labs/El-arma-secreta-de-la-Argentina-para-multiplicar-sus-dolares-se-llama-CANDU-20190109-0005.html (data obrashhenija: 19.04.2019).

Ley Nacional de la actividad nuclear. Ley N° 24.804. Sancionada: Abril 2 de 1997. URL : servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/40000-44999/42924/norma.htm (data obrashhenija: 04. 01. 2019).

УДК 327

Г. В. Торопчин

кандидат исторических наук; доцент кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета, кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления; e-mail: glebtoropchin@mail.ru

ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПОВЕСТКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

В настоящей работе представлен обзор деятельности региональных организаций Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере ядерного нераспространения и разоружения. В статье характеризуется работа в области ядерной безопасности региональных организаций под эгидой ООН, в том числе вопросы сотрудничества в области мирного атома в рамках МАГАТЭ. Анализируется отношение к ядерной проблематике крупнейших интеграционных блоков АТР, площадок для диалога и международных гражданских объединений.

Ключевые слова: ядерное нераспространение; международные организации; региональная безопасность; Азиатско-Тихоокеанский регион.

G. V. Toropchin

PhD (History), Associate Professor at the Foreign Languages Department (Engineering Programmes), Novosibirsk State Technical University; e-mail: glebtoropchin@mail.ru

NUCLEAR AGENDA OF THE INTERNATIONAL ORGANISATIONS IN THE ASIA-PACIFIC REGION

The given article features a review of the activities of regional organisations in the Asia-Pacific region in the field of nuclear nonproliferation and disarmament. The article scrutinises cooperation in the area of nuclear security within regional organisations under the auspices of the UN, not excepting collaboration for peaceful use of nuclear energy within IAEA. Positions of major integration blocs in Asia Pacific, fora and international civil groups regarding nuclear issues are analysed as well.

Key words: nuclear nonproliferation; international organisations; regional security; Asia-Pacific region.

Введение

Вопросы, связанные с нераспространением ядерного оружия, имеют большое значение для обеспечения безопасности любого региона

CC BY

мира, включая Азиатско-Тихоокеанский регион. Именно для этой части ойкумены, по свидетельству бывшего главы МИД РФ, председателя РСМД И. С. Иванова, характерна особая важность проблем, связанных с ядерной безопасностью [Иванов 2004].

Исследовательской задачей, решению которой посвящена настоящая работа, является выделение роли и значимости ядерной проблематики в повестке дня международных организаций Азиатско-Тихоокеанского региона, сравнение предлагаемых путей разрешения соответствующих вопросов. Что касается методологии исследования, кроме общенаучных методов, в статье используется компаративный анализ, а также элементы количественного контент-анализа документов организаций для поиска упоминаний ядерной тематики.

Можно выделить ряд причин, обусловливающих актуальность темы исследования. Во-первых, растущий спрос на электроэнергию на фоне стремительного экономического развития побуждает страны региона обращаться к атомной энергетике. В ряде государств АТР (в первую очередь имеются в виду КНР, Япония, Республика Корея) уже введены в промышленную эксплуатацию АЭС, при этом едва ли не половина всех атомных реакторов в мире, находящихся в стадии сооружения, строится именно в АТР (*pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/UnderConstructionReactorsByRegion.aspx*). Во-вторых, серьезным вызовом региональной стабильности является активизация Северной Кореей ядерной и ракетной программ, выражающаяся в многочисленных ракетных пусках (только за 2016 г. КНДР испытала 26 баллистических ракет) и регулярном проведении ядерных и, очевидно, термоядерных взрывов (два из которых состоялись в 2016 г. и один в 2017 г.) Также на региональную безопасность оказывает влияние наличие ядерного оружия у государств, не присоединившихся к Договору о нераспространении ядерного оружия, – Индии и Пакистана, что грозит нарушить хрупкий баланс стабильности в Южной Азии. Кроме того, на расклад сил в АТР влияет присутствие и официальных ядерных держав, а именно США, РФ и КНР. Продолжающийся двусторонний процесс разоружения РФ и США не исключает модернизации ядерных боеголовок и средств доставки обеих стран, не говоря уже о Китае, который наращивает свои ядерные арсеналы. В-третьих, пересмотр приоритетов американской политики администрацией Д. Трампа [Townshend 2017] вновь выводит на первый план вопрос о позитивных гарантиях

безопасности, предоставляемых США ряду стран региона. Прежде всего, речь идет о Японии и Южной Корее: в обеих странах в последнее время в рамках общественно-политических дискуссий ставится вопрос о целесообразности обретения ядерного оружия. В-четвертых, не следует забывать об исторической составляющей: на протяжении XX в. регион стал плацдармом для проведения ядерных испытаний рядом стран: США (например, Маршалловы острова), Великобританией (в частности, Западная Австралия), Францией (Французская Полинезия). Движение за мир в Азиатско-Тихоокеанском регионе было исторически связано именно с антиядерным движением. В-пятых, регион охватывает ряд ЗСЯО (зон, свободных от ядерного оружия), среди которых ЗСЯО в южной части Тихого океана по Договору Раротонга 1985 г., ЗСЯО в Юго-Восточной Азии по Бангкокскому договору 1995 г., а также, отчасти, ЗСЯО в Латинской Америке и Карибском бассейне по Договору Тлателолко 1967 г. Наличие этих зон потребовало особого организационно-правового оформления, потому региональные организации взяли на себя ответственность за контроль над процессом имплементации договоров, учреждающих ЗСЯО.

В АТР насчитывается несколько десятков разнообразных международных организаций, и ядерная проблематика находится в центре внимания многих из них. Более того, в научной литературе многообразие инициатив в регионе метафорически описывается как «тарелка спагетти» [Стапран 2015]. Для Азиатско-Тихоокеанского региона характерна определенная (пусть и не столь заметная, как в случае с Европой) степень институционализации в сфере безопасности, что выражается во включении ядерной проблематики многочисленными региональными организациями различного толка в их повестку. Это относится как к международным организациям и интеграционным блокам, так и к площадкам для межгосударственного сотрудничества в рамках гражданского общества. Благодаря созданию специальных институтов и расширению сферы деятельности существующих вырабатываются международно-правовые нормы, что особенно важно для становления регионального режима ядерного нераспространения.

Обзор литературы

К сожалению, приходится констатировать, что в отечественной научной литературе проблема представлена лишь фрагментарно

и спорадически. Отдельные исследователи обращались к изучению ядерной проблематики в повестке дня организаций АТР, однако для большинства из них эта задача не представлялась первостепенной.

В целом, рассмотрение темы шло в рамках анализа роли компонента, связанного с безопасностью, в работе различных организаций региона. О. В. Лебедева отмечает, что становление Регионального форума АСЕАН происходило на фоне ядерных испытаний, проведенных КНР в 1995 г., против которых выступала, в частности, Япония [Лебедева 2013]. Ядерную проблематику в повестке АСЕАН отчасти рассматривала М. С. Зеленкова (Российский институт стратегических исследований), пришедшая к выводу о значительной роли США во включении ядерной программы Северной Кореи в фокус организации [Зеленкова 2017]. Проблематика безопасности в АТЭС изучалась Я. А. Фроловой [Фролова 2009], в работе которой северокорейская ядерная программа называется одним из региональных вызовов, с которым пытается справляться форум.

В зарубежных публикациях тема изучена несколько лучше. Так, можно выделить работы К. Бейкера и Д. Санторо, аналитиков исследовательской организации «Тихоокеанский форум» со штаб-квартирой в Гонолулу (США). В своих работах они рассматривают совокупность региональных организаций в ядерной сфере как важнейшую часть системы ядерного регулирования в АТР. Данная система состоит из физической ядерной безопасности, радиационной безопасности и ядерных гарантий. Исследователи отмечают, что с возрастанием актуальности проблем ядерной безопасности (связанной не только с нераспространением, но и с мирным атомом) государства всё активнее кооперируются при обсуждении ядерной тематики в различных региональных организациях [Baker, Santoro, 2014].

Многие представители Фонда Карнеги за международный мир в отделениях его в разных странах так или иначе затрагивали ядерную тематику на повестке дня региональных организаций в регионе. Так, Р. Фут отмечала интерес АРФ к обсуждению нераспространения ядерного оружия, в то же время оговаривая, что конкретные меры по сдерживанию северокорейской ракетно-ядерной программы не обсуждались [Foot 2011]. Автор связывала это с особенностями механизма принятия решений в рамках Форума, который затрудняет решение заявленной изначально задачи по разработке способов разрешения конфликтов.

Ш. Сквассони из Центра стратегических и международных исследований, исследуя ядерное регулирование в регионе [Squassoni 2017], пришел к выводу, что именно АРФ может стать площадкой для сотрудничества в области ядерного нераспространения и разоружения, по меньшей мере, на уровне дискуссий. Известный специалист по ядерной проблематике в рамках АТР Р. Такур отмечал относительное единодушие АСЕАН, в частности, по вопросу о подписании ДЗЯО: девять из десяти членов высказались за подписание этого документа [Thakur 2017].

Таким образом, говоря о степени исследованности темы в литературе, следует признать, что внимание российских и зарубежных авторов было в основном рассеяно между различными организациями, при этом наибольшей изученностью характеризуются АСЕАН и его Региональный форум.

Международные организации под эгидой ООН

В первую очередь представляется необходимым рассмотреть деятельность организаций, действующих под эгидой ООН. Профильным с точки зрения ядерного нераспространения органом в АТР является Региональный центр Организации Объединенных Наций по вопросам мира и разоружения в Азиатско-Тихоокеанском регионе (*англ.* United Nations Regional Centre for Peace and Disarmament in Asia and the Pacific, UNRCPD). Он был основан в 1987 г. Генеральной Ассамблеей ООН как Региональный центр Организации Объединенных Наций по вопросам мира и разоружения в Азии, а современное название носит с 1989 г. Штаб-квартира организации расположена в столице Непала Катманду, однако с мая 2015 г. по февраль 2017 г. в связи с землетрясениями в регионе она была временно перенесена в Бангкок (Таиланд). Мандат UNRCPD охватывает 43 государства. В документах ООН работа Регионального центра обозначается как «катмандуский процесс». Первый комитет ГА ООН регулярно готовит резолюции, посвященные работе организации.

В сферу деятельности данной площадки входит координация политик стран региона в отношении распространения ядерного оружия, организация международных конференций и семинаров по тематике в странах региона (местом их проведения являются в первую очередь Япония и Республика Корея). Данную функцию орган выполняет на

протяжении нескольких десятилетий. В 2001 г. Региональная конференция ООН по разоружению в Азиатско-Тихоокеанском регионе прошла в столице Новой Зеландии Веллингтоне, и одной из обсуждаемых идей была концепция безъядерного Южного полушария [Ayson 2001]. UNRCPD является одним из организаторов Конференций ООН по проблемам разоружения, ежегодно проводимых в Японии. Кроме того, Центр оказывает консультационную помощь и для других регионов, например, при учреждении зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии [ООН 2010]. Орган координировал составление общих заявлений (в виде рабочих документов) от стран региона в преддверии последней на данный момент Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. (*unrcpd.org/wmd/the-nuclear-non-proliferation-treaty/*).

Организацией ООН, ответственной за мирное применение атомной энергии в глобальном масштабе, является МАГАТЭ. В рамках МАГАТЭ в 1972 г. было заключено межправительственное Региональное соглашение по сотрудничеству в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок и подготовки в области ядерной физики и энергетики в Азиатско-Тихоокеанском регионе (*www.iaea.org/about/partnerships/regional/cooperative-agreements/regional-cooperative-agreement-for-research-development-and-training-related-to-nuclear-science-and-technology-for-asia-and-the-pacific-rca*). На настоящий момент соглашение включает 21 государство, в его рамках проводится ряд международных проектов в различных отраслях (от ядерной медицины до сельского хозяйства).

В рамках МАГАТЭ действует Отдел технического сотрудничества, одним из структурных подразделений которого является Отделение Азиатско-Тихоокеанского региона. Среди сфер его ответственности выделяются развитие, управление, мониторинг и пересмотр программы технического сотрудничества МАГАТЭ в странах Азии и Океании. Интересно отметить, что в рамках МАГАТЭ обсуждаются и вопросы, напрямую не касающиеся ядерного нераспространения, но в то же время весьма актуальные для стран региона, в основном, связанные с устойчивым развитием (например, изменение климата в АТР) (*www.iaea.org/sites/default/files/gc61_handbook_ru.pdf*). Таким образом, взаимодействие в рамках этого органа оказывается полезным для государств региона не только и не столько с точки зрения ядерного нераспространения и ядерной безопасности, но и в плане иных отраслей.

АТЭС

Несмотря на то, что изначально форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, объединяющий ныне 21 экономику АТР, задумывался в первую очередь как площадка для укрепления экономического сотрудничества в регионе, в XXI в. вопросы безопасности всё чаще включаются в повестку дня его саммитов [Фролова 2009]. Ядерная проблематика не является исключением.

В документы форума регулярно включаются призывы отказаться от ядерных вооружений, обращенные к Северной Корее. Еще в октябре 2002 г., до начала процедуры выхода КНДР из ДНЯО, главы государств АТЭС выступили с совместным заявлением, в котором подчеркнули, что успешное экономическое сотрудничество с Северной Кореей зависит от денуклеаризации Корейского полуострова (*www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2002/2002_aelm/apec_leaders_statement*). После проведения КНДР первого ядерного испытания в 2006 г. лидеры стран АТЭС выступили с вербальной нотой для выражения обеспокоенности ситуацией на полуострове и побуждения КНДР к скорейшему началу переговорного процесса по проблеме [Associated Press 2006].

Такой столп международного ядерного режима, как мирное использование ядерной энергии, также не остается без внимания членов форума. В рамках АТЭС (как и ряда других организаций) разрабатываются рекомендации по налаживанию внутрирегионального сотрудничества по ядерной энергетике [Baker, Santoro 2014]. В частности, этой проблематикой занимается рабочая группа по энергетике, работающая еще с 1990-х гг. Практическое сотрудничество проходит в рамках обмена опытом, при этом семинары проводятся представителями стран с развитой ядерной инфраструктурой (в частности, Республика Корея). Совместное заявление, увенчавшее встречу министров энергетики участников АТЭС 24 июля 2012 г. (Санкт-Петербург, Россия), содержало выражение приверженности ядерной энергетике, несмотря на события марта 2011 г. на АЭС «Фукусима-1» (*www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Energy/2012_energy.aspx*). Мирная атомная энергетика рассматривалась в контексте диверсификации энергетических источников. Отдельно отмечалось сотрудничество экономик региона с МАГАТЭ в рамках Плана действий по ядерной безопасности.

В совместном заявлении по итогам встречи министров энергетики экономик АТЭС 13 октября 2015 г. (Себу, Филиппины) мирный атом назывался уже в числе источников энергии, способствующих переходу к низкоуглеродной экономике (*www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Energy/2015_energy.aspx*). Атомная энергетика в документе позиционировалась как средство обеспечения глобальной энергетической безопасности. В то же время именно к ядерной энергетике относилась оговорка «для заинтересованных участвующих экономик».

Наконец, на последнем на момент написания работы саммите, состоявшемся в Порт-Морсби, Папуа – Новая Гвинея, также была подчеркнута приверженность ядерной энергетике, при соблюдении норм ядерной безопасности (в том числе физической) (*www.apec.org/Meeting-Papers/Annual-Ministerial-Meetings/2018/2018_amm*).

Отсутствие устава и иных подобных учредительных документов не мешает проанализировать место и роль ядерной проблематики в работе организации за счет контент-анализа итоговых деклараций организации. За последние 10 лет упоминания ядерной энергетики в этих документах относятся лишь к 2010 г. (Иокогама, Япония) (*www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2010/2010_aelm*) и 2015 г. (Манила, Филиппины) (*www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2015/2015_aelm*), причем оба раза контекст был связан с низкоуглеродной экономикой и необходимостью улучшения экологической ситуации. При этом годы принятия этих документов совпадают с годами проведения Обзорных конференций по ДНЯО.

Таким образом, в документах АТЭС представлены различные аспекты, имеющие отношение к ядерному фактору, от нераспространения и безопасности до мирного атома. Общий характер формулировок может отражать компромисс в отношении ядерной проблематики, достигнутый столь разнообразными игроками в рамках форума.

АСЕАН

Многопрофильный характер АСЕАН обусловил широкое внимание организации в том числе и к ядерной тематике. Во многом благодаря работе этой организации в 1995 г. странами – членами организации был подписан Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (или Бангкокский договор), вступивший

в силу в 1997 г., после ратификации девятью государствами. На настоящий момент все страны организации подписали и ратифицировали указанный документ (последней из таковых являются Филиппины, ратифицировавшие Договор в 2001 г.) В принятом в 2007 г. Уставе АСЕАН (в частности, в Приложении 1) среди действующих органов выделяется Комиссия по Зоне, свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии (*www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/11.-October-2015-The-ASEAN-Charter-18th-Reprint-Amended-updated-on-05_-April-2016-IJP.pdf*). Среди первоочередных задач, общих для стран АСЕАН на современном этапе, можно назвать обеспечение подписания и ратификации официальными ядерными государствами протоколов к Договору [Tong Zhao 2017].

Как и в случае с АТЭС, основными двумя аспектами ядерной проблематики являются нераспространение и безопасность, с одной стороны, и мирный атом, с другой. Тем не менее в отдельных документах затрагивались оба аспекта в их переплетении. В 2007 г. на Саммите АСЕАН было принято заявление, согласно которому государства – члены организации должны были поручить ответственным лицам обратить внимание на региональный режим ядерной безопасности, а в 2011 г. на встрече глав министерств энергетики стран АСЕАН была вновь подчеркнута необходимость поддержания высоких стандартов ядерной безопасности, в том числе физической [Baker, Santoro 2013].

В 2012 г. была учреждена Сеть надзорных ведомств в области атомной энергии стран АСЕАН (*англ.* ASEANTOM, ASEAN Network of Regulatory Bodies on Atomic Energy), представляющая собой площадку для обмена информацией и выработки мер по обеспечению физической ядерной безопасности (в том числе физической) и гарантий в сфере ядерного нераспространения. Кроме того, сфера деятельности ASEANTOM могла бы быть расширена до ядерной криминалистики [Baker, Santoro 2013]. Центром энергетики АСЕАН проводились совместные проекты по обмену знаниями и опытом, в частности, с Китаем и Канадой.

В 2017 г. под эгидой Центра энергетики АСЕАН было проведено исследование возможностей строительства собственной АЭС в регионе. Согласно выводам, такое может произойти к 2030 г. [Putra, Andrews-Speed 2018]. Тем не менее этому могут воспрепятствовать несколько важных пунктов (вопросы экономической целесообразности

и экологической устойчивости). Особую актуальность теме мирного атома в российских условиях придает факт стремления РФ (а именно ГК «Росатом») заинтересовать отдельные страны АСЕАН своими достижениями в области атомной энергетики.

Что касается военного компонента ядерного фактора, АСЕАН зачастую может выступать в роли медиатора. Так, в 2017 г. КНДР обращалась к АСЕАН с просьбой повлиять на США и предотвратить «ядерный холокост» в регионе [RT 2017].

С точки зрения д-ра Р. Такура, общность позиций стран объясняет единодушие, проявленное ими при голосовании за проект Договора о запрещении ядерного оружия 7 июля 2017 г. [Thakur 2017]. Тем не менее исключениями при этом стали Австралия, Южная Корея, Япония, а также ядерные державы региона. Все эти государства не участвовали в процедуре голосования. Единственной страной, воздержавшейся при этом, стал Сингапур, остальные члены АСЕАН договор поддержали.

Таким образом, ядерная проблематика рассматривается в документах АСЕАН более подробно, нежели в рамках АТЭС. Это может быть связано как с более давними традициями организации, так и с более узкой субрегиональной специализацией АСЕАН, несмотря на широкий круг рассматриваемых вопросов.

Региональный форум АСЕАН по вопросам безопасности

Ядерная проблематика в различных ее проявлениях оказывается затронутой и в расширенном формате АСЕАН. К основным целям деятельности Регионального форума АСЕАН, образованного в 1994 г., помимо прочих, относятся обеспечение координации политических стратегий стран-участниц в таких областях, как нераспространение ядерного оружия и контроль над вооружениями (Faust 2002). Региональный форум разработал собственный Рабочий план по нераспространению и разоружению в 2016 г. (*aseanregionalforum.asean.org/files/library/PlanofActionandWorkPlans/ARFWorkPlanonNonProliferationandDisarmament(2016).pdf*)

Члены АРФ пытаются использовать форум в качестве площадки для переговоров по северокорейской ядерной программе, в том числе и в шестистороннем формате [Wai Yee Lin, Yamao 2012]. Еще в 2006 г. в качестве решения северокорейской проблемы в рамках

АРФ предлагалось обсуждение создания безъядерной зоны на территории Корейского полуострова [ООН 2010]. Тем не менее имеются ограничения эффективности, связанные с консенсусным принципом принятия решений: несмотря на заявления в связи с ядерными испытаниями КНДР, в рамках АРФ не проводится широких дискуссий о разрешении проблемы денуклеаризации Корейского полуострова. Как отмечает Р. Фут (Фонд Карнеги), это непосредственно связано с участием самой КНДР в Региональном форуме АСЕАН [Foot 2011]. С точки зрения М. С. Зеленковой (РИСИ), включение северокорейской ядерной проблематики в повестку дня АСЕАН и АРФ происходит при активном содействии со стороны США, однако не без учета мнения Пекина [Зеленкова 2017].

В рамках АРФ проводятся различные мероприятия по ядерной проблематике, от экспертных заседаний до совещаний дипломатов, при этом инициаторами становятся в первую очередь сами страны АСЕАН [ООН 2016].

Помимо Регионального форума, АСЕАН расширяет рамки сотрудничества стран региона с глобальными организациями в сфере нераспространения: в 2017 г. был поставлен вопрос о расширении сферы деятельности Международного партнерства в области проверки ядерного разоружения (*англ.* International Partnership for Nuclear. Disarmament Verification, IPNDV) до Азиатско-Тихоокеанского региона [Squassoni 2017]. Таким образом, подобный принцип, схожий с форматом «outreach», позволяет рассматривать ядерную проблематику в более широком контексте.

Иные форматы

Саммит стран Восточной Азии. Учрежденный в декабре 2005 г., ежегодный саммит стран Восточной Азии также уделяет внимание вопросам безопасности. Расширение формата за счет приглашения лидеров РФ и США позволило поставить региональную повестку в глобальный контекст. США рассматривают ВАС в качестве площадки для обсуждения важнейших проблем региональной стабильности, в том числе и тематики, связанной с ядерным нераспространением. Что касается ядерного фактора, в документах саммита чаще всего упоминается северокорейская ядерная программа. В частности, в сентябре 2016 г., в ходе саммита во Вьентьяне, было принято Заявление по

нераспространению ядерного оружия [РИА Новости 2016], в котором подчеркивалась важность поддержания трех «столпов» режима нераспространения на локальном, региональном и глобальном уровнях. В ноябре 2018 г. в ходе саммита стран Восточной Азии в Сингапуре лидеры государств подписали Заявление по надежному и безопасному использованию, хранению и транспортировке ядерных и других радиоактивных материалов (*static.kremlin.ru/media/events/files/en/mGtgTWcABQdBVSEcQi57ydqDWlCdNAZZ.pdf*), в котором перечислялись практические меры по сотрудничеству в указанной области (в том числе для обеспечения физической ядерной безопасности, а также недопущения попадания ЯО в руки негосударственных игроков).

Форум Тихоокеанских островов. Одной из важных предпосылок для создания организации в 1971 г. стала антиядерная направленность Австралии, Новой Зеландии и ряда островных государств Океании на фоне интенсивного проведения Францией ядерных испытаний в регионе в 1960–1970-е гг. Эта особенность отражается на работе организации и в современности. Одним из важнейших достижений Форума (тогда еще носившего название Южно-Тихоокеанского) стали выработка и подписание 16 сентября 1995 г. Конвенции Вайгани, регулирующей перевозки ядерных и других радиоактивных отходов [Крылов 2017]. В 2013 г., в ходе очередной встречи главы государств Форума приняли коммюнике, в котором содержалось заявление о необходимости подписания и ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний всеми государствами [ООН 2016]. Уже в 2017–2018 гг. главы государств отмечали в коммюнике подписание ДЗЯО рядом государств (Палау, Вануату, Островами Кука), однако осторожно рекомендовав остальным странам оставить вопрос о присоединении к Договору на свое усмотрение (*foreignminister.gov.au/releases/Pages/2018/mp_mr_180906a.aspx*).

Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум. В документах ежегодных заседаний этой международной организации, основанной в 1993 г., также упоминается ядерная проблематика как в глобальном, так и в региональном масштабе. Еще в 1996 г., на ежегодной сессии в Ча-Аме (Таиланд), на фоне бессрочного продления ДНЯО и подготовки к подписанию ДВЗЯИ была принята резолюция «Об испытаниях ядерного оружия», в которой содержался призыв ко всем странам не проводить испытаний ЯО (*www.appf.org.pe/meeting/four/res001.*

htm). На XV сессии АТПФ (Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума), прошедшей в Москве в марте 2007 г., была высказана идея о необходимости укрепления режима нераспространения ядерного оружия [Миронов 2007], в частности, как можно более скорого вступления в силу Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. Во многом эти заявления были связаны с развитием северокорейской ядерной программы (по которой на Форуме была принята отдельная резолюция, посвященная первому ядерному испытанию страны (*council.gov.ru/en/activity/crosswork/dep/70/*) а также нестабильностью на Ближнем Востоке. В январе 2016 г. на заседании в Ванкувере (Канада), была принята резолюция «О мире на Корейском полуострове» по инициативе Республики Корея, Канады и Японии, в которой подчеркивалась необходимость достижения ЗСЯО на Корейском полуострове, а действия КНДР (ядерные испытания и пуски баллистических ракет) назывались серьезными провокациями (*www.appf.org.pe/meeting/Twenty-fifth/APPF25_Peace-on-the-Korean-Peninsula-FINAL.pdf*). На встрече 2018 г. в Ханое (Вьетнам), после витка напряженности вокруг ядерной программы КНДР активно использовался термин «ядерная война» [Vietnam News 2018]. Интересно, что японский политик Б. Каиэда в рамках сессии Форума высказал предложение создания универсального соглашения по денуклеаризации АТР.

Дискуссии по ядерной тематике проходят не только в формате межправительственных организаций. Среди других возможностей для сотрудничества можно выделить гражданские инициативы, академические форумы.

Нельзя не упомянуть о влиянии, которое могут оказывать государства региона на формирование глобальной сети специалистов в области ядерного нераспространения. Международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению (*англ.* International Commission on Nuclear Non-Proliferation and Disarmament), учрежденная в 2007 г. по инициативе премьер-министров Австралии и Японии К. Радда и Я. Фукуда, была глобальной по составу участников. Тем не менее важно, что именно государства АТР выступили с предложением о ее создании. Организацию также принято неформально называть Комиссией Эванса-Кавагути, в честь возглавивших ее бывших министров иностранных дел Австралийского Союза и Японии.

Тем не менее существуют и другие организации, непосредственно вовлеченные в режим ядерного нераспространения в регионе. В ноябре 2012 г. был учрежден «Сеульский диалог по вопросам обороны» (*англ.* Seoul Defence Dialogue), имеющий потенциал стать площадкой для плодотворного обсуждения вопросов нераспространения [Буденкова 2015]. В рамках APLN объединены усилия ведущих политических и общественных деятелей 15 стран региона. Одна из основных целей этой структуры – содействие формированию общественного мнения, просвещение широких масс по вопросам ядерного нераспространения и разоружения. При этом деятельность APLN направлена на уничтожение ядерного оружия не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире. В конце октября 2013 г. в Хошимине (Вьетнам) организация выпустила обращение, призывающее к всеобщему разоружению как в регионе, так и в мире [The Jakarta Post 2013].

В качестве примера гражданских инициатив можно привести такие международные неправительственные организации, как Движение за безъядерный и независимый Тихоокеанский регион (*англ.* Nuclear Free and Independent Pacific Movement), действующее с 1975 г., Тихоокеанскую кампанию за разоружение и безопасность (*англ.* Pacific Campaign for Disarmament and Security), с 2007 г. реорганизованную в Рабочую группу за мир в Тихоокеанском регионе (*англ.* Pacific Peace Working Group).

Проблема использования энергии атома в мирных целях также обсуждается рядом организаций. Сеть гарантий Азиатско-Тихоокеанского региона (*англ.* Asia-Pacific Safeguards Network, APLN), организованная в 2009 г., ставит своей целью обмен информацией и практическим опытом в области гарантий ядерного нераспространения. В составе Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по вопросам безопасности, основанного в 1993 г., есть Группа экспертов по ядерной энергетике, в задачи которой входит обсуждение и содействие использованию атомной энергии в мирных целях при соблюдении принципов безопасности и нераспространения. Специалисты организации регулярно выступают с докладами, проводя исследования касательно ядерного регулирования в АТР [Baker, Santoro 2013].

Следовательно, проблематика ядерного нераспространения оказывается затронутой и в рамках неправительственных организаций,

общественных объединений и экспертных сообществ, что обеспечивает более глубокое понимание соответствующих вопросов как элитами стран региона, так и широкой общественностью.

Выводы

Таким образом, было показано, что задача способствовать укреплению режима ядерного нераспространения прописана в программных решениях и документах региональных организаций АТР. Несмотря на то, что организации региона в большей степени нацелены на экономическое и социокультурное сотрудничество, а общий уровень развития региональных интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе несопоставим с европейским, вопросы безопасности, в том числе и связанные с ядерным компонентом, активно включаются в обсуждение в рамках международных организаций. Работа региональных международных организаций имеет большое значение для регионального режима ядерного нераспространения, зачастую переходя и на глобальный уровень. Анализ места проблем ядерного нераспространения в повестке дня региональных организаций помогает сделать вывод о важности ядерной безопасности для общей стабильности Азиатско-Тихоокеанского региона. Одним из долгосрочных эффектов институционализации, создания международных организаций и форумов является изменение отношения общественности стран региона к актуальности проблем ядерного нераспространения.

Разумеется, если говорить о механизме принятия решений и обязательности их исполнения, в большинстве случаев документы организаций носят рекомендательный, а не императивный характер, являясь по своей сути декларацией о намерениях. Однако примечателен уже сам факт вербализации проблем, связанных с ядерным фактором.

Катализатором для всё более активного рассмотрения вопросов ядерного нераспространения организациями АТР становится кризис на Корейском полуострове. При этом значение имеют как военно-политический аспект нераспространения, связанный прежде всего с ядерной и ракетной программами КНДР, так и проблематика мирного атома, вышедшая на первый план после аварии на японской АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. Важно отметить, что обе проблемы создали непосредственные угрозы именно для стран региона из-за фактора

географической близости, отсюда стремление государств закрепить их решения документально на уровне региональных организаций.

Среди факторов, осложняющих взаимодействие, стоит отметить гетерогенность среды: в то время как для одних акторов чрезвычайно важными являются все три столпа международного режима ядерной безопасности (нераспространение, разоружение и мирный атом), для иных актуальность подобных аспектов оказывается достаточно низкой. Симптоматично, что инициаторами учреждения международных организаций в ядерной сфере являются Япония и Южная Корея. Это может быть связано с желанием этих государств более четко артикулировать проблематику, связанную с северокорейской ядерной программой.

В целом иерархия проблем безопасности в работе международных организаций в АТР детерминируется внешнеполитическими приоритетами региональных лидеров. Эта тенденция определяет место дискурса ядерного нераспространения в политической жизни Азиатско-Тихоокеанского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буденкова А. В. Европейский союз и обеспечение безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 172–177.

Зеленкова М. С. США смещают фокус внимания АСЕАН в сторону Корейского полуострова // Российский Институт Стратегических Исследований (РИСИ). 2017. URL : riss.ru/analitycs/40856/ (дата обращения: 10.01.2019).

Иванов И. С. Россия в современном мире. Ответы на вызовы XXI века: статьи и выступления. М. : Олма-Пресс, 2004.

Крылов Э. Конвенция «маленьких островов» // Атомный эксперт. 2017. URL : atomicexpert.com/page726529.html (дата обращения: 10.01.2019).

Лебедева О. В. Дипломатия Японии в рамках АРФ: некоторые аспекты региональной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 12–21.

Миронов С. М. Азиатско-Тихоокеанский регион и мы // Известия. 2007. URL : izvestia.ru/news/322302 (дата обращения: 10.01.2019).

ООН. Ежегодник Организации Объединенных Наций по разоружению 2006. Т. 31. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2010. URL : books.google.ru/books/isbn=9214420068 (дата обращения: 22.12.2019).

ООН. Ежегодник Организации Объединенных Наций по разоружению 2013. Т. 38. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2016. URL :

unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/assets/publications/yearbook/ru/RU-YB-VOL-38-2013-part2.pdf (дата обращения: 22.12.2019).

РИА Новости. Восточноазиатский саммит: проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона // 2016. URL : ria.ru/20160908/1476436187.html (дата обращения: 10.01.2019).

Стапран Н. В. Основные форматы многостороннего взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 3 (114). С. 25–36.

Фролова А. Я. Проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: роль форума АТЭС // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 63–70.

Associated Press. Asia-Pacific on APEC calls on N. Korea to end nuclear initiative // 2006. URL : www.nbcnews.com/id/15804503/ns/world_news-asia_pacific/t/apec-calls-n-korea-end-nuclear-initiative/#.Wek5v-0avQo (accessed 10 January 2019).

Ayson R. Management, Abolition, and Nullification: Nuclear Nonproliferation Strategies in the 21st Century. Nonproliferation Review. 2001. Vol. 8. P. 67–81. doi.org/10.1080/10736700108436864

Baker C., Santoro D. Institutionalizing Nuclear Governance in the Asia Pacific // CSCAP. 2013. URL : www.cscap.org/uploads/docs/NEEGReports/2NEEGReptNov2013.pdf (accessed 10 January 2019).

Baker C. W., Santoro D. PacNet #85 – Building Nuclear Governance in the Asia Pacific: The Next Big Project // Pacific Forum. 2014. URL : www.pacforum.org/analysis/pacnet-85-building-nuclear-governance-asia-pacific-next-big-project (accessed 10 January 2019).

Faust D. A. Effektive Sicherheit: Analyse des Systems kollektiver Sicherheit der Vereinten Nationen und Entwurf eines alternativen Sicherheitssystems. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2002.

Foot R. The Role of East Asian Regional Organizations in Regional Governance: Constraints and Contributions // Carnegie Endowment for International Peace. 2011. URL : carnegieendowment.org/2011/06/07/role-of-east-asian-regional-organizations-in-regional-governance-constraints-and-contributions-pub-44420#DPRK (accessed 10 January 2019).

Putra N. A., Andrews-Speed P. Prospects for Nuclear Power in ASEAN // The Diplomat. 2018. URL : thediplomat.com/2018/06/prospects-for-nuclear-power-in-asean/ (accessed 10 January 2019).

RT. Pyongyang seeks ASEAN's help to avert 'nuclear holocaust' as Trump warns of 'major conflict' // 2017. URL : www.rt.com/news/386406-pyongyang-asean-letter-nuclear-holocaust/ (accessed 10 January 2019).

Squassoni S. ASEAN Regional Forum Workshops. // Center for Strategic and International Studies. 2017. URL : csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/event/170307_CSCAP_NPD_Squassoni.pdf (accessed 10 January 2019).

Thakur R. Asia-Pacific and the UN Nuclear Weapon Prohibition Treaty. // Policy Forum. 2017. URL : www.policyforum.net/asia-pacific-un-nuclear-weapon-prohibition-treaty/ (accessed 10 January 2019).

The Jakarta Post. Asia Pacific: Region of nuclear weapons // 2013. URL : www.thejakartapost.com/news/2013/11/22/asia-pacific-region-nuclear-weapons.html (accessed 10 January 2019).

Tong Zhao. Nuclear Weapon States and the Southeast Asia Nuclear Weapon Free Zone // Carnegie-Tsinghua Center. Carnegie Endowment for International Peace. 2017. URL : carnegietsinghua.org/2017/02/10/nuclear-weapon-states-and-southeast-asia-nuclear-weapon-free-zone-pub-67965 (accessed 10 January 2019).

Townshend A. America first: US Asia policy under President Trump // United States Studies Centre. 2017. URL : www.ussc.edu.au/analysis/america-first-us-asia-policy-under-president-trump (accessed 10 January 2019).

Vietnam News. Threat of nuclear war dominates Asia-Pacific forum // 2018. URL : vietnamnews.vn/politics-laws/421526/threat-of-nuclear-war-dominates-asia-pacific-forum.html#5e4zOqOfQto8C2fK.97 (accessed 10 January 2019).

Wai Yee Lin, Yamao M. Enhancing Food Security by Cooperation among ASEAN Countries: A Review for Achieving Better Food Availability in the Region // Hiroshima University. 2012. URL : home.hiroshima-u.ac.jp/food0709/seika/seika2012-4.pdf (accessed 10 January 2019).

REFERENCES

Budenkova A. V. Evropejskij sojuz i obespechenie bezopasnosti v Aziatsko-Tihookeanskom regione // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3 (63). T. 2. S. 172–177.

Zelenkova M. S. SShA smeshhajut fokus vnimanija ASEAN v storonu Korejskogo poluostrova // Rossijskij Institut Strategicheskih Issledovanij (RISI). 2017. URL : riss.ru/analitycs/40856/ (data obrashhenija: 10.01.2019).

Ivanov I. S. Rossija v sovremennom mire. Otvety na vyzovy XXI veka: stat'i i vystuplenija. M. : Olma-Press, 2004.

Krylov Je. Konvencija «malen'kih ostrovov» // Atomnyj jekspert. 2017. URL : atomicexpert.com/page726529.html (data obrashhenija: 10.01.2019).

Lebedeva O. V. Diplomatija Japonii v ramkah ARF: nekotorye aspekty regional'noj bezopasnosti // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. № 4 (31). S. 12–21.

Mironov S. M. Aziatsko-Tihookeanskij region i my // Izvestija. 2007. URL : izvestia.ru/news/322302 (data obrashhenija: 10.01.2019).

OON. Ezhegodnik Organizacii Ob#edinennyh Nacij po razoruzheniju 2006. T. 31. N'ju-Jork : Organizacija Ob#edinennyh Nacij, 2010. URL : books.google.ru/books/isbn=9214420068 (data obrashhenija: 22.12.2019).

OON. Ezhegodnik Organizacii Ob#edinennyh Nacij po razoruzheniju 2013. T. 38. N'ju-Jork : Organizacija Ob#edinennyh Nacij, 2016. URL : unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/assets/publications/yearbook/ru/RU-YB-VOL-38-2013-part2.pdf (data obrashhenija: 22.12.2019).

RIA Novosti. Vostochnoaziatskij sammit: problemy Aziatsko-Tihookeanskogo regiona // 2016. URL : ria.ru/20160908/1476436187.html (data obrashhenija: 10.01.2019).

Stapran N. V. Osnovnye formaty mnogostoronnego vzaimodejstvija v Aziatsko-Tihookeanskom regione // Indeks bezopasnosti. 2015. T. 21. № 3 (114). S. 25–36.

Frolova A. Ja. Problemy bezopasnosti v Aziatsko-Tihookeanskom regione: rol' foruma ATJeS // Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2009. № 4. S. 63–70.

Associated Press. Asia-Pacific on APEC calls on N. Korea to end nuclear initiative // 2006. URL : www.nbcnews.com/id/15804503/ns/world_news-asia_pacific/t/apec-calls-n-korea-end-nuclear-initiative/#.Wek5v-0avQo (accessed 10 January 2019).

Ayson R. Management, Abolition, and Nullification: Nuclear Nonproliferation Strategies in the 21st Century. Nonproliferation Review. 2001. Vol. 8. P. 67–81. doi.org/10.1080/10736700108436864

Baker C., Santoro D. Institutionalizing Nuclear Governance in the Asia Pacific // CSCAP. 2013. URL : www.cscap.org/uploads/docs/NEEGReports/2NEEGReptNov2013.pdf (accessed 10 January 2019).

Baker C. W., Santoro D. PacNet #85 – Building Nuclear Governance in the Asia Pacific: The Next Big Project // Pacific Forum. 2014. URL : www.pacforum.org/analysis/pacnet-85-building-nuclear-governance-asia-pacific-next-big-project (accessed 10 January 2019).

Faust D. A. Effektive Sicherheit: Analyse des Systems kollektiver Sicherheit der Vereinten Nationen und Entwurf eines alternativen Sicherheitssystems. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2002.

Foot R. The Role of East Asian Regional Organizations in Regional Governance: Constraints and Contributions // Carnegie Endowment for International Peace. 2011. URL : carnegieendowment.org/2011/06/07/role-of-east-asian-regional-organizations-in-regional-governance-constraints-and-contributions-pub-44420#DPRK (accessed 10 January 2019).

Putra N. A., Andrews-Speed P. Prospects for Nuclear Power in ASEAN // The Diplomat. 2018. URL : thediplomat.com/2018/06/prospects-for-nuclear-power-in-asean/ (accessed 10 January 2019).

RT. Pyongyang seeks ASEAN's help to avert 'nuclear holocaust' as Trump warns of 'major conflict' // 2017. URL : www.rt.com/news/386406-pyongyang-asean-letter-nuclear-holocaust/ (accessed 10 January 2019).

Squassoni S. ASEAN Regional Forum Workshops. // Center for Strategic and International Studies. 2017. URL : csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/event/170307_CSCAP_NPD_Squassoni.pdf (accessed 10 January 2019).

Thakur R. Asia-Pacific and the UN Nuclear Weapon Prohibition Treaty. // Policy Forum. 2017. URL : www.policyforum.net/asia-pacific-un-nuclear-weapon-prohibition-treaty/ (accessed 10 January 2019).

The Jakarta Post. Asia Pacific: Region of nuclear weapons // 2013. URL : www.thejakartapost.com/news/2013/11/22/asia-pacific-region-nuclear-weapons.html (accessed 10 January 2019).

Tong Zhao. Nuclear Weapon States and the Southeast Asia Nuclear Weapon Free Zone // Carnegie-Tsinghua Center. Carnegie Endowment for International Peace. 2017. URL : carnegietsinghua.org/2017/02/10/nuclear-weapon-states-and-southeast-asia-nuclear-weapon-free-zone-pub-67965 (accessed 10 January 2019).

Townshend A. America first: US Asia policy under President Trump // United States Studies Centre. 2017. URL : www.ussc.edu.au/analysis/america-first-us-asia-policy-under-president-trump (accessed 10 January 2019).

Vietnam News. Threat of nuclear war dominates Asia-Pacific forum // 2018. URL : vietnamnews.vn/politics-laws/421526/threat-of-nuclear-war-dominates-asia-pacific-forum.html#5e4zOqOfQto8C2fK.97 (accessed 10 January 2019).

Wai Yee Lin, Yamao M. Enhancing Food Security by Cooperation among ASEAN Countries: A Review for Achieving Better Food Availability in the Region // Hiroshima University. 2012. URL : home.hiroshima-u.ac.jp/food0709/seika/seika2012-4.pdf (accessed 10 January 2019).

УДК 94

А. Я. Касюк

доктор исторических наук, профессор,
директор Института международных отношений
и социально-политических наук Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: imoispn225@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО: ГЕНЕЗИС И ПЕРВЫЕ ШАГИ

Статья посвящена зарождению информационного противоборства на самых ранних исторических этапах и последующему процессу его развития как одного из способов ведения войны. Автор подробно рассматривает появление первых форм и методов оказания информационного воздействия на противника в рабовладельческий период, расширение и совершенствование форм информационного воздействия на личный состав войск и население противника в феодальный период войн; эволюцию, которую прошли информационные формы воздействия на моральные возможности противника в ходе вооруженных столкновений в Европе и Азии на его втором этапе, в период походов Наполеона, особенности информационного противоборства со стороны различных государств, в первую очередь Соединенных Штатов Америки. Значительное внимание в статье уделено рассмотрению истории информационного противоборства Нового времени на примере англо-бурской (Трансваальской) войны, а также одной из первых войн XX в. – Русско-японской войны 1901–1905 гг.

Ключевые слова: информационное противоборство; странная война; информационный фактор; информационные средства; информационно-пропагандистские материалы; информационно-психологическое воздействие; моральный фактор; морально-психологическое состояние; моральные возможности; деморализация.

A. Y. Kasyuk

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute of International Relations and Social-political Studies,
Moscow State Linguistic University; e-mail: imoispn225@mail.ru

INFORMATIONAL CONFRONTATION: GENESIS AND FIRST STEPS

The article examines the phenomenon of informational confrontation, its development at the earliest historical stages and its further development as one of the means of conducting a war. The author provides a thorough analysis of the first

CC BY

forms and methods of informational influence on the adversary in the era of slavery, the extension and advancement of the forms of the informational influence on the military personnel and population of the adversary country in the feudal period; the evolution, which the forms of informational pressure on the enemy's moral capabilities had undergone during military clashes in Europe and Asia in its second stage, during Napoleonic wars; and the specific features of informational confrontation coming from different countries, first of all, from the United States of America. Special emphasis is placed to the historical background of informational resistance of new times with the example of the Anglo-Boer (Transvaal) war and, one of the first wars of the XX century, the Russo-Japanese war (1901–1905).

Key words: informational confrontation; strange war; informational factor; information means; means of informational propaganda; informational-psychological influence; moral factor; moral-psychological condition; moral capabilities; demoralization.

Введение

На протяжении всей истории развития человечества информация представляла собой как средство, так и объект противоборства, играла существенную роль в достижении победы над противником и таким образом определяла судьбу как отдельных государств, так и целых военно-политических блоков. Проблема информационного фактора и его роли в противоборстве с древних времен занимала одно из центральных мест в истории военного искусства.

Во всемирной истории известно немало примеров, когда войны объявлялись, но вооруженная борьба не велась. И всё-таки одна из противоборствующих сторон добивалась своей цели. Еще в древние времена руководители государств и их полководцы имели возможность прийти к заключению, что добиться окончательной победы над противником значительно легче в том случае, когда воля к сопротивлению противоборствующей стороны сломлена еще задолго до полного разгрома его боевых подразделений. В данном случае окончательный результат имеющего место конфликта решается результатом исхода противоборства на информационном фронте. Историческая наука зафиксировала отдельные примеры, когда воля к сопротивлению у одной из противоборствующих сторон была сломлена еще до начала реальных боевых действий. Такие случаи противоборства получили название «странные войны» (по другой терминологии – «фальшивые», «сидячие», «ненастоящие» войны») [Лиддел Гарт 1999].

В данном поединке в его исходе решающее значение имели другие формы ведения войны, в первую очередь информационное противоборство. Еще примерно 500 лет до нашей эры китайский полководец Сунь-Цзы в своем «Трактате о военном искусстве» писал: «Во всякой войне, как правило, наилучшая политика сводится к захвату государства целостным: разрушить его значительно легче. Взять в плен армию противника лучше, чем ее уничтожить ... Одержать сотню побед в сотне сражений – это еще не предел искусства. Покорить противника без сражения – вот венец искусства» [Конрад 1950] Данное утверждение является свидетельством того, что понимание и оценка роли и значения информационного противоборства была известна людям еще с самых древних времен.

История человечества хранит большое количество засвидетельствованных современниками данных о стремлении оказать информационное воздействие на противоборствующую сторону. К одной из самых ранних из известных форм воздействия на противника небоевыми средствами являлось его устрашение своей боевой (часто мнимой) мощью. Данная форма информационного противоборства нашла свое применение еще в период войн между рабовладельческими государствами. Так, например, персидский военачальник Ксеркс перед своим походом в Грецию в целях достижения превосходства над противником распустил слух о том, что численность персидского войска превышает все мыслимые масштабы, ибо если все персидские воины из своих луков одновременно выпустят стрелы в небо, то они затмят свет солнца [Геродот 1988].

Уже в рабовладельческий период в Индии была предпринята попытка теоретического обобщения опыта информационного воздействия на противника в виде так называемых Законов Ману. Наряду с изложением сугубо военных вопросов противоборства «Законы Ману» содержали в себе изложение первоначальных положений организации информационных основ ведения войны. В соответствии с одним из них противоборствующей стороне необходимо самым решительным образом «поощрять к мятежу тех из войск противника, кто склонен к этому» [Разин 1955].

В последующие столетия рабовладельческого периода в годы Второй пунической войны (218–201 гг. до н. э.) Ганнибал в значительной степени сумел обеспечить победу своему войску тем, что римские

легионы были деморализованы слухами о «новом секретном оружии» карфагенян, абсолютно неуязвимом для средств поражения и защиты римских воинов. В армии Ганнибала было 37 боевых слонов, слухи об их несокрушимой мощи и довершили разгром римлян карфагенянами [Габриэль Ричард 2012].

В дальнейшем способы информационного воздействия на морально-психологическое состояние населения и личного состава войск противника расширялись и совершенствовались. Уже в начале II в. н. э. в качестве одной из самостоятельных тем содержания материалов информационно-пропагандистского воздействия выступает провозглашение справедливого характера войны. На практике оно находило выражение в широком распространении материалов, содержащих политические обвинения руководства своего противника в развязывании и ведении преступной, агрессивной войны с его стороны и всяческое оправдание своих действий, носящих исключительно справедливый характер. Подобное содержание информационно-пропагандистских материалов было характерно на протяжении достаточно продолжительного периода времени для противоборствующих сторон в войнах, которые велись в Древнем Китае. Текст такого обращения содержится в книге китайского историка Ло Гуань-чжуна «Троецарствие», написанной около 200 г. н. э. [Ло Гуань-чжун 1954].

Рабовладельческий период войн внес существенный вклад в теорию искусства оказания информационного воздействия на личный состав войск и население противника: нашел широкое распространение такой способ информационного воздействия на войска противника, как устрашение его своей мощью; получила дальнейшее развитие тема провозглашения справедливого характера войны со своей стороны и обвинение противника в ведении войны несправедливой. В примитивной форме возникло понимание важности разжигания противоречий в лагере противника, внесение раскола в ряды его союзников. Начиная с этого периода времени, происходит деление задач, решаемых в ходе войны на задачи, решаемые непосредственно боевыми подразделениями сил и средств; и задачи, возлагаемые на информационные средства. Таким образом, сознательное применение слова в целях понижения боевых возможностей противника через информационное воздействие началось на одной из самых ранних ступеней развития военного искусства.

Последовавший за рабовладельческим феодальный период войн (продолжался с VII–VIII вв. по XVI–XVIII вв.) дал сравнительно немного для развития форм воздействия на противника информационными средствами. Средневековье явилось для культуры и науки не только бесплодным, но и в значительной степени разрушило создававшиеся на протяжении прежних веков античными цивилизациями философию, юриспруденцию, политическую науку и практически начало всё с самого начала.

Повторение эволюции, которую прошли информационные формы воздействия на моральные возможности противника в рабовладельческий период, особенно заметно на первом этапе феодального периода, охватывающего собой войны, которые вели славянские племена, арабы, татаро-монголы, а также вооруженные столкновения в Европе и Азии (крестовые походы, тридцатилетняя и столетняя войны).

Весьма действенным приемом деморализации противника пользовался киевский князь Святослав, который по словам летописца «посылаша к странам глаголя: “Хочу на вы ити”» [Полное собрание русских летописей 1841] и тем самым сознательно шел на потерю элемента внезапности в нападении для того, чтобы подавить моральные возможности своего противника и обеспечить себе инициативу в боевых действиях.

Вполне достоверным фактом, относящимся к истории первого этапа феодального периода войн, является распространение византийскими греками слухов о своей силе, которую они приобрели благодаря так называемому греческому огню. Преднамеренно распускаемый слух с образным описанием того, как этот огонь даже камни превращает в пепел, должен был, по мнению авторов, запугать противников и уменьшить тем самым их боевые возможности. О том, насколько эффективным оказалось распространение этих слухов свидетельствует воспоминание о «пламенных рогах», изрыгающих огонь, сохранившееся до XII в. и использованное автором «Слово о полку Игореве», в виде яркого поэтического образа: «и жля поскочи по Русской земли, смагу людям мычючи в пламяне розе»[1].

К началу второго этапа феодального периода войн (к нему относятся войны периода утверждения феодально-абсолютистских

[1] Цит. по: [История культуры древней Руси 1048, т. 1, с. 401].

порядков, а также национальные и крестьянские войны, вплоть до XVI–XVII вв.) сознание значения информационного фактора достигает серьезного развития, а формы информационного воздействия на моральный дух большого совершенства.

Очень многое в деле освоения наследства, оставленного античным миром, а также китайскими и индийскими теоретиками древности сделали арабы времен Халифата и татаро-монголы. Однако они не остановились на освоении созданного ранее, а особенно татаро-монголы развили далее некоторые формы информационного воздействия на моральные возможности своих противников.

В сравнительно короткие исторические сроки арабы одержали ряд побед над противниками, многие из которых в военном отношении стояли на очень высоком уровне, и распространили владения Халифата на территорию, превосходящую по размерам Римскую империю в период ее наивысшего расцвета. «Успехи арабского войска, – пишет Е. А. Разин, – обычно подготавливались подрывной работой в среде очередного объекта нападения» [Разин 1957, т. 2, с. 114].

В целом ряде источников утверждается, что Чингисхан в своих походах добивался успеха, в первую очередь, за счет существенно превосходящей по своей численности татарской конницы. Вместе с тем проведенные научные исследования доказывают, что в действительности в то время внутренняя Азии была незначительно заселенной, и поэтому татаро-монгольские войска не могли в численном отношении превосходить противника, проживающего на достаточно густонаселенных территориях. Чингисхан добивался победы, в первую очередь, благодаря высокой подвижности войск, хорошо налаженной разведке и широкому применению информационного оружия. Перед началом очередной кампании руководителю государства, на которое планировалось нападение, в обязательном порядке посылался «ярлык», продолжавший собой древнейшую линию пропаганды на устрашение силой. В «ярлыке» неизменно содержалось предложение покориться и не оказывать сопротивления боевыми средствами. При планировании военных кампаний монголы использовали развитую шпионскую сеть. Они умышленно распространяли слухи, существенно преувеличивавшие численность и жестокость поведения монгольских воинов, что в результате приводило к деморализации противника еще до нашествия монголов.

Наиболее часто применявшимися монголами средствами информационного воздействия было распространение слухов о продажности правительственных чиновников, об измене полководцев, о неспособности правителей противостоять непобедимому монгольскому войску. Пропаганда, порождавшая пораженческие настроения в лагере противника, была доведена монголами до совершенства. Так, во время более чем 30-летнего похода в Южный Китай (1234–1271) монголам, столкнувшимся с огромной армией государства Сун, удалось деморализовать ее, распустив слухи об измене правительства, и чтобы подтвердить слухи фактами, монголы через свою агентуру действительно подкупили одного высокопоставленного чиновника и сами же помогли разоблачить его.

В Европе на протяжении всего феодального периода развитие форм информационного воздействия на противника шло несколько иным путем – через церковную образованность, так как духовенство в течение долгого времени держало монополию на чтение, письмо и высшее образование. Монополия эта, в дальнейшем разрушенная изобретением книгопечатания и потребностями расширявшейся торговли, продержалась до XVI в. и под ее влиянием оказалось всё развитие мысли в области понимания информационного фактора, принимавшей в большинстве случаев теократическую окраску.

Феодальный период войн, закончившийся эпохой антифеодальных крестьянских войн, в отношении развития теории воздействия на противника информационными средствами не был абсолютно бесплодным. Основным из основных нововведений явилось включение в содержание материалов информационно-пропагандистского воздействия идеологических тем, которые были направлены на разжигание религиозных, правовых и имущественных противоречий. Всё это привело к тому, что к завершению феодального периода войн приходит понимание роли и значения информационно-пропагандистских материалов, определения объектов воздействия, на которые должны направляться подготовленные прокламации. Существенно улучшилось оформление информационно-пропагандистских материалов, они, как правило стали включать рисунки и другие элементы графического оформления, что в значительной мере способствовало восприятию самого текста и улучшению его запоминаемости.

Успешную пропаганду на личный состав войск и население противника во время своих походов вел Наполеон. Пропагандистская

деятельность Наполеона в значительной мере наследовала формы и методы Французской революции конца XYIII в. Французская революция в самом начале ознаменовалась осенью 1778 г. первой бурей памфлетов и первым массированным артиллерийским огнем у Вальми (*РГВА, Ф. 9, Оп. 28, Д. 390, Л. 152*). После этой революции пропаганда на своего политического противника, на население, контролируемое противником, с целью завоевания сторонников в его лагере получила всеобщее признание. Это признание и не могло произойти раньше, чем появились материально-технические возможности для производства печатной продукции, небольшой по формату, но значительной по своим тиражам. Именно по этой причине Французская революция конца XVIII в. может считаться своеобразным историческим рубежом начала самого широкого применения информационно-пропагандистского воздействия на противника; рубежом, после которого развитие его форм и методов приобрело скачкообразный характер, предопределивший его функционирование рядом с боевыми средствами, которые оно собой дополняло, облегчая достижение конечных результатов в вооруженном столкновении.

О внимании, уделявшемся Наполеоном информационному оружию, говорит тот факт, что он сам был автором многих прокламаций, а его приближенные Ней, Даву, Лоринстон активно занимались вопросами обеспечения условий для их широкой циркуляции в армии и стране противника. В армии Наполеона была своя походная типография, которая могла дать весьма значительные для того времени тиражи. Так, тираж прокламации, содержавшей обращение к полякам на русской службе с призывом перейти на сторону французской армии, составил внушительную цифру 6 тыс. экземпляров. Тираж одной из прокламаций на турецком и арабском языках, отправленных в Оттоманскую империю, был равен 10 тыс. экемпляров [Holtman 1950].

Поход Наполеона в Россию не составил исключения из правил его информационного воздействия на армию противника и гражданское население. Заняв Москву, Наполеон выпустил многочисленные «провозглашения», имевшие целью умиротворить непокорившийся народ. Правительство Александра I прибегло к ответным мерам аналогичного характера. Оно широко развернуло деятельность по разложению тыла наполеоновской армии. Специально созданный для этой цели «Немецкий комитет», возглавлявшийся эмигрантом

бароном Штейном, стал организационным центром, который руководил антинаполеоновской пропагандой в германских княжествах, финансировал издание подпольной газеты, разоблачавшей французскую политику и содержавшей информацию о ходе боевых действий в России.

Большая работа по информационному воздействию на войска противника велась и ставкой главнокомандующего М. И. Кутузова, который, как и его учитель А. В. Суворов, был хорошо осведомлен в вопросах пропаганды и внес собственный вклад в дальнейшее развитие ее форм и способов применения в условиях войны. М. И. Кутузов впервые в пропагандистской практике дополнил текст прокламации призывом к аудитории к определенным практическим действиям. Такой документ, подписанный главнокомандующим русской армии, имел силу юридического документа и именно поэтому становился особенно привлекательным для пропагандируемых. Подобным материалом явилось обращение М. И. Кутузова к населению Польши 27 декабря 1812 г. Обращение было издано в виде листовки и отпечатано значительным тиражом. В конце обращения имелась специальная оговорка: «Экземпляр сего объявления всякому, имеющему оный, служит вместо охранного листа» [Кутузов 1956]. Подобное издание информационно-пропагандистского характера, объединенного с юридическим документом, привело в годы Первой мировой войны к широкому использованию в пропаганде листовки-пропуска для сдачи в плен.

Широкое применение в информационной деятельности М. И. Кутузова нашла тема разжигания противоречий между союзниками в лагере противника. Наиболее отчетливо эта тема представлена в воззвании, адресованном Кутузовым населению Пруссии. О действенности этого материала свидетельствует секретный рапорт военного полицмейстера Радзивиловского, который 22 января 1813 г. докладывал главнокомандующему российскими войсками на основании данных «от употребляемых … за границей по политическим наблюдениям людей, что в Баварии в самом городе Мюнхене происходило весьма большое возмущение. Народ, собравшись целыми толпами, окружил дома французского посланника и, делая ему разные укоризны и грубости объявил, что далее французского ига терпеть не будет, и что требуемых Наполеоном конскриптов не даст» (*РГВИА, Ф. ВУА, Д. 3383, Л. 236*).

Национальные особенности становления системы информационного противоборства различных стран

Факты исторической действительности убедительно свидетельствуют о том, что к началу XIX в. искусство информационного воздействия на личный состав войск и население противника достигло достаточно высокого уровня. Вместе с тем его развитие и совершенствование не шло одними и теми же путями в разных странах, оно сохранило своеобразные национальные черты.

Такими своеобразными национальными чертами отличалось и пропагандистское искусство молодой буржуазной республики – Соединенных Штатов Америки, в котором с самого начала возобладал торгашеский дух пришедшего к власти класса, дух, в значительной степени сохранившийся до наших дней. Примеров этому достаточно много во всех войнах, которые вели Соединенные Штаты от справедливой войны за независимость и до беспрецедентной по несправедливости своих целей войны во Вьетнаме. Так, распространяемые среди немецких солдат в ходе войны США за независимость обращения, содержали предложения достаточно практического характера – обещания за совершение дезертирства участков земли с точным указанием числа акров, полагающегося каждому перешедшему на сторону американцев – от 100 акров рядовому до 1000 акров полковнику. Действенность данного типа информационно-пропагандистских материалов документов оказалась достаточно высокой: около 6 тыс. из 30 тыс. гессенцев практически откликнулись на листовки, распространявшиеся американцами [Butterfield 1950]. Одновременно с информационным воздействием на наемников-немцев и британские войска была развернута широкая пропагандистская кампания и в третьих, нейтральных, странах с целью завоевания симпатий со стороны общественного мнения этих стран и получения от них военных или экономических выгод.

Приемы информационного воздействия на противника, выработанные американцами в годы войны за независимость, были приняты на вооружение некоторыми другими странами, в том числе и противниками США. Вначале 1864 г., т. е. за несколько месяцев до вооруженного конфликта между Мексикой и США, мексиканское правительство начало распространять в приграничных гарнизонах соседней страны листовки, обращенные к солдатам неамериканской национальности,

главным образом, к ирландцам-католикам, с призывом переходить на сторону католической Мексики и обещанием 320 акров земли каждому перебежчику. Сочетание линий пропаганды – религиозной и торгашеской, выбор аудитории, которая может откликнуться на подобного рода обращение, привели к заметному результату: из перебежчиков был сформирован целый батальон «Сан-Патрисио», доставивший впоследствии американцам много неприятностей.

Лишь к 60-м гг. прошлого века относятся факты начала применения американцами политических тем в информационном воздействии. Во время войны, которую вели Северные штаты против рабовладельческого Юга, северяне широко пользовались Манифестом об освобождении негров. Отклик аудитории на это мероприятие был настолько велик, что в конечном итоге привело к массовому переходу негров на сторону северян.

Конец XIX – начало XX в. ознаменовались вспышкой англо-бурской (Трансваальской) войны 1899–1902 гг. Эта война всколыхнула общественное мнение всех крупнейших стран мира. Буры установили контакт практически со всеми представителями европейских государств и Соединенных Штатов Америки с немцами, ирландцами, американцами, французами, голландцами – со всеми, кто мог бы поддержать их критику действий Англии. Они громогласно и широко заявляли о правом деле, за которое они сражаются. Газеты разных стран мира были полны сенсационных сообщений. Можно без преувеличения утверждать, что ни одна война конца XIX в. не вызывала столько толков, статей и споров в самых различных социальных слоях европейского и американского общества, как Англо-бурская. Буры признавались пострадавшей стороной не только демократически настроенной интеллигенцией, но и большинством буржуазной Европы и Америки. Исключением не явилась и сама Англия, в которой были организованы пробурские комитеты Комитет примирения и Долой войну! [Юровская 1963]. И это при том, что буры сами являлись завоевателями и поработителями истинных хозяев Южной Африки – африканских народов, испокон веков населяющих Трансвааль и Оранжевую Республику.

Англия в процессе войны с бурами вынуждена была сосредоточить на Южно-Африканском театре войны свыше 300 тыс. своих войск, войск регулярной европейской армии [Воронков 1933]. Тогда

как даже в самые удачные для буров месяцы в строю находилось не более 50 тыс. милиционных войск (30 тыс. из Трансвааля и 20 тыс. из Оранжевой Республики) [Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат 1909].

Русский историк академик Ф. А. Ротштейн, современник и наблюдатель Англо-бурской войны, внимательно следивший за мировой прессой, писал: «Европа наблюдала эту агитацию с нескрываемым сочувствием к бурам» [Ротштейн 1960]. Из России, Германии, Франции, Австро-Венгрии и других стран на помощь бурам ринулись офицеры, часть молодежи. По приезде в Южную Африку они организовали «корпусы» в помощь бурам, в их числе был и русско-голландский корпус. Сочувствование бурам, иногда и материальная помощь им, а нередко и непосредственное участие в войне добровольцев из других стран на стороне буров в совокупности дали такую мощь, о которую разбивалась три года военная сила такой мощной державы, как Великобритания [Аничков 1903]. Несмотря на то, что буры, в конце концов, прекратили сопротивление, сделали они это на достаточно выгодных для себя условиях. Англичане предстали перед всей мировой общественностью в образе агрессоров, захватчиков, поработителей. Таким образом, буры в максимальной степени использовали все имевшиеся в их распоряжении силы и средства информационного противоборства и делали всё, что было в их силах и возможностях, для оказания информационного влияния и привлечения на свою сторону мирового общественного мнения [Лайнбарджер 1962].

Одной из первых войн XX в. явилась Русско-японская война 1904–1905 гг., в которой на суше с каждой стороны участвовало 900000–1000000 человек. Появление массовых армий требовало внесения существенных корректив в способы информационного воздействия на многочисленный личный состав воюющих сторон и их население. Однако эти коррективы ни одной, ни другой стороной сделаны не были.

Разлагающее воздействие на русскую армию оказала, в первую очередь, революционная пропаганда, проводимая в войсках. И к этому, как убедительно свидетельствуют исторические документы, японское правительство имело самое прямое отношение. По словам Эдварда Диллона, много лет прожившего в России в качестве корреспондента газеты «Дейли телеграф» и близко знавшего графа С. Ю. Витте,

благодаря японским деньгам революционная пропаганда в России в период русско-японской войны получила «поразительный размах» [Dillon 1918]. Такой же точки зрения придерживался американский историк Артур Буллард, утверждавший, что «большинство российских революционных партий принимало японскую помощь» [Bullard 1919].

За годы войны японское правительство на прямое финансирование деятельности российских революционных и оппозиционных организаций в русской армии выделило не менее 1 млн иен (по современному курсу 35 млн долл. США) [Тайны русско-японской войны 1993]. Так, для ведения разведывательной работы, диверсий в тылу русской армии и распропагандирования польских солдат только Ю. Пилсудскому, одному из лидеров Польской социалистической партии, было передано 200 тыс. рублей [там же, с. 68]. Что же касается РСДРП, то неоднократно предпринимавшиеся попытки ее большевистского крыла поучаствовать в дележе японского «денежного пирога» не увенчались успехом, благодаря позиции меньшевистского руководства РСДРП, как партия в целом, лишь отчасти оказалась замешанной в этих неблагопристойных поступках.

Для привлечения на свою сторону различных периодических печатных изданий на Дальнем Востоке японцы еще задолго до войны прибегли к негласным финансовым субсидиям в целях распространения благоприятных для них сведений и освещения текущих событий в выгодном для них свете, не говоря уже о распространении ложных слухов. В целях противодействия было решено и с российской стороны использовать иностранную печать для поддержки российских интересов. Приказанием наместника с 10 сентября 1904 г. издавалась за наш счет газета «Хина ревью» (*РГВИА, Ф. ВУА, Д. 29090. Т. 1, Л. 42–44*).

Русско-японская война 1904–1905 гг. заставила полководцев, политических руководителей многих государств мира вновь вернуться к вопросу о роли и значении информационного фактора в ходе и исходе вооруженного противоборства. Как отмечалось в книге В. Ф. Новицкого «Можно ли было выручить Порт-Артур в мае 1904 г.?»: «... события минувшей войны утвердили в сознании русских военных людей истину, что победу на войне дает только превосходство в силе духа» [Новицкий 1912].

Появился целый ряд работ, посвященных сути и структуре морального фактора. «Наша последняя Русско-Японская война, еще раз подчеркнула высказанную Великим Наполеоном истину о «Моральном элементе», – отмечал в своей книге «Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну (Психологический этюд)» штабс-ротмистр Скосаревский. – О том самом «моральном элементе», о котором нам говорили в школах, но которым мало кто пользовался, а в особенности умел пользоваться на полях и сопках далекой Манчжурии» [Скосаревский 1911].

Заключение

Таким образом, результаты эволюции, которую прошел процесс становления различных способов воздействия на противника небоевыми средствами, свидетельствует о том, что искусство информационного противоборства к началу XX в. достигло весьма высокого уровня. В пропагандистских материалах для увеличения их действенности стали объединять аргументы самого различного свойства: политические и религиозные, морально-эстетические и просто шкурнические. Прокламации и воззвания стали печататься внушительными тиражами, для обеспечения широкой циркуляции пропагандистских документов применялись специальные меры. И хотя к этому периоду времени не был создан ни один специальный пропагандистский орган, информационно-пропагандистское воздействие заняло прочное место в арсенале средств информационного противоборства.

Всё это послужило основой для наращивания усилий в информационном противоборстве в XX и начале XXI в. и привело к тому, что для достижения своих геополитических целей, отстаивания национальных интересов, обеспечения безопасности, суверенитета и территориальной целостности руководители многих государств всё чаще стали прибегать к использованию информационного оружия вместо боевых действий. В настоящее время на лидерство в мире в политической, экономической и военной областях в состоянии претендовать только те государства, которые доминируют в информационном противоборстве, располагают достаточными собственными информационными ресурсами, эффективными силами и средствами информационного воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аничков М. В. Итоги и уроки трансваальской войны. СПб., 1903. 41 с.
Воронков В. М. Англо-бурская война. М., 1933. 68 с.
Габриэль Ричард А. Ганнибал. Военная биография величайшего врага Рима. М. : Центр полиграф, 2012. 179 с.
Геродот. История в девяти книгах. М., 1988. Кн. 7. 124 с.
Конрад Н. И. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М.–Л., 1950. 43 с.
Кутузов М. И. Сборник документов. М., 1956. Т. 4. 29 с.
Лайнбарджер П. Психологическая война. М. : Воениздат, 1962. 45 с.
Лиддел Гарт Б. Г. Вторая мировая война. М. : АСТ, СПб. : Terra Fantastica, 1999. 56 с.
Ло Гуань-чжун. Троецарствие. М., 1954. Т. 1. 71 с.
Новицкий В. Ф. Можно ли было выручить Порт-Артур в мае 1904 года? Психолого-стратегический очерк (с планом и тремя схемами). СПб. : Тип. Т-ва п. ф. «Электро-Типография Н. Я. Стойковой», 1912. 66 с.
Полное собрание русских летописей. СПб., 1841. Т. 1. 27 с.
Разин Е. А. История военного искусства. М., 1955. Т. 1. 94 с.
Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.–Л., 1960. С. 323–324.
Скосаревский А. Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну (Психологический этюд). СПб., 1911. 53 с.
Тайны русско-японской войны. М., 1993. 67 с.
Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 11-е изд. М., 1909. Т. 7. 225 с.
Юровская Е. Е. Первые империалистические войны. М., 1963. 92 с.
Butterfield L. H. Psychological warfare in 1778: Th Jefferson-Franklin in Plan to Cause Hessian Desertions // Proceedings of American Philosophical Society. 1950. Nr. 3. P. 341.
Bullard A. The Russian Pendulum: Autocracy – Democracy – Bolshivism. New York : Macmillan, 1919. 276 p.
Dillon E. The Eclipse of Russian. New York, 1918. P. 291–292.
Holtman R. B. Napoleonic Propaganda. Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1950. 272, xv p.

REFERENCES

Anichkov M. V. Itogi i uroki transvaal'skoj vojny. SPb., 1903. 41 s.
Voronkov V. M. Anglo-burskaja vojna. M., 1933. 68 s.
Gabrijel' Richard A. Gannibal. Voennaja biografija velichajshego vraga Rima. M. : Centr poligraf, 2012. 179 s.
Gerodot. Istorija v devjati knigah. M., 1988. Kn. 7. 124 s.

Konrad N. I. Sun'-Czy. Traktat o voennom iskusstve. M.–L., 1950. 43 s.
Kutuzov M. I. Sbornik dokumentov. M., 1956. T. 4. 29 s.
Lajnbardzher P. Psihologicheskaja vojna. M. : Voenizdat, 1962. 45 s.
Liddel Gart B. G. Vtoraja mirovaja vojna. M. : AST, SPb. : Terra Fantastica, 1999. 56 s.
Lo Guan'-chzhun. Troecarstvie. M., 1954. T. 1. 71 s.
Novickij V. F. Mozhno li bylo vyruchit' Port-Artur v mae 1904 goda? Psihologo-strategicheskij ocherk (s planom i tremja shemami). SPb. : Tip. T-va p. f. «Jelektro-Tipografija N. Ja. Stojkovoj», 1912. 66 s.
Polnoe sobranie russkih letopisej. SPb., 1841. T. 1. 27 s.
Razin E. A. Istorija voennogo iskusstva. M., 1955. T. 1. 94 s.
Rotshtejn F. A. Mezhdunarodnye otnoshenija v konce XIX veka. M.–L., 1960. S. 323–324.
Skosarevskij A. Iz boevoj zhizni oficera-razvedchika v russko-japonskuju vojnu (Psihologicheskij jetjud). SPb., 1911. 53 s.
Tajny russko-japonskoj vojny. M., 1993. 67 s.
Jenciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. 11-e izd. M., 1909. T. 7. 225 s.
Jurovskaja E. E. Pervye imperialisticheskie vojny. M., 1963. 92 s.
Butterfield L. H. Psychological warfare in 1778: Th Jefferson-Franklin in Plan to Cause Hessian Desertions // Proceedings of American Philosophical Society. 1950. Nr. 3. P. 341.
Bullard A. The Russian Pendulum: Autocracy – Democracy – Bolshivism. New York : Macmillan, 1919. 276 p.
Dillon E. The Eclipse of Russian. New York, 1918. P. 291–292.
Holtman R. B. Napoleonic Propaganda. Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1950. 272, xv p.

УДК 94(47)

И. Г. Пономарева

кандидат исторических наук, доцент;
доцент кафедры исторических наук
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vasiliy_ii@mail.ru

ТЕРМИНОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Древнерусская терминология отношений сюзеренитета-вассалитета до настоящего времени остается малоизученной. В статье представлена лексика (слова и выражения), использовавшаяся в рамках функционирования этого института. Она характеризует служебные отношения на Руси как сложившуюся и относительно упорядоченную систему. Хронологически исследование, основанное на летописных и актовых источниках, не выходит за пределы XVI в., так как к XVII в. служебные отношения утрачивают черты, характерные для сюзеренитета-вассалитета.

Ключевые слова: сюзеренитет; вассалитет; дружина; княжеский двор; Государев двор; служебные отношения.

I. G. Ponomareva

PhD, Associate Professor, Department of Historical Sciences,
Institute of Humanities and Applied Sciences,
Moscow State Linguistic University; e-mail: vasiliy_ii@mail.ru

TERMINOLOGY OF OLD RUSSIAN VASSAL RELATIONS

The ancient Russian terminology of vassalage relations has remained little studied to date. The article presents vocabulary (words and expressions) used in the framework of this institution. It characterizes service relations in Russia as an established and relatively regulated system. The study is based on annalistic and actual sources. It does not go beyond the 16th century, since by the 17th century the service relationships have lost the features specific to vassalage.

Key words: suzerainty; vassalage; Druzhina; Prince's court; sovereign's court; service relationship.

Введение

В исторической науке давно выработан «универсальный» понятийный аппарат для описания и объяснения реалий института сеньоритета-вассалитета / сюзеренитета-вассалитета[1]. Вместе с тем

[1] В статье предпочтение отдано термину «сюзеренитет-вассалитет», так как в представленных материалах сеньорами всегда выступают владетельные князья.

CC BY

принято использовать современные описываемому времени обозначения, бытовавшие в отдельных странах и регионах. Оригинальная терминология древнерусских служебных отношений до настоящего времени не получила должного внимания историков: попадаются ценные, но разрозненные замечания в рамках тематически близких исследований, специальные исследования крайне малочисленны [Рукавишников 2005; Мининкова 2007, с. 153–180; Стефанович 2011, с. 392–410]. Между тем, без заполнения этого историографического пробела невозможны: ни правильная трактовка источников, ни освещение отдельных сюжетов отечественной истории, ни осмысление ее самого длительного периода в целом.

Целью данного исследования было пополнение наработок предшественников и систематизация собранного материала. Автор осознает как невозможность исчерпать тему одним исследованием, так и определенную сложность ее разработки [Михайлова 2011, с. 63–94], также автор рассчитывает вдохновить коллег на дальнейшие изыскания.

Хронологически работа не выходит за пределы XVI в., на протяжении которого древнерусские служебные отношения утрачивают черты, характерные для сюзеренитета-вассалитета.

Сюзеренитет-вассалитет и его оформление

Формирование княжеских дружин – важнейшего элемента становления древнерусской государственности, сопровождалось выработкой особой системы поведенческих норм, «дружинного права»[1] с надлежащей терминологией, эволюционировавшей по мере развития системы служебных отношений. Обозрению этой лексики необходимо предпослать две важные оговорки. Во-первых, часть слов и выражений параллельно активно использовалась и вне контекста сюзеренитета-вассалитета. Во-вторых, наряду с оригинальной лексикой историки оперируют введенной. К таковой относятся словосочетания: ***служебные отношения*** и ***отношения господства-подчинения***. Первое, более распространенное, опирается на источники, в которых встречаются в соответствующем контексте однокорневые лексемы: *слуга*, *служебник*, *служба*, *служебный*, *служить*. Второе появилось как отражение иерархичности служебных отношений.

[1] Совокупность правовых норм, использовавшихся тогда в служилой среде, В. Т. Пашуто выразительно назвал «рыцарской правдой» [Пашуто 1965, с. 69].

Ключевые слова для характеристики отношений между господином и слугой – *служба* и *служить*. По свидетельству летописца, князь Юрий Львович Белзский, обращаясь к своему дяде и господину Владимиру Васильевичу Волынскому 6796 (1288) г., сказал: «Б҃ъ вѣдаетъ и ты, како ти есмь *слоужилъ* со всею правдою своею (согласно присяге)» [Полное собрание русских летописей 1998, т. 2, стб. 911]. В договоре великого князя московского Дмитрия Ивановича с удельным князем Владимиром Андреевичем Серпуховским середины 60-х гг. XIV в. [Кучкин 1998, с. 44] применительно к последнему: «А тобѣ, брату моѥму молодшему, мнѣ *служити* безъ ослушаньꙗ по згадцѣ[1], како бу*д*(е)ть мнѣ слично [Словарь русского языка … 2000, вып. 25, с. 89] и тобѣ, брату моѥму молодшему» [Духовные договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950, № 5, с. 21].

Сюзеренитет на Руси назывался ***старейшинством***. Обозначение этим словом первенства как политического главенства, если учитывать датировку раннего летописания, появилось не позднее XII в. [Словарь русского языка … 2006, вып. 27, с. 208], но вероятно возникло значительно раньше.

Изначально старейшинство трактовалось как родовое старшинство или первенство по соглашению, основанному на нравственном начале [Сергеевич 2007, с. 171; Соловьев 1847; Соловьев 1988, с. 333–339]. Постепенно это мнение стало пересматриваться. Посвятивший специальное исследование терминам родства Я. А. Голяшкин пришел к заключению, что под старейшинством князя «надо разуметь не зрелость возраста или вообще место, занимаемое им в княжеском роду… а известные политические преимущества» [Голяшкин 1898, с. 265]. А. Е. Пресняков полагал, что с середины XI в. старейшинство, как и междукняжеские отношения вообще, постепенно утрачивало свое родовое начало, приобретая политическое значение [Пресняков 1909, с. 110–111]. Позиция С. В. Юшкова была еще категоричнее: «Достаточно вчитаться в летописные свидетельства, чтобы убедиться, что старейшинство означает сюзеренитет, политическое верховенство» [Юшков 1949, с. 330]. Его мнение было поддержано В. Т. Пашуто и Л. В. Мининковой [Пашуто 1965, с. 53, 58; Мининкова 2007, с. 178–179]. Частичным возвращением к прежнему пониманию

[1] Соглашению, уговору [Словарь русского языка XI–XVII вв. 1996, вып. 23, с. 229].

выглядят высказывания М. Л. Лавренченко. В слове на смерть Изяслава Ярославича (умер в 1078 г.) летописец вспоминает о великодушном прощении им побежденного брата Всеволода в благодарность за то, что тот ранее признал Изяслава себе «старѣишиной» [Полное собрание … 1997, т. 1, стб. 202–203]. В 1243 г. Батый назначил Ярослава Всеволодовича «стареи всем князем» (в МЛС: несколько иначе: «Дасть ему стареишиньство». Полное собрание … 1997, т. 1, стб. 470; 2004, т. 25, с. 136]. В 1252 г. Александр Ярославич Невский был отпущен татарами на Русь, получив «старѣишиньство во всеи братьи ѥго» [Полное собрание … 1997, т. 1, стб. 473, стб. 372–373; Полное собрание … 2004, т. 25, с. 96].

В XIV–XV вв. к термину «старейшинство» вернулся его изначальный смысл, им вновь стали обозначать родовое старшинство, что было следствием закрепления за владимирским князем статуса номинального правителя Руси. Все претенденты на великое княжение были представителями одной ветви Рюриковичей, и родовое «старейшинство» вновь стало использоваться для обоснования прав на статус сюзерена других князей [Полное собрание … 2004, т. 25, с. 153, 161].

Установление отношений (в западноевропейской историографии – оммаж) оформлялось договором через публичную процедуру (документирование фиксируется только для князей). Этот сюжет освящен в отдельной статье [Пономарева 2015], поэтому далее приводятся только отсутствующие в ней и необходимые здесь примеры.

Договор назывался ***ряд***, производные лексемы: ***взять*** / ***дать ряд*** или ***крепость*** / ***правду*** (присягу), ***урядиться***. Во время похода зимой 6887 (1379) г. в литовские пределы московское войско подошло к Трубчевску. Князь Дмитрий Ольгердович Брянский, Трубчевский и Стародубский «не сталъ на бой», а с семьей и двором приехал в Москву к Дмитрию Ивановичу и «*урядися* у него *въ рядъ*» [Полное собрание … 2000, т. 11, с. 45; Приселков 1950, с. 419].

Поступление на службу инициировала коммендация, на Руси – ***челобитье***, а соответствующее действие и акт коммендации в целом обозначались словосочетаниями: ***бить челом*** или ***ударить челом***, глаголами: ***кланяться, поклониться***, в XIV–XVI вв. – ***приказаться*** (см. также: [Павлов-Сильванский 1988, с. 438–439]). Из уставной грамоты московского великого князя Василия Дмитриевича 1392 или 1404 г.: «А ктѡ бꙋде*т* бѡꙗръ или слꙋ*г* не слꙋживa*л* Алексѣю митрополитꙋ,

а приказа*лс*ѧ ново митрополитꙋ, а тѣ поидꙋ*т* по*д* мои*м* воеводѡю великѡ*г*(о) кн(я)зѧ» [Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. 1964, № 6, с. 19].

По-видимому, присутствием манипуляций в обряде объясняется использование слов и оборотов: ***подручник, быть под рукой, ходить в руку, даться в руки***. Отсюда – установление сюзеренитета обозначалось формулами: ***принять под свою руку*** (***с любовью***), ***принять в сердце, приять в любовь*** / ***с любовью***), ***принять*** / ***приять в приязнь*** / ***приязньство*** (о смысле некоторых формул см.: [Стефанович 2008, с. 170–175]). Соответственно, со стороны вассала озвучивалась готовность ***быть в сердце***, ***в приязньстве***. В 6488 (980) г. в ответ на предложение князя Владимира Святославича поступить к нему на службу воевода его брата Блуд ответил: «Буду тобѣ въ с(е)р(д)це и въ приязньство» [Полное собрание … 1997, т. 1, стб. 76]. Мазовецкий князь Конрад II в 6795 (1287) г., узнав, что Владимир Василькович Волынский составил завещание в пользу своего двоюродного брата Мстислава Даниловича Луцкого, послал к нему своего человека с просьбой: «Гн҃е, братъ мои, ты же ми былъ во ѡц҃а мѣсто: како *мѧ* еси *держалъ подъ своею роукоую* своею млт҃ью, тобою есмь господине кнѧжилъ и городы своѣ держалъ. Надѣюсѧ на Бъ҃ и на тѧ, абы ть гн҃ъ мои, послалъ свои посолъ с моимъ посломъ ко брату своемоу Мьстиславоу, абы мѧ, гн҃е, со твоею млт҃ью *приѧлъ* братъ твои *под свою роукоу*». Просьба была выполнена, и Мстислав откликнулся на нее, передав: «Радъ… *приимаю с любовью подъ свою роуку*» [Полное собрание … 1998, т. 2, стб. 906–907]. В договор (1389 г.) Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским включена древняя формула: «Се ꙗз, кнѧз(ь) великыи Дмитрии Иванович, *приꙗлъ есмъ в любовь* брата своего молодшего и своего с(ы)на, кнѧзѧ Володимера Андрѣевич(а)» [Духовные и договорные грамоты … 1950, № 11, с. 30][1]. Выражение приязни и любви, радости означали благосклонность и благожелательность к обращавшемуся, готовность покровительствовать, сулившие ожидаемое от господина благополучие. Разъяснение приведенных выражений дает Ж. Дюби, исходя из эволюции отношений в дружинной среде, где люди изначально были соратниками. «К опыту отношений родственных, связей между людьми

[1] О последней датировке – 25 марта 1389 г. – см.: [Кучкин 2007, с. 280].

старыми и молодыми, добавляется схожий опыт отношений вассальных: единение сердец между двумя людьми – или, скорее, между отрядом воинов и их начальником, скрепляется взаимностью обмена (обязательств. – *И. П.*)». Это – «взаимность, но при иерархической организации» [Дюби 2000, с. 73].

Основополагающей частью оммажа была присяга, включавшая перечень обязательств вассала, важнейшим из которых была преданность сеньору (западноевроп. *fidelitas* от лат. *верность*, так называемая клятва верности). На Руси бытовали выражения ***давать*** / ***брать клятву***, ***правду***, ***крепость***, (***за***)***ходить в роту***[1]. В летописании в статье за 6488 (890) г. рассказывается, что после убийства Ярополка Святославича его приближенный Варяжко «бѣжа съ двора в Пєченѣгы и мьного воєва с Пєченѣгы на Володимера, и ѡдва приваби (зазвал, привлек к себе), и (Варяжко) заходив к нему в *рот*ѣ» [Полное собрание … 1997, т. 1, стб. 78; 1998, т. 2, стб. 66; Словарь русского языка … 1994, вып. 19, с. 103][2]. Перешедший в 1379 г. на службу к московскому князю Дмитрий Ольгердович «урядися у него въ рядъ и *кр*ѣ*пость взя*. Князь великій же, *давъ ему кр*ѣ*пость* и рядъ» [Полное собрание … 2000, т. 11, с. 45; Приселков 1950, с. 419]. После поражения Мамая в 1380 г. на Куликовом поле татарские князья «биша челом царю Токтамышу, и даша ему *правду* по своеи вѣрѣ, и пиша к нему *роту*, и яшася за него, а Мамая оставиша» [Полное собрание … 2000, т. 15, стб. 141].

Поступавший на службу заявлял о готовности пожертвовать жизнью ради господина – ***сложить голову***, по наблюдениям С. П. Стефановича, с XIII в. – ***служить животом*** [Стефанович 2008, с. 267], с XV в. – ***служить*** (***до своего***) ***живота***.

Л. В. Черепнин находил, что прием на службу считался ***жалованием*** господина [Черепнин 1940, с. 60]. Слова *жалование*, *пожалование* и производные глаголы фиксируются в источниках с XIV в. (По)жалованием считалось и наделение вассала чем-либо вообще,

[1] Последнее слово часто фигурирует в контексте внешнеполитических отношений с глаголами: *вести, завести, привести*; *водить, взимать, привести*; *дати, внити, идти, ходить*; *потоптать, перетупить* [Словарь русского языка … 1977, вып. 22, с. 220, 221].

[2] Это редкое и самое раннее прямое известие о клятве-присяге князю, совершенной не князем.

например княжением. Так, Василий II стал великим князем по «жалованью» хана. В послании 1447 г. удельному князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке церковные иерархи напомнили ему: «Тебе князь великій (Василий II. – *И. П.*) *пожаловалъ*, по твоему челобитью *вотчину твою тобѣ далъ* и въ докончяніе тя пріялъ» [Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией 1841, т. I, № 40, с. 77]. Пожалование-наделение землями и должностями выступает аналогом инвеституры [Пономарева 2018, с. 17–36]. В ранних источниках оно соотносится со словами: ***посажение***, ***введение***, ***посадить***, ***дать***, ***ввести***, ***вводить***. Ярополк Изяславич, перечисляя добродетели отца (ум. в 1078 г.), вспоминал: «*Введе* мѧ на столъ мои» [Полное собрание … 1997, т. 1, стб. 202–203]. Лишение пожалования соответственно передавалось словами ***выводить*** и ***свести***. В 6658 (1150) г. Юрий, по совету бояр, исходя из политической целесообразности *«вывел»* из Вышгорода сына Андрея, передав его своему брату Вячеславу [там же, стб. 326].

Объект пожалования издревле назывался ***кормлением***. Красноречив текст из приведенной ранее статьи договора московского великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Серпуховским: «А *тобѣ*, брату моѥму молодшему, мнѣ служити безъ ослушаньꙗ по згадцѣ, како бу*д*(е)ть мнѣ слично и тобѣ, брату моѥму молодшему, *а мнѣ тобе кормити по твоѥи службѣ*». В том же договоре записано, что в случае желания «боярина» отъехать с кормления, «службы не отъслуживъ», ему следовало либо «дать» *кормление* «по исправѣ», либо отслужить [Духовные договорные грамоты … 1950, № 5, с. 21][1]. Сохранились *кормленные грамоты* XV–XVI вв. представителям княжеской администрации с указанием размера их натурального и денежного содержания (за счет населения).

Кормление (в значении «содержание, обеспечение» [Словарь русского языка … 1980, вып. 7, с. 322]) и «пожалование» (милость, благодеяние, награда, дар, вознаграждение, доброта, любезность [Словарь русского языка … 1990, вып. 16, с. 92–93]) семантически соотносимы с «бенефицием» (от *лат*. beneficium – благодеяние). Очевидно и смысловое сходство терминов, обозначающих

[1] В данном случае «боярин» – представитель значимой части нетитулованных членов Двора. Аналогично в земельных актах используется понятие «боярская земля» для обозначения владений княжеских вассалов.

княжеские земельные владения, ***держание*** (среди значений: *владение, обладание и правление, управление* [Словарь русского языка … 1977, вып. 4, с. 223]) и ***волость*** (производное от *власть*). «Держава» в ряде современных славянских языков означает «страна», но в польском (dzierżawa) сохранился исконный смысл – «аренда, владение». Название «волость» (ср.: «власть») непосредственно отражает сопряженность выделения сюзереном территории в качестве «кормления» с делегированием получателю управленческих функций. Истоки явления ведут нас в IX в. к временам Рюрика. По наблюдениям А. А. Горского, волостями в XI–XII вв. в пределах Древнерусского государства уже именуются, главным образом, владения Рюриковичей, и они предстают устойчивыми элементами древнерусской государственной территории, сопоставимыми с герцогствами и графствами [Горский 2004, с. 80–87].

Сюзерены и вассалы

На Руси сеньор и сюзерен обозначались словом ***господин***, с XV в. – ***господарь*** (вар.: ***осподарь***)[1], применительно к великому князю – государь[2]. *Господин* – производное от слова *Господь*, исходя из характера служебных отношений, подразумевающих покровительство сеньора / сюзерена по отношению к вассалу. Это демонстрирует формула из ритуального текста при оформлении сюзеренитета-вассалитета. В 6656 (1148) г. сын Юрия Долгорукого Ростислав, рассорившись с отцом, пришел к Изяславу Мстиславичу Киевскому и «поклонился». Летопись передает произнесенные Ростиславом слова, обращенные к Изяславу: «нарекъ Ба҃ и тебе» [Полное собрание … 1998, т. 2, стб. 367], что означало наречение-признание Ростиславом наряду с Богом – Господином небесным, Изяслава – господином земным.

В отечественной историографии давно отмечено использование терминов родства в служебной иерархии (***отец***, ***старейший брат*** – сеньор / сюзерен; ***сын***, ***младший брат*** – вассал). Владимир Святославич,

[1] Все термины встречаются в ранних источниках и в значении «хозяин, владелец чего-либо или кого-либо» (*«Книги законные», с. 58. П. 2, 12, 15, 30, 46, 68–70, 72, 74; Русская правда, с. 48*).

[2] Трансформация *господин – государь*, отразила развитие «публичного» начала княжеской власти, сопровождавшееся, в числе прочего, эволюцией отношений служебных по типу сюзеренитета-вассалитета в подданнические.

склоняя на свою сторону воеводу Блуда, через посла передал: «Имѣти тѧ хочю во ѡ҃ца мѣсто» [Полное собрание … 1997, т. 1, стб. 76]. В 6662 (1154) г. киевский князь Вячеслав Владимирович, призвал племянника Ростислава Мстиславича. Сообщив ему о том, что по причине старости он готов уступить ему фактическую власть, сохранив формально сюзеренитет, предложил: «Ты мѧ имѣи ѿ҃мь и чѣ҃ть на мнѣ держи». «Ростиславъ же то слышавъ и поклонисѧ ѿ҃цю», сказал: «Имѣю тѧ ѿ҃мь, гн҃омъ» и готов быть в твоей воле [Полное собрание … 1998, т. 2, стб. 470–471]. С. В. Юшков, разъясняя использование для передачи вассальных иерархических связей терминов кровного родства, написал, что сюзеренитет-вассалитет в XI в. еще переплетался с элементами родовых отношений, на что и указывает употребление терминов «отец», «быти в отца место», «сын», «старейшина» и тому подобное, но, будучи семейными по форме, княжеские отношения по существу уже тогда были вассальными и территориальными [Юшков 1949, с. 327, 332]. Понятно, что терминология с использованием слов, обозначающих родство, базируется на древнейшей общественной иерархии, проистекавшей из естественного старшинства, и перенесенной на рождавшиеся новые социальные связи, в которых присутствовали отношения доминирования, покровительства со стороны одних членов общества и подчинения со стороны других. В этом не было уникальности, и в Западной Европе сеньор, старейшина – условный отец, вассал – условный сын [Дюби 2000, с. 73].

Родовая терминология для обозначения политической иерархии сохранялась очень долго. В княжеских договорах она встречается до конца правления Ивана Грозного. В завещании Ивана Калиты его младшие сыновья, «братья молодшая» будущего великого князя – старшего сына Семена, «приказываются» ему. В его договоре с братьями последние обязуются чтить его как «брата старейшего» и господина, «въ отцево мѣсто» [Духовные и договорные грамоты … 1950, № 1, с. 8, 10; № 2, с. 11]. Подобного распоряжения нет в завещаниях Семена Ивановича и Ивана Ивановича, но оно присутствует в душевных Дмитрия Ивановича и его преемников Василия I, Василия II и Ивана IV (завещание Василия III не дошло).

Большая часть вассалов была задействована на военной службе. Наряду с определениями их статусных категорий в источниках встречаются названия должностей, но далее речь пойдет о внутрисословном»

делении, подобии «феодальной лестницы». Для вассалов-князей специальное название не находится, видимо, вследствие родства сюзеренов и вассалов. Для членов дружины (ранней формы военной корпорации лиц на княжеской службе) использовались определения: ***мужи*** и ***детские***, возможно и ***отроки*** [Горский 1989, с. 39–55]. Со временем эти определения были заменены и дополнены другими. По наблюдениям В. Д. Назарова, с XII в. во владимирском летописании фиксируется термин «дворянин», с первой половины XIII в. в ростовском – «слуга» для лиц из княжеского окружения [Назаров 1978, с. 113–114][1]. Кстати, западноевропейское слово *вассал* происходит от фр. *vassal* из лат. *vassallus – слуга*. К концу XIV в. дружина пережила глубокую трансформацию, что отразилось на ее переименовании в двор. С первой трети XV в. встречается название для следующей после бояр страте двора – ***дети боярские*** (просматривается аналогия с детскими). При этом их, наряду с другими членами двора ниже бояр, нередко обобщенно называли слугами и дворянами. Последовательно использовалась формула *бояре и слуги*. А в XVI в. словосочетание *слуга и боярин* уже применялось даже в отношении самых видных бояр [Тихомиров 1930, с. 35]. Встречается и универсальное – ***человек*** (***люди***). Выразителен пример из XV в., в котором «человеком» великого князя назвался удельный князь. На просьбу Василия II, обращенную к Ивану Андреевичу Можайскому после поражения в битве 20 марта 1434 г. не «отступать» от него, тот ответил: «Господине, государь, гдѣ ни буду, а вездѣ твои чѣловекъ» [Полное собрание … 2004, т. 25, с. 251].

Прекращение отношений

Разрыв отношений оформлялся особой процедурой [Павлов-Сильванский 1988, с. 99, 102; Веселовский 1969, с. 476–477. Мнение предшественников оспаривает С. П. Стефанович 2008, с. 209–269]. Встречаются выражения: ***сложение целования*** и ***сложить целование***. В 1492 г. брат Ивана III – Андрей, вступив в сговор с польским королем и ханом Большой Орды, «отъезжал» от него, и великий князь из-за

[1] Специального исследования требует выяснение, с какого времени оба термина начали использоваться для обозначения свободных лиц, поступивших на княжескую службу. Возможно, будет выявлена хронологическая связь с монгольским завоеванием, в ходе которого существенная часть дружинников погибла, что потребовало восполнение дружин людьми из других социальных групп.

измены «сложил с себя крестное целование» к брату [Полное собрание … 2004, т. 25, с. 333]. Логично предположить, что эта практика появилась вскоре (но вернее будет считать – сразу) после введения для закрепления договоров крестоцелования (в летописании фиксируется в статьях о событиях XI в.). В ранний период, конечно, были другие формы клятв во исполнение и расторжения отношений. Исходя из названия (***разметная грамота***) можно предположить, что князьями или их посыльными практиковалось демонстративное разметание, бросание грамот (летописцы используют глаголы *взвергнуть*, *повергнуть*), похоже, если не всегда, то иногда после их раздирания. Термин ***складная грамота***, очевидно, напрямую связан со «сложением целования»: грамоту возвращали с соответствующим заявлением [Полное собрание … 1998, т. 2, с. 315; 2004, т. 25, с. 97, 98, 286, 311].

Акт разрыва отношений в материалах XV в. назывался ***отказ*** или ***отъезд***, были в обиходе производные глаголы ***отказаться*** и ***отъехать***, а также ***отступить***. Когда в 1118 г. Ярослав Святополчич бежал из Владимира в Венгрию, бояре «ѿ*тступиша* ѿ него» [Полное собрание … 1998, т. 2, стб. 285]. Юрий Дмитриевич Галицкий в 1433 г. овладел московским столом, но вынужден был отказаться от власти. Летописец написал, что «многые люди начаша *отказываться* от князя Юрья за великого князя» [Полное собрание … 2004, т. 25, с. 251]. Захвату заговорщиками Василия II в 1446 г. предшествовало предупреждение некоего Бунко: «И не ятъ ему вѣры, понеже бо тотъ Бунко за мала того преже *отъехал* къ князю Дмитрею» [там же, с. 264–265].

В подавляющем большинстве случаев разрыв был следствием невыполнения принятых сторонами обязательств. Для вассала поводом была ***обида*** на господина. По наблюдениям П. С. Стефановича, это слово встречается применительно к служебным отношениям только в поздних источниках [Стефанович 2008, с. 256]. Вместе с тем оно активно использовалось с древности в значении «быть в обиде на кого-либо», «быть или стоять за чью-либо обиду» [Словарь русского языка … 1987, вып. 12, с. 49], и вполне могло употребляться в контексте служебных отношений.

Главной причиной недовольства сеньором / сюзереном, несомненно, было не исполнение им главной обязанности – ***«блюсти»*** вассала. Глагол *блюсти*, соотнесенный с виной, встречаем в статье

Новгородской первой летописи за 1136 г., правда, вне связи со служебными отношениями. Новгородцы задумали изгнать князя Всеволода Мстиславича, так как он «не блюдет смердъ» [Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов 1950, с. 209]. Этот глагол в значении «заботиться» встречается также, например, в статье за 6420 (912) г. [Полное собрание … 1998, т. 2, стб. 29]. В договорах XIV–XV вв. обязанность великого князя московского по отношению к удельным князьям ***блюсти***, ***не обидеть***, ***держать без обиды***, ***боронить***, ***печаловаться*** встречается регулярно, как и обоюдное обещание ***желать добра*** (разумеется, и творить). В 1392 г. нижегородский князь Борис Константинович, когда возникла угроза утраты владений из-за посягательств московского князя Василия I, созвал бояр и призывая хранить ему верность, напомнил о своей «*доброте*» к ним [Приселков 1950, с. 439].

Для сюзерена причиной недовольства была ***вина*** вассала, следствием которой был ***гнев***, по меньшей мере с XIII в., появляется слово ***опала*** [Стефанович 2008, с. 211–212; Полное собрание … 1998, т. 2, стб. 849]. Наказанию предшествовало ***обличение*** во время публичного разбирательства – ***исправы***. В 6734 (1226) г. галичский князь Мстистлав Мстиславич изгнал боярина Жирослава, *«обличив»* его перед другими боярами в клевете. В договоре великого князя московского Семена Ивановича с братьями читаем: «[А кто и]мет на*с* сваживати наш[и бояре, *испра*]*ва* ны *оучинити*, а ***нелюбьꙗ не держати*** (выражение, означающее отсутствие или снятие гнева, опалы), [а *винов*]*атого казнити по* [*исправѣ*]» [Полное собрание … 1998, т. 2, стб. 747–748; Духовные и договорные грамоты … 1950, № 2, с. 11]. Реконструкция текста: [Кучкин 2009, с. 144].

В числе главных вин вассала были ***лесть*** (упоминается в летописных статьях с конца X в.), пóзднее определение – ***хитрость***[1], и ***измена***. В конечном протоколе договоров московских династов неизменно присутствовала заключительная фраза: «На семь на всемь целовали ꙗсмы межи собе кр(е)стъ, по любви, в правду, *безо всѧкоꙗ хитрости*» [Духовные и договорные грамоты … 1950, № 2, с. 13; № 5, с. 21; № 9, с. 28]. В договоре новгородцев с Михаилом Александровичем

[1] Оба слова означали «обман», часто сопряженный с изменой [Словарь русского языка … 1981, вып. 8, с. 215]. С. П. Стефанович прибавляет слову «лесть» прямое значение – «измена» [Стефанович 2008, с. 256, 261].

Тверским (1371 г.) оговаривалось, что если он не получит великого княженья, то его наместники будут выдворены из Новгорода (признававшего суверенитет великого князя владимирского), и это не будет считаться предательством: «А в томъ Новугороду измѣны нѣту» [Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949, № 15, с. 30][1].

Заключение

Историкам еще предстоит большая работа по дополнению комплекса служебной терминологии, ее анализу, систематизации и обобщению, но опираясь на собранный материал, можно уверенно сказать, что древнерусская служебная практика выработала достаточно развитый понятийный аппарат, отражавший самые разные аспекты ее функционирования на протяжении восьми веков, что характеризует ее как сложившуюся, упорядоченную и устойчивую систему. Семантически слова и выражения вполне коррелируются с западноевропейскими, причем без прямых заимствований, последнее историкам еще предстоит осмыслить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. Т. I. 551 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. / Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин и др. М. : Наука, 1964. Т. 3. 689 с.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. : Наука, 1969. 584 с.

Голяшкин Я. А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Издания Исторического общества при Московском университете. Рефераты, читанные в 1896 и 1897 гг. М., 1898. Т. 2. С. 211–285.

Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М. : Прометей, 1989. 124 с.

Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М. : ЯСК, 2004. 368 с.

[1] Из-за республиканской формы правления Новгород в одних случаях выступал сюзереном (отсюда: *Господин* Великий Новгород), в других (как в данном случае) – вассалом.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.

Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М. : ЯРК, 2000. 320 с.

«Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. Т. XXXVIII. № 3. СПб., 1885. 769 с.

Кучкин В. А. Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. М. : URSS, 1998. С. 11–64.

Кучкин В. А. Последний договор Дмитрия Донского // Средневековая Русь. М. : Индрик, 2007. Вып. 7. С. 275–316.

Кучкин В. А. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. М. : Индрик, 2009. Вып. 8. С. 101–175.

Лавренченко М. Л. «Быти всём за один брат». Прагматика терминов родства в диалогах Киевской летописи (1146–1154) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 43–57.

Мининкова Л. В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. Ростов-н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. 520 с.

Михайлова Ю. А. О некоторых направлениях в современной медиевистике и их значимости для изучения Древней Руси // Средневековая Русь. М. : Индрик, 2011. Вып. 12. С. 63–94.

Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М. : Наука, 1978. С. 104–123.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. М. : Наука, 1988. 690 с.

Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М. : Наука, 1965. С. 11–277.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. 514 с.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. СПб. : Типография М. А. Александрова, 1909. 315 с.

Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М. : ЯРК, 1997. 496 с. ; Т. 2 : Ипатьевская летопись. М. : ЯРК, 1998. 648 с. ; Т. 11 : Никоновская летопись. М. : ЯРК, 2000. 264 с. ; Т. 15 : Рогожский летописец. М. : ЯРК, 2000. 608 с. ; Т. 23 : Ермолинская летопись. М. :

ЯСК, 2004. 256 с. ; Т. 25 : Московский летописный свод конца XV в. М. : ЯСК, 2004. 488 с.

Пономарева И. Г. Инвеститура в Древней Руси // Историк и источник. СПб. : Искусство России, 2018. С. 17–36.

Пономарева И. Г. Обряд вассальной присяги в Древней Руси // «Studia Historica Europae Orientalis / Исследования по истории Восточной Европы. Минск : Республиканский ин-т высшей школы, 2015. Вып. 8. С. 63–76.

Рукавишников А. В. Древнерусская знать домонгольского периода (историко-терминологическое исследование) : дис. … канд. ист. наук. М., 2005. 176 с.

Русская правда (Краткая ред.) // Российское законодательство X–XX вв. М. : Юридическая литература, 1984. Т. 1. С. 47–49.

Сергеевич В. И. Древности русского права. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2007. Т. 2. 595 с.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках М. : Индрик, 2012. 656 с.

Стефанович П. С. Древнерусские выражения верности дружинников и присяга в сравнительном контексте // Образы прошлого: сборник памяти А. Я. Гуревича. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 392–410.

Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М. : Индрик, 2008. С. 148–269.

Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М. : Университетская тип., 1847. 699 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. I. 797 с.

Словарь русского языка XI–XVIII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Наука – Азбуковник, 1975– . 1977. Вып. 4. 403 с. ; 1980. Вып. 7. 403 с. ; 1981. Вып. 8. 351 с. ; 1987. Вып. 12. 381 с. ; 1990. Вып. 16. 295 с. ; 1994. Вып. 19. 272 с. ; 1997. Вып. 22. 298 с. ; 1996. Вып. 23. 253 с. ; 2000. Вып. 25. 273 с. ; 2006. Вып. 27. 276 с.

Тихомиров М. Н. Феодальный порядок на Руси. М. ; Л. : Молодая гвардия, 1930. 80 с.

Черепнин Л. В. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV–XVI вв. // Исторические записки. М. : Изд-во АН СССР, 1940. Т. 9. С. 31–80.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. : Гос. изд-во юридической литературы, 1949. 544 с.

REFERENCES

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arheograficheskoj komissiej. SPb. : Tip. Jekspedicii zagotovlenija Gosudarstvennyh bumag, 1841. T. I. 551 s.

Akty social'no-jekonomicheskoj istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV – nachala XVI v. : v 3 t. / B. D. Grekov, L. V. Cherepnin i dr. M. : Nauka, 1964. T. 3. 689 s.

Veselovskij S. B. Issledovanija po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev. M. : Nauka, 1969. 584 s.

Goljashkin Ja. A. Ocherk lichnyh otnoshenij mezhdu knjaz'jami Kievskoj Rusi v polovine XII v. (v svjazi s vozzrenijami rodovoj teorii) // Izdanija Istoricheskogo obshhestva pri Moskovskom universitete. Referaty, chitannye v 1896 i 1897 gg. M., 1898. T. 2. S. 211–285.

Gorskij A. A. Drevnerusskaja druzhina (K istorii genezisa klassovogo obshhestva i gosudarstva na Rusi). M. : Prometej, 1989. 124 s.

Gorskij A. A. Rus': Ot slavjanskogo Rasselenija do Moskovskogo carstva. M. : JaSK, 2004. 368 s.

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1949. 408 s.

Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knjazej XIV–XVI vv. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1950. 585 s.

Djubi Zh. Trehchastnaja model', ili Predstavlenija srednevekovogo obshhestva o sebe samom. M. : JaRK, 2000. 320 s.

«Knigi zakonnye», soderzhashhie v sebe v drevnerusskom perevode vizantijskie zakony zemledel'cheskie, ugolovnye, brachnye i sudebnye // Sbornik otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti imperatorskoj akademii nauk. T. XXXVIII. № 3. SPb., 1885. 769 s.

Kuchkin V. A. Pervaja dogovornaja gramota Dmitrija Donskogo s Vladimirom Serpuhovskim // Zvenigorod za shest' stoletij. M. : URSS, 1998. S. 11–64.

Kuchkin V. A. Poslednij dogovor Dmitrija Donskogo // Srednevekovaja Rus'. M. : Indrik, 2007. Vyp. 7. S. 275–316.

Kuchkin V. A. Dogovor 1348 g. velikogo knjazja Simeona Ivanovicha s brat'jami Ivanom Zvenigorodskim i Andreem Serpuhovskim // Srednevekovaja Rus'. M. : Indrik, 2009. Vyp. 8. S. 101–175.

Lavrenchenko M. L. «Byti vsjom za odin brat». Pragmatika terminov rodstva v dialogah Kievskoj letopisi (1146–1154) // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2014. № 1 (55). S. 43–57.

Mininkova L. V. Sjuzerenitet-vassalitet v domongol'skoj Rusi. Rostov-n/D : Izd-vo SKNC VSh, 2007. 520 s.

Mihajlova Ju. A. O nekotoryh napravlenijah v sovremennoj medievistike i ih znachimosti dlja izuchenija Drevnej Rusi // Srednevekovaja Rus'. M. : Indrik, 2011. Vyp. 12. S. 63–94.

Nazarov V. D. «Dvor» i «dvorjane» po dannym novgorodskogo i severo-vostochnogo letopisanija (XII–XIV vv.) // Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. M. : Nauka, 1978. S. 104–123.

Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1950. 642 s.

Pavlov-Sil'vanskij N. P. Feodalizm v udel'noj Rusi. M. : Nauka, 1988. 690 s.

Pashuto V. T. Cherty politicheskogo stroja Drevnej Rusi // Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. M. : Nauka, 1965. S. 11–277.

Priselkov M. D. Troickaja letopis'. Rekonstrukcija teksta. M.; L. : Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1950. 514 s.

Presnjakov A. E. Knjazhoe pravo v Drevnej Rusi. Ocherki po istorii X–XII stoletij. SPb. : Tipografija M. A. Aleksandrova, 1909. 315 s.

Polnoe sobranie russkih letopisej : v 43 t. T. 1. Lavrent'evskaja letopis'. 4-e izd. M. : JaRK, 1997. 496 s. ; T. 2 : Ipat'evskaja letopis'. M. : JaRK, 1998. 648 s. ; T. 11 : Nikonovskaja letopis'. M. : JaRK, 2000. 264 s. ; T. 15 : Rogozhskij letopisec. M. : JaRK, 2000. 608 s. ; T. 23 : Ermolinskaja letopis'. M. : JaSK, 2004. 256 s. ; T. 25 : Moskovskij letopisnyj svod konca XV v. M. : JaSK, 2004. 488 s.

Ponomareva I. G. Investitura v Drevnej Rusi // Istorik i istochnik. SPb. : Iskusstvo Rossii, 2018. S. 17–36.

Ponomareva I. G. Obrjad vassal'noj prisjagi v Drevnej Rusi // «Studia Historica Europae Orientalis / Issledovanija po istorii Vostochnoj Evropy. Minsk : Respublikanskij in-t vysshej shkoly, 2015. Vyp. 8. S. 63–76.

Rukavishnikov A. V. Drevnerusskaja znat' domongol'skogo perioda (istoriko-terminologicheskoe issledovanie) : dis. … na soiskanie kand. ist. nauk. M., 2005. 176 s.

Russkaja pravda (Kratkaja red.) // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. M. : Juridicheskaja literatura, 1984. T. 1. S. 47–49.

Sergeevich V. I. Drevnosti russkogo prava. M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2007. T. 2. 595 s.

Stefanovich P. S. Bojare, otroki, druzhiny: voenno-politicheskaja jelita Rusi v X–XI vekah M. : Indrik, 2012. 656 s.

Stefanovich P. S. Drevnerusskie vyrazhenija vernosti druzhinnikov i prisjaga v sravnitel'nom kontekste // Obrazy proshlogo: sbornik pamjati A. Ja. Gurevicha. SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2011. S. 392–410.

Stefanovich P. S. Knjaz' i bojare: kljatva vernosti i pravo ot#ezda // A. A. Gorskij, V. A. Kuchkin, P. V. Lukin, P. S. Stefanovich. Drevnjaja Rus'. Ocherki politicheskogo i social'nogo stroja. M. : Indrik, 2008. S. 148–269.

Solov'ev S. M. Istorija otnoshenij mezhdu russkimi knjaz'jami Rjurikova doma. M. : Universitetskaja tip., 1847. 699 s.

Solov'ev S. M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Sochinenija: v 18 kn. M.: Mysl', 1988. Kn. I. 797 s.

Slovar' russkogo jazyka XI–XVIII vv. / In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN. M. : Nauka – Azbukovnik, 1975– . 1977. Vyp. 4. 403 s. ; 1980. Vyp. 7. 403 s. ;

1981. Vyp. 8. 351 s. ; 1987. Vyp. 12. 381 s. ; 1990. Vyp. 16. 295 s. ; 1994. Vyp. 19. 272 s. ; 1997. Vyp. 22. 298 s. ; 1996. Vyp. 23. 253 s. ; 2000. Vyp. 25. 273 s. ; 2006. Vyp. 27. 276 s.

Tihomirov M. N. Feodal'nyj porjadok na Rusi. M. ; L. : Molodaja gvardija, 1930. 80 s.

Cherepnin L. V. Iz istorii drevnerusskih feodal'nyh otnoshenij XIV–XVI vv. // Istoricheskie zapiski. M. : Izd-vo AN SSSR, 1940. T. 9. S. 31–80.

Jushkov S. V. Obshhestvenno-politicheskij stroj i pravo Kievskogo gosudarstva. M. : Gos. izd-vo juridicheskoj literatury, 1949. 544 s.

УДК 327

Ю. В. Синчук

доктор политических наук, профессор;
заведующий кафедрой теории и истории
международных отношений Института международных отношений
и социально-политических наук (факультет) Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: sinchukjv@mail.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье представлена история становления современной геополитики и ее влияния на международные отношения, а также баланс сил на международной арене. Исследовано понятие «геополитика», а также основные школы. В результате проделанной работы были выведены закономерности развития современного геополитического пространства, сделаны выводы по современному состоянию геополитики, роли российской геополитики на международном пространстве.

Ключевые слова: геополитическое пространство; геополитика; Российская Федерация; история; международные отношения.

Ju. V. Sinchuk

Ph.D. in political science, Professor,
Head of the Department of history and theory of international relations,
Institute of international relations and socio-political sciences (faculty),
Moscow State Linguistic University; e-mail: sinchukjv@mail.ru

HISTORY OF FORMATION OF MODERN GEOPOLITICAL SPACE

The article covers the topic of geopolitics and its influence on international relations and the balance of power in the international arena. The research on the history, the essence of the concept of 'geopolitics', the subject of territorial disputes, as well as the main schools of geopolitics has been conducted. The volume of literature of national researchers in the field of history and geopolitics has been studied. As a result of the study, the patterns of the development of the modern geopolitical space were established, conclusions were drawn on the current state of geopolitics, the role of Russian geopolitics in the international space.

Key words: geopolitical space; geopolitics; Russian Federation; history; international relations.

Введение

Историю человечества можно рассматривать как последовательную смену геополитических эпох, у каждой из которых есть свои балансы сил, зоны влияния и определенные границы. М. А. Нартов

CC BY

выделяет следующие международные системы, или геополитические эпохи: Вестфальская система международных отношений (1648–1814), Венская (1815–1918), Версальская (1919–1945), Потсдамская (1945 – конец 1980-х – начало 90-х) и Беловежская (с 1992 г., т. е. от официального распада СССР, или образования СНГ, до наших дней) [Нартов 1999, с. 33–45]. Этой периодизации придерживается и российская исследовательница Н. Лебедева, хотя период конца 1980-х гг. она не называет Беловежской системой международных отношений. Возможно, М. Лебедева и права, потому что события, связанные с распадом СССР, хотя и вызвали огромный резонанс в мире, но были внутренним событием народов бывшего Советского Союза.

Итак, геополитические эпохи охватывают период с 1648 г. по настоящее время, т. е. около 400 лет. Бесспорно, отношения международного уровня существовали и до 1648 г., но были только прообразом современной мировой политики и международных отношений.

Основные вехи становления современного геополитического пространства

П. Цыганков придерживается мнения, что существовали: «Европейская система» XVII в. (основана на принципах Вестфальского договора 1648 г.); Система политического равновесия европейских государств («европейский концерт наций») XIX в.; Глобальная биполярная межгосударственная система 1945–1990-х гг., хотя отмечает, что «главный недостаток такого “панорамного” подхода заключается в том, что он нацеливает не на поиск закономерностей функционирования международных (а, точнее, межгосударственных) систем, а ограничивается описанием взаимодействий между главными актерами – великими державами. Тогда как в системном подходе главное – убежденность в существовании закономерных связей между характером международных систем и поведением их основных элементов – международных акторов» [Цыганков 1996, с. 155–157].

Понятие «геополитика» было введено шведским политологом Рудольфом Челленом на рубеже XX в., и его использование распространилось по всей Европе в период между Первой и Второй мировыми войнами (1918–1939) и вошло в мировое использование во время последней. В современном дискурсе геополитика широко используется как свободный синоним международной политики.

Рассуждения о политических последствиях географии, в частности о климате, топографии, пахотных землях и доступе к морю – появились в западной политической мысли, по крайней мере, с древнегреческой эпохи и были заметны в трудах таких философов, как Аристотель (384–322 до н. э.) и Монтескье (1689–1745). Наиболее известным массивом геополитических трудов является обширная литература конца XIX и начала XX вв., большая часть которой посвящена влиянию на мировую политику новых технологий промышленной революции. Альфред Тайер Мэхэн, Хэлфорд Маккиндер, Джон Сили, Карл Хаусхофер, Фридрих Ратцель, Герберт Уэллс, Николас Спикмэн, Гомер Ли, Фредерик Теггарт, Фредерик Джексон Тернер, Джеймс Бернхем, Э. Х. Карр, Поль Видаль де ла Блаш и другие ученые применяли материалистические подходы к современным проблемам. Они часто смешивали анализ с пропагандой политики, и некоторые из них демонстрировали многие из самых пагубных расовых и классовых предрассудков той эпохи.

Геополитики стремились понять, как новые промышленные возможности транспорта, связи и разрушения – прежде всего железных дорог, пароходов, самолетов, телеграфа и взрывчатых веществ, – взаимодействуя с географическими особенностями Земли, будут формировать характер, количество и расположение жизнеспособных подразделений безопасности в формирующейся глобальной международной системе [Ильин 1993, с. 212–220]. Большинство из них полагали, что новая эра мировой политики будет характеризоваться закрытием границ, увеличением территориальных единиц и интенсивной межгосударственной конкуренцией; а также считали, что будет большой переворот, что система баланса сил, которая помогала поддерживать порядок в Европе на протяжении большей части XIX в., устарела, что Британская империя (сверхдержава XIX в.) плохо приспособлена к новой материальной среде и, вероятно, будет разделена, и что Соединенные Штаты и Россия являются двумя государствами, наиболее подходящими по размеру и расположению для выживания в новую эпоху. Однако геополитики решительно расходились во мнениях о характере, количестве и расположении тех образований, которые окажутся наиболее жизнеспособными.

Исторический анализ расцвета Британской империи, проведенный Маханом, послужил отправной точкой для геополитических дебатов. Утверждая, что контроль над морскими путями имеет решающее

значение из-за большей мобильности океанского парусного судна по сравнению с наземным транспортом, работающим на животных, Мэхэн утверждал, что существует тенденция к тому, чтобы морская торговля и колониальные владения контролировались одним хорошо расположенным морским государством. С появлением железной дороги Маккиндер предположил, что сухопутная сила превзойдет морскую. С помощью теории Хартленда, которая фокусировалась на обширных внутренних регионах Евразии, доступных по железной дороге, Маккиндер утверждал, что любое государство, способное контролировать Хартленд, будет контролировать мировую политику и таким образом представлять угрозу всемирной империи. Напротив, Спикмэн утверждал, что регион Евразии «Римланд», протянувшийся полумесяцем от Европы до Восточной Азии, имел тенденцию объединяться в руках одного государства, и что страна, контролирующая его, скорее всего, будет доминировать в мире. В качестве альтернативы Хаусхофер и другие немецкие геополитики, поддерживавшие международное господство Германии, разработали теорию «панрегиона» – блока размером с континент, включающего промышленный Метрополь (или крупную державу) и ресурсную периферию, и предположили, что четыре региона – Пан-Европа (включая Африку), где доминирует Германия, Пан-Азия – Япония, Пан-Америка – Соединенные Штаты и Пан-Россия – Советский Союз, вероятно, возникнут как промежуточная стадия перед глобальным немецким господством. Появление самолета привело некоторых геополитиков (например, Джулио Дуэ) к преуменьшению роли как морской, так и сухопутной державы в пользу превосходства в воздухе. Во время Второй мировой войны некоторые даже предсказывали, что технологические достижения сделают морскую мощь устаревшей.

Геополитика в прошлом фокусировалась на мировом конфликте, исходя из предпосылки, что в мире ограниченное пространство, и все страны борются между собой, чтобы занять его для выживания.

История формирования геополитики и характерные черты геополитической ситуации в начале XXI в.

В современных международных отношениях, в эпоху глобализации, невозможно определить баланс сил между государствами, исключив геополитический фактор. Для Российской Федерации этот

вопрос особенно важен, так как за всю свою историю наша держава установила достаточно серьезный градус влияния на международной арене и определила взаимодействие между народами страны и соседних государств. С другой стороны, многообразие народов и культур, их взаимодействие на огромной территории России также влияет на принятие важных стратегических решений [Ивашов 1998, с. 211–216]. На современном этапе геополитика является уникальным пересечением многих общественных наук и дисциплин.

Первые геополитические мысли, т.е. мысли о взаимодействии географического положения и жизни общества, были впервые озвучены Геродотом, Аристотелем и другими древнегреческими мыслителями.

Геополитика получила известность благодаря теориям сэра Хэлфорда Маккиндера из Англии с его «теорией Хартленда» в 1904 году. Маккиндер разделил мир на две части – «остров мира» и «периферию». Остров мира включал в себя огромную массу суши Европы, Азии и Африки, плюс центральную часть, которая включала Украину, Западную Россию и Среднюю Европу. «Периферия» включала Америку, Британские острова и Океанию.

Теория Хартленда выдвигала гипотезу о возможности возникновения в Хартленде огромной империи, которой не нужно было бы использовать прибрежный или трансокеанский транспорт для снабжения своего военно-промышленного комплекса, и что эта империя не могла быть побеждена всем остальным миром, объединившимся против нее. В самом сердце страны находились зерновые запасы Украины и многие другие природные ресурсы. Сравнивая страны с винтиками в машине, он предположил, что сердцевина Земли – это самый большой винтик, а окружающие ее страны – самые маленькие винтики, которые движутся вместе с ней.

Теория Маккиндера может быть обобщена в его высказывании: «Кто правит Восточной Европой, тот управляет сердцем страны. Кто правит сердцем страны, тот командует миром-островом. Кто правит миром – тот и повелевает миром». Его доктрина была влиятельной во время мировых войн и холодной войны, поскольку Германия, а затем и Россия предприняли неудачные попытки захватить и укрепить центр страны.

Согласно доктрине Маккиндера, остров мира, обладающий достаточными природными ресурсами для развитой экономики, мог бы послать свой флот, чтобы уничтожить или запугать народы периферии,

расположив свои собственные отрасли промышленности дальше вглубь страны, чтобы народы периферии имели более длительную борьбу с ними, и столкнулся бы с хорошо оснащенным промышленным бастионом. Кроме того, промышленные центры периферии обязательно располагались в отдаленных местах.

Теории Маккиндера противостоял Альфред Тайер Махан, который подчеркивал значение военно-морских сил (он ввел термин «морская сила») в мировом конфликте. Американский ученый Николас Спайкман утверждал, что также важно контролировать то, что он называл «Римландией», которая состояла из Западной Европы, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии. Эти ученые рассматривали военно-морскую мощь как ключ к контролю над ключевыми проливами, перешейками и полуостровами, которые пересекают океанские торговые пути, такие как Гибралтарский пролив, Босфор, Малаккский пролив, Суэцкий канал и Панамский канал. Эти стратегические узкие места были очагами имперских амбиций и интриг на протяжении всей истории.

Разновидностью геополитической теории, возникшей во время Вьетнамской войны, была «теория домино», идея о том, что коммунизм будет стремиться захватить соседние страны одну за другой, как ряд падающих домино. Этот аргумент был использован для американской интервенции во Вьетнам. Теория утверждала, что линия должна была быть проведена во Вьетнаме, чтобы предотвратить Таиланд, Индонезию и в конечном счете Австралию от риска. Эта теория больше не считается действительной после распада советской империи, конфликтов между коммунистическими странами, таких как пограничные споры между материковым Китаем и Вьетнамом – и принятие капитализма Китаем и Вьетнамом.

После Первой мировой войны мысли Челлена и его новый термин были подхвачены и расширены рядом ученых: в Германии – Карлом Хаусхофером, Эрихом Обстом, Германом Лаутензахом и Отто Мауллом; в Англии – Хэлфордом Маккиндером; во Франции – Полем Видалем де ла Блашем. В 1923 г. Карл Хаусхофер основал журнал «Zeitschrift für Geopolitik» (журнал геополитики), который развивался как пропагандистский орган нацистской Германии.

К. Хаусхофер объединил теорию Маккиндера с некоторыми из своих собственных и развил геополитику в лженауку. Он утверждал,

что океанические страны должны будут предоставить lebensraum (жизненное пространство) более новым, более динамичным континентальным странам. Lebensraum был ключевым пропагандистским лозунгом, оправдывающим вторжение Гитлера в Судетскую область в Чехословакии, которое привело к началу Второй мировой войны.

Формирование и становление геополитических концепций (XVI–XIX вв.) – Ш. Монтескьё впервые определил влияние географического фактора в социологической составляющей геополитики.

Формирование геополитики как самостоятельной науки (XIX–XX вв.) – появились научные школы, изучающие и по-разному трактующие геополитические вопросы:

– англо-американская (А. Мэхэн, Ф. Коломб, Х. Маккиндер, Н. Спикмэн, С. Коэн). Концепция Х. Маккиндера – обоснование геополитического превосходства «сухопутных» государств Евразийского пространства над «морскими». «Морские» державы беспристрастно заинтересованы в ослаблении могущества стран, контролирующих Хартленд, – они не могут занять доминирующее положение в мире, если не будут препятствовать выходу к морю и объединению евразийских государств, создавать противостоящие им блоки;

– немецкая (Ф. Ратцель, К. Хаусхофер, Р. Челлен). Ф. Ратцель доказал тезис о естественной необходимости расширения жизненного пространства государства с помощью территориальной экспансии. В этом Ф. Ратцель видел гарантию мощи, суверенитета и безопасности государства, границы которого оказались «тесными» в силу «исторической несправедливости» и сдерживают его развитие. Идеи Ратцеля и Хаусхофера поспособствовали развитию гитлеровского режима и предполагаемой экспансии фашистской Германии на Евразийском континенте;

– русская (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, В. П. Семенов-Тян-Шанский, П. Н. Савицкий) – обоснование доктрин евразийства. Евразийское учение базируется на постулате, согласно которому России предначертан особый исторический путь, и она занимает особое положение в геополитической структуре мира.

Истоками русской школы геополитики являлись:

– богатое культурно-историческое наследие Древней Руси, особая самобытная культура, сложившаяся под влиянием природно-географических и социальных условий мест проживания;

– принятие православия в качестве господствующей религии и взятие на себя роли Третьего Рима;
– выбор евразийского пути развития (уход от Европы);
– результаты географических исследований XVIII–XIX вв. В. Н. Татищев (1686–1750), В. М. Головнин (1776–1831), М. В. Ломоносов (1711–1765), П. П. Семенов-Тян-Шанский (1827–1914);
– итоги военных действий (Д. А. Милютин, А. Е. Вандам);
– государственно-описательные и статистические исследования (В. Н. Татищев, К. И. Арсеньев, Е. Ф. Зябловский, Г. В. Крафт, Д. А. Милютин и др.);
– теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского (1822–1855).

Во второй половине XX в. объектами изучения геополитики стали глобальные проблемы человечества, тенденции развития международных отношений и внешней политики государств, поскольку наблюдалась тенденция международной интеграции в послевоенное время, что привело к эпохе глобализации.

Термин «геополитика» был сформулирован в начале XX в. Геополитика (от *греч.* ge – Земля + politike – политика) – это учение о географической обусловленности политических явлений, особая ветвь познаний, изучающая связь между территорией, географической средой и политикой государств. Это наука о поисках путей устойчивого развития, создания крепкого или нормально функционирующего государства. Она исследует места, совокупность разных составляющих природной и политической обстановки, вынуждающей человека разнообразить свои потребности, способности, трудовые умения и способности, и вместе с этим лучше понять политические процессы, происходящие в государстве. Геополитика – это наука, которая изучает воздействие географических факторов на политику, проводимую государством, а предмет ее изучения – актуальные вопросы существования и становления государства, национальные интересы, закономерная взаимозависимость политики и географических факторов [Дугин 1999, с. 94–100].

Главные проблемы геополитики можно разделить на три группы: трения между крупными державами и «размывание» международных соглашений в области экономики и безопасности, внутриполитические

проблемы, включая поляризацию, нативизм и популизм и отсутствие глобальной координации в области смягчения последствий изменения климата.

Для российского геополитического положения небезразличны изменения, происходящие на европейском пространстве и связанные с продвижением НАТО на Восток. Геополитически это означает вторжение Запада в ту сферу, которая исконно была «незападной». «Рубеж конфликта длительностью в тринадцать веков» (С. Хантингтон) передвинулся на пространство Киевской Руси.

Задача России – не допустить ущемления своих позиций на мировой арене; оттеснения от участия в решении проблем, затрагивающих ее стратегические интересы.

Заключение

Геополитическое пространство – это многомерное коммуникационное пространство, которое определяется границами распространения мощи государства. Определяются следующие аспекты развития геополитического пространства:

Контроль над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают необходимыми возможностями для завоевания и удержания территории.

Потеря контроля над пространством одним геополитическим субъектом всегда означает его приобретение другим.

Стабильность, устойчивость и безопасность геополитического субъекта достигается некоторым оптимумом подконтрольного пространства, так как чем шире пространство, тем труднее оно поддается управлению со стороны субъекта.

Геополитические позиции государств во многом зависят от степени развития их экономического и военного потенциала, обладания ядерным оружием.

Количество населения, национальные черты и особенности народов обязательно рассматриваются в качестве важных геополитических факторов.

Важное место в мировой геополитике заняла возродившаяся новая российская геополитика, создавшая собственную геополитическую школу.

Активно формируется китайская школа геополитики.

Современные исследования геополитики основываются на осмыслении изменений структуры мира, мирового политического климата и влияния ракетно-ядерного оружия на политику государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Ленинград : Наука, 1984. Т. 26. 256 с.

Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. 3-е изд., доп. М. : АРКТОГЕЯ-центр, 1999. 928 с.

Ивашов Л. Г. Россия и мир на пороге нового тысячелетия. М., 1998. 223 с.

Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М. : Воениздат, 1993. 368 с.

Нартов Н. А. Геополитика : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ, 1999. 359 с.

Цыганков П. А. Международные отношения : учебное пособие. М. : Новая школа, 1996. 320 с.

REFERENCES

Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij. Leningrad : Nauka, 1984. T. 26. 256 s.

Dugin A. Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushhee Rossii. Myslit' prostranstvom. 3-e izd., dop. M. : ARKTOGEJa-centr, 1999. 928 s.

Ivashov L. G. Rossija i mir na poroge novogo tysjacheletija. M., 1998. 223 s.

Il'in I. A. O grjadushhej Rossii: izbrannye stat'i / pod red. N. P. Poltorackogo. M. : Voenizdat, 1993. 368 s.

Nartov N. A. Geopolitika : uchebnik dlja vuzov. M. : JuNITI, 1999. 359 s.

Cygankov P. A. Mezhdunarodnye otnoshenija : uchebnoe posobie. M. : Novaja shkola, 1996. 320 s.

УДК 070

В. А. Соловьёв, Мехиас Алексис

Соловьёв В. А., кандидат исторических наук,
доцент кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vsmurens1@gmail.com

Мехиас Алексис, магистр кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
(Республика Куба)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АГЕНТСТВА «ПРЕНСА ЛАТИНА» («PRENSA LATINA») В УСЛОВИЯХ АКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ США

Революция на Кубе против американского колониального гнёта – это грандиозное событие XX в., повлиявшее на дальнейшее развитие не только островного государства, но и Латинской Америки и мира в целом. Кубинская революция представляет собой длительную вооруженную борьбу за власть, которая началась 26 июля 1953 г., а завершилась в начале января 1959 г. полной победой восставших. Революционному кубинскому движению активно противодействовала американская администрация. Подавляя молодое свободное государство не только экономически, США развернули и активную информационную борьбу против Кубы. В этих условиях информационное противостояние приобретало особо острые формы. Новому латиноамериканскому государству – свободному острову Куба необходимо было создать масс-медийные структуры нового типа. В данной работе рассмотрен процесс становления нового информационного агентства «Пренса Латина» («Prensa Latina») (далее – PL) на латиноамериканском континенте, его роль, место и функции в борьбе с американским экспансионизмом.

Ключевые слова: агентство; массмедиа; пресс-конференция «Операция “Правда”»; латиноамериканская медиасфера.

V. A. Solovyov, Alexis Mejias

Solovyov V. A., PhD (History),
Associate Professor at the Department of Technological Communications,
Institute of international relations and socio-political sciences (faculty),
Moscow State Linguistic University; e-mail: vsmurens1@gmail.com

Alexis Mejias, Master of Technological Communications,
Institute of international relations and socio-political sciences (faculty),
Moscow State Linguistic University; Republic of Cuba

THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE PRENSA LATINA AGENCY IN THE FACE OF INTENSE OPPOSITION FROM THE U.S. RULING CIRCLES

The Revolution in Cuba against an American colonial oppression is a colossal event of the twentieth century, which influenced the further development not only of the island state, but also of Latin America and the whole world. The Cuban revolution is a long armed struggle for the authority, which began on July 26, 1953, and ended in early January 1959 with a complete victory of the rebels. The revolutionary Cuban action was militantly opposed by the American administration. Suppressing the young unbound state not only in an economic way, the United States developed an active informative struggle against Cuba. Under such conditions, the informative confrontation was gathering especially critical patterns. The new Latin-American state, the free island of Cuba, was obligated to create new structures of mass media. In this examination-paper was examined the process of formation of a new news agency «Prensa Latina» (PL) on the Latin-American continent, its matter and role, a position and functions in a fight against the American expansionism.

Key words: agency; mass media; press conference "Operation "Verdad"; Latin American media sphere.

Введение

Полная зависимость Кубы от капитала США, огромные частные землевладения, на полях которых трудились кубинские крестьяне, получая мизерную плату, процветание преступного бизнеса, нищета, зашкаливающая детская смертность, всеобщая безграмотность, потребительское отношение западных туристов к местному населению – всё это составляло основные проблемы кубинского государства к середине XX в. Социальная обстановка в стране накалилась, и, как результат, в начале марта 1952 г. в стране произошел государственный переворот, в результате чего на Кубе была установлена военно-полицейская диктатура во главе с Фульхенсио Батистой. В крупных городах страны процветал игорный бизнес и проституция, экономика Кубы была попрежнему подконтрольна американской монополии. В обществе росло недовольство, которое выплеснулось в виде очередной попытки государственного переворота. Возглавил революционеров молодой адвокат и политический деятель Фидель Кастро Рус [Cantón, Duarte 2006].

Манифест национальной свободы

Начальным этапом революции считается 26 июля 1953 г., когда группа повстанцев во главе с Фиделем Кастро провела неудачную

попытку взять казарму Монкада, в результате чего часть революционеров была уничтожена, остальные, в том числе и Фидель, арестованы и преданы суду. Кастро сразу после выхода из тюрьмы эмигрировал в Мексику, где им была создана повстанческая организация «Движение 26 июля». Кубинская революция из стадии подготовки перешла к стадии активных боевых действий.

В этот период за подписями Фиделя Кастро, главнокомандующего повстанческими силами, и Фаустино Переса, делегата Национального руководства «Движения 26 июля», был обнародован первый Манифест. «26 июля, говорилось в нем, не политическая организация, а революционное движение. Его ряды будут открыты для всех кубинцев, искренне желающих восстановить на Кубе политическую демократию и установить социальную справедливость». Программа, содержащаяся в Манифесте – это полная независимость и суверенитет нации, уничтожение латифундий и раздел земли между крестьянами, развитие многоотраслевого сельскохозяйственного производства, индустриализация, повышение жизненного уровня и расширение реальных демократических прав народа. Незамедлительное проведение налоговых реформ, медицины и образования, реорганизация административного аппарата, уничтожение всех форм расовой дискриминации. Последний пункт документа был посвящен конфискации имущества всех расхитителей казны предыдущих правительств без какого-либо исключения, с тем чтобы использовать полученные сотни миллионов песо для реализации преобразований.

В конце 1958 г. Кубинская революция положила конец американской диктатуре. Организация «Движение 26 июля» преобразовывается в Коммунистическую партию Кубы. Главой правительства назначается Фидель Кастро. Осуществляется национализация земель, сахарных заводов, нефтеперерабатывающей промышленности. Основным достижением для жителей острова оказались бесплатные медицина и образование, значительно снижены цены на жилье и коммунальные услуги.

Победа кубинских социалистов не могла не встревожить Вашингтон: американские торгово-промышленные корпорации потеряли на Кубе недвижимость и лишились колоссальных доходов от сомнительного и преступного бизнеса. Вашингтон вводит меры экономической блокады острова. Используя почти полную экономическую зависимость Кубы от США, янки полностью отказались от закупок

сахара – основного продукта кубинского экспорта, и одновременно прекратили поставки на остров нефти и нефтепродуктов.

Одновременно в США принимается решение о свержении Кастро военными методами. Для достижения поставленных целей в апреле 1961 г., командованием Соединенных штатов разрабатывается операция «Плутон». Данная военная операция на территории ПлайяХирон в 1961 г. окончились провалом для США[1].

Широко используются меры и политической изоляции: Америка выходит с инициативой об исключении Кубы из состава Организации американских государств. Кроме того, в Совете безопасности ООН были отклонены жалобы Гаваны на «агрессивные действия США». Активная экономическая, военная и политическая борьба против государства, провозгласившего своей целью строительство социализма, стала основным направлением внешней политики определенных кругов США в Латинской Америке после победы Кубинской революции 1959 г. О том, как США хотели свергнуть режим Фиделя Кастро красноречиво говорят документы, хранящиеся в архивах 60-х годов (портал gizmodo.com). Как отмечает портал, все действия США были направлены на дестабилизацию обстановки на Кубе.

Информационная «Операция “Правда”»

Еще одно направление американского противодействия – это открытая информационная война против свободной Кубы. Она должна была перерасти в долгосрочный проект под контролем Информационного Агентства Соединенных Штатов, которое отвечало за пропаганду в зарубежных странах. В этих целях использовались все СМИ, включая многочисленные широковещательные радиостанции США и ряда латиноамериканских стран. Главная задача заключалась в том, чтобы мир не узнал о революционном процессе, происходящем на острове. Американские СМИ представляли в искаженном виде происходящие на Кубе события, преобразования и проводимые реформы.

В ответ на провокационные вызовы в информационной сфере остров Свободы разворачивает активную контрпропагандистскую деятельность. Уже в январе 1959 г., Фидель Кастро выступает с первым телеобращением к гражданам. Интересный факт: во время речи на

[1] Х. Масетти. Конференция в честь Первого латиноамериканского конгресса молодежи. Гавана, 1961.

плечо Кастро сел белый голубь и просидел там все два часа, что Фидель говорил. Международная пресса охарактеризовала этот случай как символ мира, но для многих кубинцев он нес совершенно другую символику – птица на плече оратора была воспринята как знак свыше [Кастро 1986].

Кубинские руководители понимали, что Куба должна иметь возможность информировать мир о своих достижениях и преобразованиях. 22 января 1959 г. в Гаване состоялась пресс-конференция «Операция “Правда”», которая поставила цель показать истинное положение дел на острове и отбить пропагандистские нападки СМИ Запада.

На пресс-конференцию «Операция «Правда» прибыло свыше четырехсот журналистов-международников. Примечательный факт: в пресс-конференции приняли участие репортеры из более чем двух десятков СМИ США, таких как Washington Daily News, Baltimore Sun, Miami и др.

Кастро назвал информационную кампанию против Кубы «самой позорной, самой преступной и самой несправедливой, развернутой против любого народа» и заявил, что «американская пресса должна располагать средствами, которые позволили бы ей знать правду, и не быть жертвой лжи»[1].

Впоследствии аргентинский журналист Хорхе Рикардо Масетти, писал, что новому кубинскому правительству «пришлось сильно потрудиться, чтобы привлечь внимание журналистов и доказать насколько велика и чудовищна ложь, которую распространяла американская пресса через свои агентства» [Ларин 2004]. Проведение кубинской пресс-конференции «Операция “Правда”» послужила мощным импульсом для развития СМИ в регионе.

По возвращению в свои страны, после размещения на страницах газет и журналов правдивых материалов о кубинской конференции, некоторые журналисты были подвержены натиску и репрессиям, другие были уволены владельцами изданий. Появилась необходимость создания собственного латиноамериканского агентства. Так, уже 16 июня 1959 г. в Гаване официально зарегистрировано региональное информационное агентство «Prensa Latina» – «Пренса Латина» (далее – PL). Инициаторами образования выступили Эрнесто Че Гевара и аргентинский публицист Хорхе Рикардо Масетти, который

[1] Ф. Кастро. Конференция, организованная Правительством Кубы в 1959 г.

впоследствии несколько лет руководил PL. Основными задачами деятельности кубинского информационного агентства явились:

– выход на информационный рынок Латинской Америки, монополизированный агентствами США и других стран Запада, в первую очередь такими, как «Associated press» (США), «United Press International» (США), «Reuters» (Великобритания) и «Agence France-Press» (Франция);
– информирование мировой общественности о национально-освободительном движении в регионе, в частности о кубинской революции [Гарсиа Маркес 2002].

Поле информационной битвы – страны Латинской Америки

После нескольких месяцев работы агентства «Пренса Латина» (PL) некий представитель спецслужб США Дюбуа задал старт пропагандистской компании по дискредитации PL. За его подписью в «Washington Post» появилась публикация, утверждавшая, что создание PL было настоящим преступлением. Вашингтон рассчитывал, что удастся легко уничтожить новое кубинское информационное агентство. Тем более, что у США уже был опыт жестокой расправы с некоторыми национальными агентствами стран Латинской Америки. В частности, в 30-х годах – в Сальвадоре, в 50-х годах – в Аргентине, а затем в Бразилии [Губина 2014].

Однако рост национального самосознания латиноамериканских стран не позволил США использовать прежний опыт насильственного доминирования в информационной сфере. Осознавая это, спецслужбы США прибегли к испытанному средству – террору. Ставка была сделана на физическую расправу, поскольку в информационном противостоянии проявлялись признаки проигрыша американской стороной [Agresiones de Estados Unidos a Cuba revolucionaria 1989].

К концу 1961 г. давление со стороны Вашингтона и введение военной диктатуры в нескольких странах региона Латинской Америки привели к массовому насильственному закрытию представительств PL, в том числе в Аргентине, Гватемале, Перу и Венесуэле. Число корпунктов PL сократилось с 26 до 10 [Гарсиа Маркес 2002].

В 1962 г. агенты ФБР задержали кубинского журналиста Франсиско Портела, работавшего в Нью-Йорке. Журналиста обвинили в подрывной деятельности и отдали под суд [Bodes Gomez 1959].

Неоднократно корпункты PL в Нью-Йорке подвергались нападению, журналистов жестоко избивали, офисы уничтожали. В 1969 г. Государственный департамент США отозвал лицензию PL для работы в офисе ООН в Нью-Йорке. Только через 48 лет – в 2017 г, кубинское информационное агентство PL получило возможность открыть вновь свой офис.

В 1970 г. в Боливии был закрыт корпункт PL, а его сотрудники чилийский журналист Элмо Каталан и его жена убиты.

В 1972 г. в Уругвае, в офисе PL была расстреляна семья корреспондента Луиса Мартирена.

В 1973 г. сотрудники PL в Чили оказались в перестрелке.

В 1982 г. офис PL в Гранаде был закрыт во время вторжения США на этот карибский остров, а его корреспонденты были арестованы и депортированы [Bodes Gomez 1959].

Директор кубинского новостного агентства «Пренса Латина», Хорхе Рикардо Масетти был похищен в Коста-Рике во время освещения конференции министров иностранных дел стран Организации американских государств, но под давлением сообщества латиноамериканских журналистов был освобожден.

Агентство нового типа

С первых дней своего существования агентство «Пренса Латина» позиционировало себя не только как кубинское, но по большой части как агентство международное, как агентство стран Латинской Америки. Президентом «Пренса Латина» стал мексиканский промышленник Гильермо Кастро Уллоа. Первым директором был аргентинский журналист Хорхе Рикардо Масетти, а редакторами – аргентинец Карлос Агирре, мексиканец Армандо Родригес Суарес, кубинцы Хосе Луис Перес и Бальдомеро Альварес Риос.

С новым латиноамериканским агентством стали сотрудничать известные литераторы и общественные деятели международного уровня: Жан Поль Сартр, Симоне де Бовуар, Уолдо Франк, К. Райт Миллс, Карлос Мария Гутьеррес, Родольфо Уолш, Пако Урондо, Хуан Карлос Онетти и ряд других.

Габриэль Гарсиа Маркес, лауреат Нобелевской премии по литературе, вошел в историю «Пренса Латина» как один из первых журналистов агентства. Директору «Пренса Латина» Масетти и его команде

удалось в сжатые сроки создать полноценное информационное агентство с расширенной корреспондентской сетью. Через три месяца после старта PL имело в своем активе 18 филиалов в Латинской Америке. Исключение составили страны с диктаторскими режимами – Доминиканская Республика, Гаити и Никарагуа.

Главные направления деятельности агентства – противостояние американской экспансии в Латинской Америке и мире, развитие образования, медицины и информационной инфраструктуры на континенте и других странах «третьего мира»[1].

Хорхе Рикардо Масетти сформулировал политическое кредо PL:«Идея создания латиноамериканского агентства, безусловно, не оригинальна. Она воплощает в себе идею освобождения латиноамериканских народов от американского империализма, который их угнетает. Мы страдаем от монополии СМИ США, от дезинформации. Это вызывает необходимость создания информационного агентства нового типа»[2].

По оценке Масетти, правящие круги США используют свои агентства, чтобы рассорить народы Латинской Америки.

Агентство PL создавалось не только как информационный центр, но и как идеологический: «Нас обвиняют в том, что мы агентство агитаторов. Мы объективны, но не беспристрастны. Потому что вы не можете быть беспристрастным между добром и злом. Нас называют агитаторами, но это нас не пугает», – подчеркивал первый директор «Пренса Латина» Хорхе Рикардо Масетти.

При этом Масетти четко и недвусмысленно определил историческую значимость создания нового латиноамериканского агентства: «Отныне никто не сможет скрыть правду нашей борьбы против экспансионизма США. Теперь невозможно повторение дезинформации со стороны США, когда в 1950 г. народ Пуэрто-Рико восстал против империалистического угнетателя, а агентства янки сообщили миру, что «бедный сумасшедший – патриот Педро Альбису Кампос – с группой недисциплинированных молодых людей попытались нарушить закон». Ничего не было сказано о сотнях смертей, о репрессиях против народа, о сквозных бомбардировках

[1] Х. Масетти. Конференция в честь Первого латиноамериканского конгресса молодежи. Гавана, 1961. 5 с.

[2] Там же.

Пуэрто-Рико, о многочисленных убийствах, совершенных войсками империализма янки»[1].

С первых дней существования авторитет агентства «Пренса Латина», целевые установки, формы и способы работы получали широкое международное признание. Уже в январе 1960 г., в Гаване состоялась конференции директоров международных информационных агентств. В ней приняли участие представители многочисленных СМИ, в том числе, из Болгарии, Чехословакии, Китая, Египта, Индонезии, Японии, Польши, Советского Союза и Югославии. С представителями этих стран состоялись подписания соглашений о сотрудничестве.

В ответ на расширение международной компании по признанию PL реакционные силы США предприняли ряд вызывающих демаршей. Так, в конце 1961 г. давление со стороны Вашингтона на латиноамериканские государства привело к значительному сокращению представительств PL в том числе в Аргентине, Гватемале, Перу и Венесуэле [Hevia Frasquieri 2018].

Потребовалось почти полтора десятилетия, чтобы, вопреки экспансии США, появилась возможность восстановить корпункты агентства PL в латиноамериканских странах. В том числе в Аргентине, Колумбии, Эквадоре и в Португалии. К 1974 г. число филиалов в разных странах возросло до 26 [Гарсиа Маркес 2002].

В 1975 г. «Пренса Латина» открыла свои первые офисы в восточной части Карибского бассейна в Гайане и Ямайке, а в 1976 г. в Анголе и Шри-Ланке. Кроме того, в этих регионах началось широкомасштабное радиовещание на испанском, английском и французском языках.

Продолжали устанавливаться отношения сотрудничества с самыми различными средствами массовой информации в мире.

Значительный прорыв в изоляции, создаваемой спецслужбами США вокруг PL, произошел в 1979 г., когда было подписано соглашение об обмене новостными сообщениями с ведущим американским информационным агентством American Associated Press (AP). В том же году была установлена новая система связи с испанским агентством EFE через спутник «Интерспутник», который связывает Гавану и Мадрид.

---

[1] Масетти Х. Конференция, организованная Международной организацией журналистов. Гавана, 1960. 7 с.

В 1984 г. «Пренса Латина» открыла офисы в Эфиопии и Никарагуа, и в Коста-Рике [Agresiones de Estados Unidos a Cuba revolucionaria 1989].

Одновременно расширялись технические возможности агентства. PL получало широкое международное признание.

Структура агентства

В настоящее время «Пренса Латина» имеет около 30 корреспондентских пунктов в мире и в Латинской Америке.

Сферы информационных интересов PL включают в себя: политику, экономику, культуру, науку и технику, спорт, туризм.

Агентство выпускает несколько бюллетеней – финансовый, туристический, «Кибермир», «Медиамир», «Эко Куба», «Международная экономическая панорама», «Латиноамериканская экономическая панорама» [ConflictoCuba-EE.UU 1998].

Всемирная служба новостей PL работает на шести языках: испанском, английском, португальском, итальянском, русском и турецком языках. Его основным продуктом является круглосуточная служба мировых новостей (Cast PL), которая передает более 400 ежедневных заметок по широкому кругу тем.

Сайт информационного агентства ежедневно посещают более двухсот тысяч пользователей Сети. Помимо основного сайта, который ведется на испанском языке, PL имеет еще шесть ресурсов на иностранных языках. Всего же кубинское информационное агентство «Пренса Латина» имеет 17 сайтов для распространения информационных сообщений и услуг на разных языках и в различных форматах.

PL располагает структурными подразделениями, производящими информационные продукты по видам СМИ, в том числе, телевидение, радиовещание, служба фото- и инфографики, а также служба мультимедиа.

Телевизионная служба «PLTV», имеет почти двадцатилетний профессиональный опыт в подготовке телевизионных новостей и вневременных сообщений для трансляции телевизионных станций и сетей по всему миру, особенно в Латинской Америке [Губина 2014].

PL является также крупным издательством, которое публикует книги по проблемам общественных наук, особо уделяется внимание истории Кубы и ее современного состояния.

Заключение

Спустя 60 лет после своего основания, агентство «Пренса Латина» располагает развитой и современной структурой, которая позволяет успешно конкурировать в мире международных новостных агентств. Агентство «Пренса Латина» за время своего существования зарекомендовало себя как мощный информационный антипод пропагандистскому влиянию США, как медиацентр высокого потенциала, доносящий до различных уголков мира объективную информацию о складывающихся ситуациях и событиях в странах Латинской Америки и всего латиноамериканского региона в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарсия Маркес Г. Жить, чтобы рассказывать о жизни. М. : АТС, 2002. 650 с.

Губина А. И. Кубинское информационное агентство «Prensa Latina»: история, современное состояние, специфика // Научные ведомости, серия Гуманитарные науки. Белгород, 2014. № 13 (184). Вып. 22. С. 179–192.

Кастро Ф. Избранные произведения 1952–1986. М. : Изд-во политической литературы, 1986. 568 с.

Ларин Е. А. История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М. : Наука, 2004. 607 с.

Agresiones de Estados Unidos a Cuba revolucionaria: anuariode 1984 / Colectivo de autores. La Habana : Editorial de Ciencias Sociales, 1989. 204 p.

Bodes Gomez J. X. Entrevista al periodista Jorge Ricardo Masetti : Periodico Combate. 21 jun 1959.

Cantón Navarro J., Duarte Hurtado M. Cuba: 42 Años de Revolución: Cronología Histórica. 2006. T. 1. P. 310–366.

ConflictoCuba-EE.UU / Colectivo de autores. La Habana : Editorial Felix Varela, 1998. P. 35–41.

Hevia Frasquieri M. La CIA promovió los crímenes del bandidismo // Periodico Granma. 22 de nov 2018.

REFERENCES

Garsija Markes G. Zhit', chtoby rasskazyvat' o zhizni. M. : ATS, 2002. 650 s.

Gubina A. I. Kubinskoe informacionnoe agentstvo «Prensa Latina»: istorija, sovremennoe sostojanie, specifika // Nauchnye vedomosti, serija Gumanitarnye nauki. Belgorod, 2014. № 13 (184). Vyp. 22. S. 179–192.

Kastro F. Izbrannye proizvedenija 1952–1986. M. : Izd-vo politicheskoj literatury, 1986. 568 s.

Larin E. A. Istorija Latinskoj Ameriki. Vtoraja polovina HH veka. M. : Nauka, 2004. 607 s.

Agresiones de Estados Unidos a Cuba revolucionaria: anuariode 1984 / Colectivo de autores. La Habana : Editorial de Ciencias Sociales, 1989. 204 p.

Bodes Gomez J. X. Entrevista al periodista Jorge Ricardo Masetti // Periodico Combate. 21 jun 1959.

Cantón Navarro J., Duarte Hurtado M. Cuba: 42 Años de Revolución: Cronología Histórica. 2006. T. 1. P. 310–366.

ConflictoCuba-EE.UU / Colectivo de autores. La Habana : Editorial Felix Varela, 1998. P. 35–41.

Hevia Frasquieri M. La CIA promovió los crímenes del bandidismo // Periodico Granma. 22 de nov 2018.

УДК 314.74

А. И. Обирин

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета;
e-mail: lazoobirin@mail.ru

СЕТИ ПОДДЕРЖКИ В ГОРОДАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье на основе комплексного эмпирического исследования анализируется структура и функция сетей поддержки в Хабаровске. Формирование таких сетей автор связывает с усилением неопределенности социально-экономической ситуации, ухудшением уровня жизни населения, сокращением числа рабочих мест. Ключевая роль в этих сетях принадлежит родственникам, друзьям, знакомым, соседям и сослуживцам. Основной причиной обращения к ним является поиск помощи в проблемах со здоровьем, при получении образования и обеспечении уровня жизни.

Ключевые слова: сети поддержки; самообеспечение; социальная мобильность; доход; социальная неопределенность.

A. I. Obirin

PhD (Social Sciences), Associate Professor at the Department of sociology, political science and regional studies, Pacific National University;
e-mail: lazoobirin@mail.ru

NETWORKS OF SUPPORT ARE IN THE CITIES OF FAR EAST

The article analyzes the structure and function of supporting networks in Khabarovsk city based on a comprehensive empirical research. The author connects the formation of such networks with the increased uncertainty of the socio-economic situation, the deterioration of the standard of living of the population, and the reduction in the number of jobs. The key elements of the network are relatives, friends, acquaintances, neighbors and colleagues. The main reason for contacting the network is to seek help in solving problems related to health, education and self-sufficiency.

Key words: social networks; self-reliance; social mobility; income; social uncertainty.

Актуальность проблемы

Одним из негативных последствий проводимых сегодня в Дальневосточном регионе реформ стало сокращение рабочих мест в частном

CC BY

секторе без возникновения аналогичного числа вакансий в государственном секторе [Пономарев 2016]. Кроме того, существенная часть возникающих вакансий достается гражданам иностранных государств [Новикова 2015]. Это, возможно, рационально с экономической точки зрения, но создает сильнейший негатив у местного населения, чей уровень жизни снижается. В условиях сокращения возможностей трудоустройства население обращается к неформальным механизмам самообеспечения, неформальным механизмам поиска работы [Бляхер 2016].

Конечно, эти относительно архаические механизмы не являются целью и даже позитивной тенденцией. Но именно они, как представляется, предохраняют общество от социального взрыва, позволяют сгладить негативные последствия современного состояния в регионе. При всей значимости этого явления, его изучение не находится в центре интереса региональных исследователей, достаточно редко удостаивается внимания при всероссийских опросах [Повстин 2010]. Чтобы частично компенсировать эту ситуацию, мы провели в Хабаровске, крупнейшем населенном пункте региона, комплексное эмпирическое исследование феномена сетей поддержки.

Результаты исследования

Исследование было проведено в марте – апреле 2019 г. и состояло из двух частей: формализованного опроса трудоспособного населения города Хабаровска (число респондентов – 160 человек, тип выборки территориальная, случайная на стадии отбора респондента), неформализованного (глубинного) интервьюирования представителей той же социально-территориальной общности (число респондентов – 12). Необходимость в качественном исследовании была связана с тем, что некоторые результаты формализованного опроса нуждались в уточнении. Кроме того, именно интервьюирование позволяет осмыслить и описать сам механизм работы сетей поддержки.

В выборку при формализованном опросе попали 72 мужчины и 88 женщин, что соотносится с общей демографической ситуацией в городе. В возрастном отношении респонденты распределились следующим образом, от 18 до 65 лет (см. табл. 1). Принципиальной разницы в ответах между представителями различных возрастных групп не обнаружено. В силу небольшой выборки ответы округлялись до целого значения.

Таблица 1

Возраст респондентов составил	Число респондентов (%)
От 18 до 29 лет	29
От 29 до 40 лет	51
От 40 до 55 лет	42
От 55 до 65 лет	38

Не удалось обнаружить существенного отличия в ответах по признаку пола. Зато гораздо более существенным оказалось различие по уровню заявленного дохода. В этом отношении респонденты распределились следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Заявленный доход	Число респондентов (%)
От 15 до 30 тыс. рублей	24
От 30 до 50 тыс. рублей	57
От 50 до 100 тыс. рублей	56
Свыше 100 тыс. рублей	23

Здесь достаточно явно проявлялась закономерность: чем выше доход, тем реже респондент обращается к знакомым для решения проблем занятости, самообеспечения. В целом ответы на вопрос «Как часто вы обращаетесь к знакомым (друзьям, родственникам) с просьбой о помощи?» распределились следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3

Вариант ответа	Число респондентов (%)
Обращаюсь постоянно	32
Обращаюсь не реже 1 раза в месяц	53
Иногда обращаюсь	59
Не обращаюсь	16

Следует отметить, что лидером является не самая малообеспеченная группа населения (с заявленным доходом до 30 тыс. рублей), а вторая группа (с доходом от 30 до 50 тыс. рублей). Нами была выдвинута гипотеза, подтвердившаяся в ходе ответа на следующий вопрос: «К кому Вы чаще обращаетесь за помощью?» Суть ее в том, что

лица с низким доходом и социальным статусом, чаще всего, обладают и более узким кругом знакомств. Если представители группы с доходом свыше 100 тыс. рублей в месяц к помощи сторонних лиц обращались редко, а если и обращались, то к «друзьям», то лидирующая группа обращалась ко всем предложенным вариантам «помощников». Группа же с наиболее низким доходом обращалась чаще всего к родственникам. Вполне понятно, что этот круг существенно у́же. Ответы распределились следующим образом (см. табл. 4).

Таблица 4

Вариант ответа*	**Число респондентов (%)**
К родственникам	42
К друзьям	51
К знакомым	49
К официальным лицам	26
К силовым структурам	22

*Можно было выбрать два ответа, потому сумма ответов больше 100 %.

Узость круга общения социальных аутсайдеров (низкий уровень доходов) проявляется и в содержательной части интервью (мужчина, 63 года, охранник в супермаркете):

> Ну, к кому я могу за помощью обратиться? Кому я нужен? Семья, родня. Да, и то не все. Кто-то рожу скривит. Типа, сам виноват, пьешь много. А я и пью-то не особо. Так, от нервов. Может, на работе пару мужиков за меня бы вписались. Но они сами, как я. В сплошных проблемах. Выходит, только родня и поможет.

Напротив, представители двух наиболее благополучных групп (достаточный уровень доходов) предпочитали к родственникам не обращаться. В интервью это объяснялось следующим образом (мужчина, 49 лет, директор предприятия).

> Понимаете, к родне, раз обратился и всё, попал. Потом к тебе не зарастет народная тропа. Сто раз проклянешь день, когда попросил помочь. Этого возьми на работу, этого устрой. А со своими работать – это ужас. Его надо взгреть или выгнать. А нельзя. Родная кровь.

Значим показатель процента, в рубрике «обращение к силовым структурам». Как правило, речь шла о прокуратуре. В обращении в прокуратуру часть респондентов усматривала последний вариант действий для того, чтобы «добиться правды» [Волков 2012]. Хотя, численно эта группа не велика, но ее наличие представляется значимым.

Показательно и то, в каких случаях обращаются за помощью. Здесь формализованный опрос оказывается не особенно информативным. Ответы на вопрос: «В каких случаях Вы обращаетесь за помощью?» Вопрос был открытый. Респондент мог сформулировать любой вариант ответа или несколько вариантов. Наиболее частотными оказались следующие варианты (в порядке убывания): при потере работы, при первом трудоустройстве, при поисках дополнительного заработка, при поиске клиентов, при конфликте с начальством по месту работы, поиск мастера, в случае болезни и иной нетрудоспособности, поиске жилья, поручительстве по кредиту. Остальные варианты встречались относительно редко.

Поскольку спектр ответов достаточно широк. По существу, в него входит любая сложная жизненная ситуация. В интервью обращение за помощью сгруппировались в трех областях: здоровье, образование, самообеспечение.

Здоровье (точнее, болезнь) предполагали поиски «хорошего врача» или денег на лечение. Несколько чаще встречался первый вариант (женщина, 54 года, работник культуры).

> Сейчас же почти все врачи – коновалы. Толку с них никакого. Вот и обращаешься, чтобы нормально отнеслись, чтобы к нормальному доктору попасть. Без помощи это сегодня не реально. Насмерть залечат.

Интересно, что представители аутсайдерской группы (доход от 15 до 30 тыс. рублей) чаще ищут хорошего врача, а представители более благополучных групп чаще собирают деньги на лечение за пределами края или страны. Предполагаем, что это связано с тем, что суммы, которые требуются на лечение за границей или в крупнейших центрах в стране для двух наименее состоятельных групп просто немыслимы.

Вторая группа проблем – образование для детей. Здесь проблем достаточно много. Уже на уровне школьного образования отмечаются проблемы «попасть в хорошую школу (класс)», «найти хорошего репетитора (преподавателя)». Чаще всего респонденты обращались

в поисках преподавателя по английскому и китайскому языку. При выборе вуза и специальности тоже часто обращаются за помощью. Хотя введение ЕГЭ свело возможности коррупционного (через взятку) попадания в вуз к минимуму, но выбор вуза и специальности остается сложной проблемой.

Третья, наиболее частотная по числу упоминаний проблема – организация самообеспечения. Вариантов здесь имеется множество. Обращение к помощи предполагалось в случае поиска работы и дополнительного заработка, обеспечения роста заработной платы и карьерного роста, множества иных вариантов (мужчина, государственный служащий, 39 лет).

> Ты думаешь, что сам сможешь продвинуться? Ну, может быть, и сможешь. Только с протекцией, если есть сильный покровитель, то карьеру сделаешь гораздо быстрее и легче. А покровитель сам не возникнет. В этом направлении нужно работать. Тогда в нужный момент будет к кому обратиться. Конечно, бывают и другие случаи. Скажем, родственник сел в правильное кресло. Или хороший друг стал боссом. Это еще лучше. Но такое не всегда бывает.

Вывод

Таким образом, наиболее значимыми в плане конструирования социальных сетей поддержки в Хабаровске выступают группы «родственники» и «друзья». Причем, вторая группа даже более значима, чем первая. Несколько менее значимой является группа «знакомые». Здесь чаще подразумеваются приватные знакомые, не связанные со служебной деятельностью. Еще менее популярными, но все же значимыми выступают группы «соседи», «сослуживцы». Последние для разных групп респондентов представляли разную ценность. В некоторых интервью именно сослуживцы оказываются наиболее значимыми участниками сетей поддержки.

Причины же обращения к сетям поддержки, здесь самые широкие. Любая рисковая ситуация является причиной включения сети поддержки. Это свидетельствует, кроме всего прочего, о низком доверии к существующим формальным способам разрешения проблем и конфликтных ситуаций. Если в еще сравнительно недавнее время существовали стратегии, однозначно, ведущие к успеху, связанные

с функционирующими социальными лифтами, то сегодня такие стратегии, по мнению респондентов, высказанному в интервью, отсутствуют. Реальность становится все более неопределенной, а социальные лифты становятся все более заблокированными [Сасаки 2010]. В этих условиях социальный агент вынужден разрабатывать собственные стратегии безопасности за пределами легальных (формальных) каналов коммуникации, выстраивать свои стратегии в «серой зоне».

Тем самым, мы опять оказываемся перед перспективой возникновения социальной, а за ней и экономической «тени». Усилия, предпринимаемые государством на протяжение более двух десятилетий, могут сойти на нет. Единственным способом изменить эту тенденцию, как нам представляется, выступает переход от номинального к реальному развитию региона, становление эффективной, а не «для отчета», социальной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бляхер Л. Е. Чего боятся и как выживают бюджетники // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 3. С. 52–70.

Волков В. В., Панеях Э. Л. [*и др.*] Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования. СПб., 2012. 144 с.

Новикова И. В. Кому на Руси жить хорошо? (или размышление о стоимости жизни на Дальнем Востоке России) // Материалы Междунар. научно-практической конференции «VI Найденовские чтения. Развитие предпринимательства в торговле и услугах: проблемы и перспективы». М. : Научная библиотека, 2015. С. 215–224.

Повстин В. А. Исследование социального капитала в хабаровском муниципальном сообществе // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 4. URL : cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnogo-kapitala-v-habarovskom-munitsipalnom-soobschestve (дата обращения: 29.05.2019).

Пономарев С. В., Медянцева К. С. Рынок труда и занятость на российском Дальнем Востоке // Молодой ученый. 2016. №5. С. 390–393.

Сасаки М. Доверие как элемент социального капитала современной России (компаративистский анализ) / М. Сасаки, В. А. Давыденко, Ю. В. Латов, Г. С. Ромашкин // Мир России. 2010. No 2. С. 78–97.

REFERENCES

Bljaher L. E. Chego bojatsja i kak vyzhivajut bjudzhetniki // Politija. Analiz. Hronika. Prognoz. 2016. № 3. S. 52–70.

Volkov V. V., Panejah Je. L. [*i dr.*] Pravoohranitel'naja dejatel'nost' v Rossii: struktura, funkcionirovanie, puti reformirovanija. SPb., 2012. 144 s.

Novikova I. V. Komu na Rusi zhit' horosho? (ili razmyshlenie o stoimosti zhizni na Dal'nem Vostoke Rossii) // Materialy Mezhdunar. nauchno-prakticheskoj konferencii «VI Najdenovskie chtenija. Razvitie predprinimatel'stva v torgovle i uslugah: problemy i perspektivy». M. : Nauchnaja biblioteka, 2015. S. 215–224.

Povstin V. A. Issledovanie social'nogo kapitala v habarovskom municipal'nom soobshhestve // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2010. № 4. URL : cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnogo-kapitala-v-habarovskom-munitsipalnom-soobschestve (data obrashhenija: 29.05.2019).

Ponomarev S. V., Medjanceva K. S. Rynok truda i zanjatost' na rossijskom Dal'nem Vostoke // Molodoj uchenyj. 2016. №5. S. 390–393.

Sasaki M. Doverie kak jelement social'nogo kapitala sovremennoj Rossii (komparativistskij analiz) / M. Sasaki, V. A. Davydenko, Ju. V. Latov, G. S. Romashkin // Mir Rossii. 2010. No 2. S. 78–97.

УДК 316.77

В. Л. Примаков

доктор социологических наук, профессор;
профессор кафедры социологии Института международных отношений
и социально-политических наук Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: vprim2007@yandex.ru

МЕДИАТИЗАЦИЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Рассматриваются основные теоретические подходы к пониманию феномена медиатизации, его эпистемологического осмысления в обществоведческой науке. Формулируется авторское определение медиатизации, раскрывается социологический концептуальный взгляд на процесс формирующего влияния медиа на современное общество.

Ключевые слова: коммуникация; массмедиа; медиатизация; медиаконтент; медиатехнология; медиалогика; медиаформат; медиареальность.

V. L. Primakov

Doctor of sociological sciences, Professor at the Department of Sociology,
Institute for International Relations and Social and Political Sciences,
Moscow State Linguistic University; e-mail: vprim2007@yandex.ru

MEDIATIZATION AS A THEORETICAL CONCEPT

The article deals with the main theoretical approaches to understanding of the mediatization phenomenon, its epistemic interpretation in social sciences. The author forms a definition of mediatization, accounts a sociological concept-based perspective on the process of forming influence of media on the contemporary society.

Key words: communication; mass media; mediatization; media content; media technology; media logic; media format; media reality.

Современные тенденции развития общества, и не только российского, актуализируют необходимость глубокого научного анализа краеугольных методологических и теоретических оснований взаимодействия медиа с различными социальными институтами. Очевидно, что в современном мире СМИ и другие медиа не только передают информацию, но и активно воздействуют на различные стороны социальной жизни, а такие области социальной действительности, как PR, реклама, маркетинг, иногда кажется, перестали бы существовать без медиаресурса и медитехнологий.

Более того, многие сферы общественной жизни сегодня стали подстраиваться под медиаформат. Особенно ярко это проявляется

CC BY

в политической сфере. Сегодня политик бежит не на митинг своих сторонников, не на партийное собрание, а на телевизионный «круглый стол», либо ток-шоу, причем неважно, какая тема. «Твиттерная дипломатия» политиков самого высокого ранга перестала быть объектом для насмешек. А заявления и публикации в медиа в стиле «хайли лайкли» практически заменили фактуальную обоснованность политических и иных претензий, дипломатический этикет, исказили смысл межгосударственных и иных взаимоотношений, заменив их медиатехнологиями. Важно в определенный момент «выложить» в медийный мейнстрим информацию о чем-либо, создать соответствующую медиаволну ретрансляции «эхо», что «заставит» общественные институты действовать определенным образом. Это лишний раз подтверждает сегодня уже практически тривиальное умозаключение о том, что если что-либо воспринимается как реальное, то оно реально по своим последствиям.

Появился термин «медиатизированная политика», которая, по мнению Дж. Маззолени и В. Шульца, авторов понятия, является политикой, «потерявшей свою автономию, ставшей зависимой от массмедиа в своих ключевых функциях и постоянно формирующаяся посредством взаимодействия с массмедиа» [Mazzoleni, Schulz 1999, с. 250].

Очевидно, что современное общество сегодня как совокупность институционально закрепленных и поддерживаемых отношений существенным образом изменилось. Появление Интернета и цифровых технологий полностью «перекроило» социальный ландшафт, институциональные способы регуляции, групповые социальные практики, даже межличностные отношения. Появились новые социальные механизмы влияния, использующие медиатехнологии, формы коммуникации и коммуникационные посредники. Массмедиа прочно вошли в содержание социальной жизни; в этом симбиозе сформировались особая медиакультура, устойчивые социальные практики и технологии, медийные по своей сути и способам реализации.

Появились не только онтологические феномены (медиасреда, медиапрактики, медиареальность, медиатехнологии и пр.), но их эпистемологические оформления. Сегодня можно говорить о существенном росте исследований и публикаций по анализируемой теме, активно изучаются различные стороны медиатизации общественной жизни. Особенно много таких исследований за рубежом [Cloudry 2008; Hjarvard 2012; Krotz 2007; Mediatization 2009]. Там же введено в научный

оборот само понятие «медиатизация». При всех различиях в подходах к анализу медиатизации этих и других авторов, представляется возможным обобщить принципиальную точку зрения западных исследователей: «…медиатизация является обоснованным в модификации коммуникаций основным принципом, по которому люди «конструируют» социальный и культурный мир»; «…медиатизация по своему существу подразумевает, что влияние современных массмедиа на общество несет формирующий, образующий характер; медиа меняют его форму и социальные взаимные ожидания определенных действий» [Mediatization 2009, с. 50].

При этом необходимо отметить, что российская научная культура в этом направлении прирастает, главным образом, концептуальным теоретическим анализом и редкими эмпирическими исследованиями медиатизации отдельных сторон социальной жизни. Хотя следует признать, что само понятие «медиатизация» впервые появилось в работе отечественных ученых Т. В. Андриановой и А. И. Ракитова еще в 1991 г. [Современные тенденции 1991]. Расширяя и углубляя научный анализ, отечественные ученые концентрировали свое внимание на различных сущностных сторонах медиатизации, признавая особое системное образующее влияние массмедиа на общественные структуры. Не претендуя на доскональное изучение всех теоретических подходов, сосредоточимся на анализе некоторых наиболее рельефных методологических представлений медиатизации.

Так, изначально сущностное истолкование медиатизации не сводилось исключительно к посреднической функции медиа, опосредования коммуникации соответствующими средствами передачи информации. В этом, по мнению многих, и есть принципиальное различие медиации от медиатизации (от *лат*. mediare и *англ*. mediation – посредничество). Медиа, по мнению, Н. Б. Кирилловой, это «целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [Кириллова 2005, с. 22]. В подобном методологическом ракурсе анализа видится и еще одна сторона медиатизации. По мнению И. В. Рогозиной, это процесс воздействия на мышление индивидов, «выражающийся в формировании картины мира посредством специфических медийных когнитипов...» [Рогозина 2003, с. 121]. Поэтому обоснованно впоследствии стали говорить о медиатизации общества как особом типе социального пространства [Шаронов 2008].

Отдельное направление изучения феномена медиатизации в отечественной научной традиции связано с анализом ее технологической составляющей. В частности, определенный научный импульс получила, но, по нашему мнению, не сформировалась в дальнейшее предметное и детальное развитие идея о мощном манипулятивном, а в целом, регулятивном, «влиянии массмедиа на общественное сознание и бытие» [Землянова 1999].

Отдельная глава посвящена анализу медиатизации как социальному тренду в известной монографии В. П. Коломийца «Медиасоциология: теория и практика» [Коломиец 2014]. Анализируя сущность медиатизации и ее проявления в социальной жизни, автор пишет: «Общество всё больше наполняется медиатизированными формами социальной и культурной жизни. Медиатизируются повседневность, работа и отдых, социальные отношения, предприятия и институты, политика и экономика, социализация и идентификация, культура и общество. Невозможно найти такой сегмент общественной жизни, куда не были бы инкорпорированы медиа» [Коломиец 2014, с. 84–85]. Истины ради, стоит заметить, осмысливая содержание монографии, что медиасоциология – это и есть социология медиатизированного общества. Что и подтверждает в итоге сам автор.

Обобщая не столько последовательность и историографию отечественных исследований медиатизации, сколько общую логику и созвучный с зарубежными авторами принципиальный подход к анализу и оценкам формирующего влияния медиа, можно резюмировать следующим образом: «Так, под сильнейшим влиянием быстро развивающихся технологий и медиа формируется абсолютно новое общество – зависимое от медиапотребления, обеспечивающего получение необходимой информации и потребляющее все возможные каналы коммуникации. Эти изменения затрагивают все аспекты жизнедеятельности социума. Глобальная медиатизация и технологизация привели к созданию единого медийного социального пространства, позволив социуму непрерывно получать информационно-коммуникативный опыт» [Гуреева 2016].

Очевидно, что все эти и другие теоретико-методологические подходы концентрируют свое внимание на концептуальном определении медиатизации. Дж. Томпсон, предложивший сам термин «медиатизация» (mediatization), понимал как «наделение базовых элементов

социальной и культурной реальности медиалогикой или медиаформой» [Thompson 1993, с. 29]. Сразу оговоримся, что это определение не кажется нам оптимальным. Однако оно дает возможность понять принципиальный способ медиатизации общества, что мы будет рассматривать более предметно ниже. Более точное определение медиатизации дает Стиг. Хьярвард (*дат.*), один из активных исследователей данного феномена, – это «процесс, через который центральные элементы социальной и культурной активности испытывают влияние медиа и становятся зависимыми от них» [Hjarvard 2012, с. 30].

Не претендуя на исчерпываемость и завершенность, попробуем и мы сформулировать авторское рабочее определение рассматриваемого феномена. Под *медиатизацией* мы понимаем процесс и результат формирующего влияния массмедиа на общественные отношения, социальные практики и институты посредством медиатехнологий, в ходе которого «конструируется» (и воспроизводится) особая медиасоциальная реальность.

Понятно, что данное определение требует некоторых уточнений и пояснений. Прежде всего, что понимать под массмедиа? Казалось бы, ответ очевиден: средства массовой информации (далее – СМИ) и / или средства массовой коммуникации (далее – СМК). Однако ни знака равенства, ни дополнения (плюса), ни тем более противопоставления здесь ставить нельзя. И проблема не только в самих терминах. Важно их сущностное и содержательное наполнение. Не вдаваясь в подробный анализ истории и практики использования этих понятий в отечественном научном и, прежде всего, социологическом дискурсе, отметим самое существенное – содержательная характеристика медиатизации как процесса основывается не столько на технических средствах и организации передачи информации, сколько на коммуникации, взаимодействии с другими субъектами социальных отношений посредством медиа.

Ключевым элементом, «первокирпичиком» здесь выступает акт (процесс) взаимодействия, социальная коммуникация, что определенно переводит изучение медиа в область социологического анализа. Поскольку коммуникация связанна с общением и взаимосвязью, а значит, с социальными связями и отношениями. Это, во-первых. Во-вторых, коммуникация, как известно, не только передача информации как совокупности кодов, знаков. Коммуникация транслирует

социальный, когнитивно-оценочный, ценностно-нормативный, культурный контекст. В-третьих, медиакоммуникация – это массовые глобальные процессы как по средствам (мировые СМИ, Интернет), так и по социальной интеграции людей в массовые коммуникативные сообщества. Всё это выводит анализ медиа в плоскость изучения не столько средств коммуникации, сколько самой социальной коммуникации посредством медиа, системы социальных взаимодействий – процесса создания и развития социальной реальности. В таком контексте медиакоммуникация – это специфическое социальное действие, особый вид социальной практики, использующий определенные медиаресурсы.

Именно поэтому в авторском определении под массмедиа понимаются не столько технические, программные и организационные средства и способы передачи и ретрансляции информации, но прежде всего социальная по своей природе медиасреда (пространство) массового распространения, обмена информацией, связи и взаимодействия посредством медиасредств. Ибо современные массмедиа, традиционные (печатные и пр.), электронные (например, аналоговые телевизионные), но прежде всего так называемые новые медиа (Интернет, цифровые технологии и средства) коренным образом изменили информационно-коммуникационную среду. Основываясь на таких характеристиках современных медиа, как массовость, интерактивность, взаимосвязанность, мультимедийность, трансграничность, децентрализованность, сформировалась специфическая по своей природе сетевая (виртуальная) социальная медиасреда, медиапространство.

Базируясь на вышеизложенном подходе, мы взяли на себя смелость структурировать массмедиа, с условно называемой логико-форматной точки зрения. В качестве критерия структурации мы выбрали особенности социальной коммуникации, социальных практик, осуществляемых на основе использования соответствующих медиасредств. Таким образом в структуре массмедиа мы выделяем:

– автономные медиа (книги, граммофоны, патефоны, магнитофоны, различного рода проигрыватели, MP3-плейеры, ридеры, фотоаппараты, любительские кинокамеры и пр.). Данная группа выделена в монографии В. П. Коломийца, под которыми он понимал всё то, «что человек использует в своей повседневной практике без какого-либо подключения к внешним источникам информации» [Коломиец 2014, с. 33];

– социальные медиа, аудиовизуальные средства и формы коммуникации и обмена информацией, прежде всего, телефон, смартфон, а также систематические виртуальные сети, цифровые продукты организованной коммуникации (чаты, форумы, ICQ, Skype, WhatsApp, блоги и микроблоги, виртуальные дневники), электронная почта, коммуникаторы, месседжеры, видеохостинги и пр.);

– аналоговые СМИ (пресса, печатные издания, спутниковые и кабельные телевизионные и радийные каналы и пр.);

– цифровые медиаресурсы (цифровые СМИ, различные интернет-форматы распространения и обмена информацией, трансляции и ретрансляции, публикаций, записей, архивов, в том числе поисковые системы, агрегаторы новостей, интернет-сайты, web-страницы и пр.);

– многопользовательские среды и сети (образовательные интернет-порталы, wiki-ресурсы, открытые электронные библиотеки, пиринговые сети (P2P), медиапорталы и пр.);

– медиаискусство (оцифрованные объекты культуры и искусства, мультимедийные программы, видео (видеоарт, медиаинсталляции, медиаперфоманс, медиаландшафт), аудиоискусство, виртуальные музеи и архивы, реконструкции, перфомансы и пр.);

– медиаигры (социальные игры, игровые программы, миры и среды) и др.

Наверное, возможна и иная классификационная схема, как и дополнения, которые сейчас пока трудно прогнозировать. Главная цель, которую мы преследовали, составляя подобную структуру, связана не столько с попыткой всеобъемлющего описания массмедиа, сколько с желанием раскрыть весь по возможности спектр полей, пространств, сегментов социального взаимодействия с использованием медиасредств. Основной вывод из этого структурного описания заключается в том, что медиакоммуникации, а по сути, социальные взаимосвязи и отношения посредством медиа, формируются в широком спектре медиасредств, создающих отличные друг от друга форматы социальных отношений и практик и реализующих различные медиатехнологии.

Авторская «конструкция» медиатизации, очевидно, требует пояснений относительно и медиатехнологий как средства медиатизации. Канонически под технологией понимают логически выстроенную последовательность методов, средств и инструментов, позволяющих

достичь желаемого результата. Медиатехнология (media technologies) в таком контексте может быть понимаема как совокупность методов и инструментов распространения информации. Под методами понимаются приемы и способы, специфические для медиасреды. Под инструментами – специфические средства и каналы распространения медиаданных. Что, по сути, отражает организационно-техническую сторону медиатехнологий. Однако важно учитывать, что любое медиадействие, медиаакция, медиапродукт будут нести символический, когнитивно-оценочный, ценностно-нормативный, а значит, и социально формирующий аспект. Ведь в их основе медиакоммуникация – специфическое социальное действие, использующее медиаресурсы. Поэтому правильнее, особенно с точки зрения медиатизирующего контекста анализа, говорить о социальных по своему содержанию медиатехнологиях. Тогда под медиатехнологиями в их социальном содержании будут пониматься приемы, способы, каналы и инструменты создания и распространения медиаконтента, ориентированные на управление восприятием целевых групп.

Здесь необходимо сделать некоторое отступление в связи с относительно новым для социологии понятием «медиаконтент». Среди специалистов в области медиа этот конструкт занимает, пожалуй, ключевой место в профессиональном и бытовом тезаурусе. Медиаконтент (от *англ*. «содержит, содержание, включает в себя») – это информация, ее медийное (текстовое, визуальное, звуковое, графическое и пр.) содержательное оформление. Очевидно, что и содержательное наполнение, и форма его подачи, трансляции, несут в себе социально-формирующий контекст. Не вдаваясь в глубокий теоретический анализ рассматриваемого концепта, фрагментарно процитирем известного специалиста в области медиасоциологии: «Можно сказать, что контент – это культурный агент, а медиапродукт – экономический. Конечно же, суть медиапродукта составляет контент, т. е. символическое содержание, которое носит полисемичный характер и несет в себе определенные ценности, мировоззрение. Учитывая, что постижение мира человеком происходит через личный опыт и опыт, почерпнутый из массмедиа, то медиапродукты выполняют функцию социализации, формирования общественного мнения, духовной атмосферы общества» [Коломиец 2014, с. 127–128]. Именно медиаконтент несет в себе потенциал медиатизации, поскольку формирует не только ценностно-

ориентировочное отношение, но и социальные практики медиапотребления, институционально-нормативные комплексы, а в целом, медиасоциальную реальность. Ибо главная социальная функция массмедиа – формирование картины мира.

Раскрывая концепцию медиатизации, следует попытаться глубже проникнуть в социальные механизмы функционирования медиа. Напомним, что Дж. Томпсон рассматривал три взаимосвязанных механизма: 1) символическая переработка информации для понимание мира, в многообразные «значимости», смыслы; 2) организация и реорганизация этих смыслов, ценностей в формально-содержательный контент и трансляция его; 3) медиапосредничество как своеобразная форма реструктурирования способов взаимосвязи и коммуникации людей [Thompson 1993]. Однако подобные механизмы не отвечают, с нашей точки зрения, на важный вопрос: как переводится содержательное оформление информации (медиаконтент) в сознание индивидов, в коммуникативные практики, институты? Или иначе: каков основной способ формирующего влияния медиаконтента на различные социальные структуры, от личности до общества, реализуемый в медиатехнологиях?

Но сначала следует заметить, что в контексте рассматриваемой концепции медиатизации общества ключевыми понятиями, используемыми при анализе формирующего влияния медиа на общества, очень часто выступают медиалогика, медиаформат. Что касается медиаформата, то в профессиональном приложении его используют при фиксации технических параметров вещания (format broadcasting) и при определении структурных, стилистических, жанровых отличий в телепродуктах, телевизионном контенте. В социологическом контексте медиаформат несет иную коннотацию. Прежде всего, отметим, что медиаформат непосредственно связан с медиалогикой. «Медиалогика – это трансформация события посредством медиатрансляции для достижения планируемого эффекта поступка, действия» [Коломиец 2014, с. 84]. Логика медиатрансляции форматна по своему медиаконтенту. Но самое существенное с точки зрения рассматриваемого концепта медиатизации это то, что медиаформат задает социальные (кто, что, как, где и пр. (не-) говорит / (не-) пишет / (не-) показывает) рамки и истолкования информации, и его медиапотребления, причем вполне определенные.

Дэвид Элтейд (США) в работе «Логика медиа», один из ведущих специалистов в области теории и истории медиа определяет «формат как рамку или перспективу, которая используется для того, чтобы подать и истолковать те или иные феномены» [Altheide 1979, с. 75]. Формат первичен по отношению к событию: именно событие «конструируется» в соответствии с форматом, а не формат – в соответствии со спецификой события. Д. Элтейд пишет, что это «то, посредством чего мы осознаем реальность, видим то, что видим. И это всегда не «сырое» событие, а определенным образом поданное и истолкованное, «отформатированное». И далее: «В медиареальности формат выполняет те же функции какие в повседневности – естественная установка» [Altheide 1979, с. 82]. Таким образом, по Элтейду, получается, что формат задает четкую направленность интерпретации события. А значит, продолжим, и его оценки, и восприятия последующих событий, и собственного поведения, и оценки других. Формат в таком понимании становится универсальной рамкой формирования социальной реальности. «Выстраивание социальной жизни с учетом требований медиа приводит к доминированию медиалогики в общественной жизни. Она становится сущностной характеристикой современных институтов, становясь похожей на определенные «правила жизни» [Коломиец 2014, с. 84].

Попробуем разобраться в содержании медиаформата. Нам представляется, что базовое содержание медиаформата можно представить в совокупности некоторых конструктов, элементов, определяющих контент и особенности его трансляции:

– фокус внимания, угол зрения (фрейм – кадр, смысловая рамка, каркас, содержательная целостность освещения события, факта, идеи, мысли, реальности и пр.). В уже цитируемой работе Дэвид Элтейд пишет о фрэймах как о *фокусах, параметрах или границах для обсуждения конкретного события. Фреймы фокусируются на том, что будет обсуждаться, как оно будет обсуждаться, а кроме того, как оно не будет обсуждаться*;

– организация подачи материала (мультимедийный ряд, последовательность освещаемых событий, пространственные и временны́е растры, состав и размещение участников, привязанность к целевой группе и пр.);

– стиль представления материала (манера поведения, обращения, диалога ведущих, участников, эмоциональная составляющая и пр.);

– язык, дискурс (система понятий, тезаурус, лексические и грамматические особенности, языковые коммуникативные акты, реализуемые в языке паттерны и пр.).

Очевидно, что представленные базовые конструкты медиаформата могут и будут «обрастать» новыми, расширяющими и углубляющими технологические способы и приемы формирующего воздействия медиа. Кроме того, понятно, что медиаформат «привязан» к тому или иному жанру, как и медиаканалу. Однако особенно важно то, что медиаформат формирует медиареальность. Медиаформат переструктурировал нашу повседневную жизнь, время, пространство, самоидентификацию, социальные статусы, отделив онлайн-контент от оффлайн-содержания, социальные практики, перемешав их с форматом медиапотребления, социальные институты и их ценностно-нормативную основу. Медиаформат в условиях современного глобализационного медиарынка превратился в понятный и удобный и производителю, и рекламодателю, и потребителю инструмент, объясняющий, что и как понимать, воспринимать, оценивать. Желание эффективно продать медиапродукт, соответственно, выбрав заказчика и просчитав потребителя, как схема понятна любому медийщику, от начинающего блогера до руководителя телеканала. И все они ориентируются на формат, понятный и конкретному потребителю, и заказчику (рекламодателю). «Когда общество резко расслоилось, а каждый его слой резко обособился, все вдруг поняли, что диалог с аудиторией должен быть предметным, что его надо выстраивать. Так вот, формат – это свод правил, регулирующих этот диалог: его интонацию, тип его участников и т. д. Если ты хочешь добиться внимания определенного собеседника, ты должен вести себя определенным способом» [Сеансу отвечают 2006]. Переведем, то есть в соответствии с форматом.

Конкретизируя медиатизирующее влияние медиаформата, зафиксируем следующие положения:

- медиаформат исключает двойственность, неопределенность восприятия контента;
- он формирует типичные установки на потребление форматного контента, культурные, эстетические и идеологические тренды восприятия и оценки;
- он стандартизирован по форме и содержанию для массового потребления, поскольку ориентирован на массовые, типичные потребности потребителя, зрителя, слушателя, аудиторию;

- медиаформат упорядочен медиаметрией (рейтинги, аудитории, цифровые статистики и пр.), которая «сама подсказывает» наиболее рейтинговый контент, благодаря рекомендательным сервисам и техническим возможностям интерфейса;
- он упрощает отбор и выбор медиапродукта, поскольку не требует глубокой рациональной и эмоциональной рефлексии, ибо нет неопределенности;
- для обеспечения гарантированного медиапотребления медиаформат ориентирован на эксплуатацию простейших, примитивных конструкций нашей ориентации в реальности (сексуальные влечения, переживания возможного насилия, ожидание смерти, чувства неизвестности, опасности, неизбежности и пр.; механизм так называемой «понижающей селекции» (Д. Б. Дондурей.);
- медиаформат несет общепринятую когнитивно-оценочную коннотацию, формирует аргументационную основу восприятия и мышления, убеждает аудиторию, группы и общество в целом;
- он формирует ценностно-нормативные основания, определяет институциональные ожидания и соответствующие механизмы одобрения, оценки, контроля, принуждения;
- он выступает основой общественного мнения, сознания, общественных оценок, установок, ориентаций, поскольку для самоопределения появляется критериальная основа («об этом пишут и говорят»);
- он стимулирует проявления специфических социально-психологических механизмов и свойств (адаптация, идентификация, формирование образца, идеала, подражание, социальность и пр.), необходимых для устойчивого социального существования;
- он формирует медиаресурс, имеющий маркетинговый эквивалент, который может быть успешно реализован (продан) на рынке рекламы, PR, политики, других сфер жизни;
- медиаформат создает иллюзию реальности медиамира, а по сути формирует медиасоциальную (как и иную) реальность и др.

Мы сознательно акцентируем внимание на медиасоциальной реальности, поскольку понимаем, что медиа аналогично формируют

и политическую, и историческую, и экономическую и пр. реальности. За примерами далеко ходить не нужно, вспомнив, например, истории в стиле «хайли лайкли», или продвигаемый в западных медиа миф о «главенствующей роли Америки и союзников в победе над фашистской Германией в годы Второй мировой войны». Можно вспомнить в качестве примера реакцию различных финансовых индексов на ту или иную информацию.

В целом, необходимо заметить, что проблема создаваемой медиареальности в процессе медиатизации является последним в концептуальным элементом в нашей теоретической конструкции. Как-то традиционно проблема «конструирования» медиареальности отнесена к философии медиа. Под медиареальностью подразумевают определенную реальность, отражаемую и выражаемую медиа.

В медиасоциологии чаще говорят о медиасреде, рассматривая ее под различным углом зрения. Например, В. П. Коломиец предполагает ее анализ и как совокупность технических средств, создающих возможности для коммуникации и творчества, и как совокупность смыслов и ценностей. «Наконец, уместно рассмотрение медиасреды через различные практики медиапотребления индивида, для которого социальная среда – это ресурс, определяющий его коммуникационный статус» [Коломиец 2014, с. 113]. Очевидно, что возможен и экономический аспект, и другие. Отсюда и вырисовывается медиареальность как некоторая совокупность средств, способов, субъектов, соответствующих практик, виртуальное пространство использования медиа.

Не ставя перед собой задачу в рамках данной статьи осуществить глубокий критический анализ существующих взглядов и подходов на медиасреду и медиареальность, тем не менее, полагаем, что предложенные точки зрения не могут отразить всю ту сложность и особенность медиасоциальной реальности, о которой мы здесь говорим.

Думается, что социология, в частности, медиасоциология, имеет право анализировать медиареальность, прежде всего, как особую социальную реальность, понимаемую как совокупность действий и взаимодействий, соответственно, отношений, практик, общностей, институтов и пр., формируемых посредством медиа. Эта реальность не только воплощена в материально-вещественные объекты (медиасредства, каналы, технологии, программы и пр.), сколько включает их в себя в качестве ресурсной основы. Под медиасоциальной

реальностью, вслед за А. Щюцом, мы понимаем «всю совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» [Американская социологическая мысль 1994, с. 485.] Добавим, формирующихся в медиасреде. Теоретической основой подобного понимания выступает социальная феноменология Э. Гуссерля, А. Щюца, П. Бергера, Т. Лукмана и др., исходно постулирующая, что индивид не является «пленником» социальной структуры, социальная реальность постоянно воссоздается нами, зависима от нашего сознания и наших ее интерпретаций. Человек, коммуницируя в медиа и посредством медиа, постоянно воссоздает социальную реальность (объекты, практики, институты и пр.), интерпретируя не само событие с соответствующими элементами социальной структуры (личности, организации, поведенческие акты, нормы, институты и пр.), а отформатированное сообщение (новость) о событии. А события становятся новостями, когда преобразуются в соответствии с требованиями формата, а не в силу своих объективных характеристик. И медиа здесь выступают не «привратником» и даже не посредником, а создателем социальной реальности. Кстати, одна из первых работ Д. Элтейда так и называлась «Сотворение реальности. Как телевизионные новости искажают события» (1974) и была написана на основе результатов включенного наблюдения за деятельностью тележурналистов и во многом опирается на их самонаблюдения. Именно так был «сконструирован» «Уотергейт», и именно так «сконструировано» «вмешательство» России в американские президентские выборы.

Медиасоциальная реальность в таком теоретическом контексте понимания:

- одновременно и виртуальна, и реальна, так как сформированные элементы виртуальной социальной структуры становятся реальными в личностных и коллективных социальных последствиях;
- субъективно-объективна; формируясь в нашем сознании, она становится объективным фактом общественного мнения, общественного сознания и поведения;
- распространяет свое влияние на все другие реальности, миры, среды взаимоотношений и взаимодействий;

- основана на интерактивности, понимании интеракций как постоянного повседневного коммуникативного процесса с другими субъектами посредством медиа;
- позволяет рассматривать сообщение (информацию), посредством которой осуществляется коммуникация, как наделенное смыслом, значением, ценностно-нормативным содержанием, несущим в себе определенный культурный код;
- формирует определенную медиакультуру, язык, грамматику, практики, социокультурную среду создания, распространения и потребления контента, медиакоммуникаций;
- оказывает систематическое формирующее влияние на социальные структуры, реформируя регулирующее влияние всех без исключения социальных институтов;
- «конструирует» посредством презентируемого мультимедиаряда специфическое социальное пространство и время, как отформатированную (художественно, технологически, событийно и пр.) опосредованную интерпретацию объективной реальности;
- лигитимирует в общественном сознании «конструируемую» медиареальность; распространяемые сообщение, новость, информация становятся общеизвестными, а значит, реальными и достоверными;
- формирует публичность, как важное условие и содержание социальности, причем как личностной, так и организационной, институциональной; публичность личностей, социальных структур создает пространство открытости, доступности, а значит, и общественного доверия к ним; степень публичности в медиапространстве сегодня стала почти синонимом меры социальности, что формирует конкуренцию за аудиторию, расширение влияния;
- упорядочивает медиаконтент, медиапродукты, медиаорганизации, медиасубъекты друг относительно друга по степени их публичности, охвату аудитории;
- аккумулирует медиатизирующий потенциал влияния «в руках» отдельных субъектов медиасреды («мировые СМИ», общественные телевизионные каналы, новостные агрегаторы, ленты, социальный медиамейнстрим, журналисты, блогеры и пр.).

Мы понимаем, что список этих характеристик медиасоциальной реальности можно продолжить, однако их основное содержание очевидно. Медиатизация создает особую медиасоциальную реальность, не просто использующую медиаресурсы в общественных отношениях, в социальных интеракциях, но формирующую специфическое социальное пространство, где реализуются реальные социальные структуры, практики, ценности, нормы. Не побоимся усилить этот тезис: медиареальность и есть первичная социальная реальность, посредством которой массмедиа показывают мир таким, какой он есть.

Завершая концептуальное осмысление феномена, подчеркнем, что медиатизация как теоретическая конструкция, описывающая формирующее влияние массмедиа на социальную жизнь, функционирование социальных структур, личности, общностей, институтов, сегодня становится универсальной категорией не только социологии, но и других социальных наук. С ее помощью, а, вернее, на основе анализа ее закономерностей, механизмов, эффектов и проявлений представляется возможным не только исследовать медиасреду, но и социальные последствия медиатизации, речь о которых, надеемся, пойдет в следующих статьях.

А в заключение процитируем практически классический труд по проблеме медиатизации: «Теперь человеческие существа строят свою социальную и культурную реальность посредством коммуникативных действий. Однако при этом, поскольку медиа применяются для этой цели, это возникает в силу опосредованной mediated-коммуникации. Таким образом, мы можем допустить, что на протяжении истории человечества медиа стали в значительной степени уместными для построения социальной реальности, по мере того, как индивиды все более и более соотносили свои коммуникативные действия с медиа и его пользованием. Нам следует понять социальную и культурную реальность, и, таким образом, социальный и культурный феномен каждого индивида, также зависящий от медиа. Таким образом, *медиатизация* должна определяться в качестве исторического, продолжающегося, долгосрочного процесса, при котором возникает и институционализуется всё больше медиа. Медиатизация описывает процесс взаимосвязи коммуникации и медиа и использования медиа для социального строительства повседневной жизни, общества и культуры в целом» [Mediatization 2009, с. 24]. Как говорится, добавить к этому более нечего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-во МГУ, 1994. 496 с.

Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208. URL : vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy/ (дата обращения: 24.07.2019).

Землянова Л. М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 1999. № 2. С. 58–69.

Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М. : Акад. Проект, 2005. 448 с.

Коломиец В. П. Медиасоциология: теория и практика : монография / Аналитический центр Vi. М. : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2014. 328 с.

Рогозина И. В. Медиакартина мира: когнитивно-семиотический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003. 430 с.

Современные тенденции информатизации и медиатизации общества: науч.-аналит. обзор / Т. В. Андрианова, А. И. Ракитов. М. : ИНИОН, 1991. 117 с.

Сеансу отвечают: формат // Сеанс. № 29-30, 2006. URL : seance.ru/n/29-30/vertigo-nulevyie/format/format-mnenia/ (дата обращения: 24.07.2019).

Шаронов Д. И. О коммуникативном смысле медиатизации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 234–239. URL : www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2008/02/2008_02_46.pdf (дата обращения: 24.07.2019).

Altheide D., Snow P. Media Logic. L. : Routledge, 1979. 256 p.

Cloudry N. Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling // New Media & Society. 2008. 10(3). P. 373–391.

Hjarvard S. Doing the right thing: Media and communication studies in a mediatized word. Nordicom Review. 2012. Vol. 33. No 1. P. 27–34.

Krotz F. Mediatisierung: Fallstudien zum Wandelvon Kommunikation. 2007. WesbadeniVS. Schulz W. Reconstructing mediazation as an analytical concept// European Journal of Communication. 2004. 19 (1). P. 87–101.

Mazzoleni G., Schulz W. «Mediatization» of politics: A challenge for democracy? // Political communication. 1999. Vol. 16. No. 3. P. 247–261.

Mediatization: consept, changes, consequences / ed. by K. Lundby. New-York : Peter Lang, 2009. 317 p.

Thompson J. Social theory and the media/ Communication Theory Today. London : Sage, 1993. P. 27–49.

REFERENCES

Amerikanskaja sociologicheskaja mysl': Teksty / pod red. V. I. Dobren'kova. M. : Izd-vo MGU, 1994. 496 s.

Gureeva A. N. Teoreticheskoe ponimanie mediatizacii v uslovijah cifrovoj sredy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika. 2016. № 6. S. 192–208. URL : vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy/ (data obrashhenija: 24.07.2019).

Zemljanova L. M. Setevoe obshhestvo, informacionalizm i virtual'naja kul'tura // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. 1999. № 2. S. 58–69.

Kirillova N. B. Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu. M. : Akad. Proekt, 2005. 448 s.

Kolomiec V. P. Mediasociologija: teorija i praktika : monografija / Analiticheskij centr Vi. M. : OOO «NIPKC Voshod-A», 2014. 328 s.

Rogozina I. V. Mediakartina mira: kognitivno-semioticheskij aspekt : dis. ... d-ra filol. nauk. Barnaul, 2003. 430 s.

Sovremennye tendencii informatizacii i mediatizacii obshhestva: nauch.-analit. obzor / T. V. Andrianova, A. I. Rakitov. M. : INION, 1991. 117 s.

Seansu otvechajut: format // Seans. № 29-30, 2006. URL : seance.ru/n/29-30/vertigo-nulevyie/format/format-mnenia/ (data obrashhenija: 24.07.2019).

Sharonov D. I. O kommunikativnom smysle mediatizacii // Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2008. № 2. S. 234–239. URL : www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2008/02/2008_02_46.pdf (data obrashhenija: 24.07.2019).

Altheide D., Snow P. Media Logic. L. : Routledge, 1979. 256 p.

Cloudry N. Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling // New Media & Society. 2008. 10(3). P. 373–391.

Hjarvard S. Doing the right thing: Media and communication studies in a mediatized word. Nordicom Review. 2012. Vol. 33. No 1. P. 27–34.

Krotz F. Mediatisierung: Fallstudien zum Wandelvon Kommunikation. 2007. WesbadeniVS. Schulz W. Reconstructing mediazation as an analytical concept// European Journal of Communication. 2004. 19 (1). P. 87–101.

Mazzoleni G., Schulz W. «Mediatization» of politics: A challenge for democracy? // Political communication. 1999. Vol. 16. No. 3. P. 247–261.

Mediatization: consept, changes, consequences / ed. by K. Lundby. New-York : Peter Lang, 2009. 317 p.

Thompson J. Social theory and the media/ Communication Theory Today. London : Sage, 1993. P. 27–49.

УДК 316.77

А. В. Сальников

адъюнкт Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации;
e-mail: alexeysalnikov21539@mail.ru

СТИЛЬ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

В статье предложен социологический подход к теории стиля управления социальными процессами, выделяются основные группы стилеобразующих качеств личности военного руководителя. Автором рассматривается структура стиля управления, дана характеристика его направленности, профессиональности и нравственности. Приведены результаты социологического исследования значимости личностных, профессиональных и статусных качеств офицера.

Ключевые слова: стиль управления; социальный процесс; профессиональные, статусно-должностные и личностные качества руководителя; стилеобразующие факторы; военно-социальное управление.

A. V. Salnikov

Post-graduate officer of the Military University
of the Ministry of defence of the Russian Federation;
e-mail: alexeysalnikov21539@mail.ru

STYLE MANAGEMENT OF SOCIAL PROCESSES

The article proposes a sociological approach to the theory of management style of social processes, highlights the main groups of style-forming qualities of the personality of the military leader. The author considers the structure of the management style, characterizes its orientation, professionalism and morality. The results of sociological research of the importance of personal, professional and status qualities of an officer are presented.

Key words: management style; social process; professional, status-official and personal qualities of the head; style-forming factors; orientation; military-social management.

Введение

Наиболее значимыми аспектами управления воинским подразделением современной российской армии является стиль деятельности офицера, исполняемые им профессиональные и социальные роли, имидж, авторитет, умение разрешать возникающие конфликты. Практика выявления и социологической оценки этих личностных

CC BY

качеств поможет правильно определить и в дальнейшем эффективно использовать их в управлении социальными процессами [Военно-социальное управление 2010].

Особое место в системе социального управления занимает его стиль, то есть тот особый характер управленческой деятельности, который определяется ее направленностью, профессиональным уровнем и нравственностью. Самые благородные и обоснованные цели не дадут нужного результата, если руководство не будет квалифицированным. Высокий профессионализм выполнения управленческих обязанностей, не направленных на нужный и возможный результат, ведет к временным материальным и моральным издержкам. Профессиональное достижение обоснованных целей с использованием противоправных средств является безнравственным, а значит и недопустимым в системе ценностей современного общества.

Теоретическая интерпретация понятий

Сначала определим содержание понятий «социальный процесс» и «управление социальными процессами»: социальное управление рассматривается в научной литературе как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле как правило оно представляет собой управление социальной сферой жизнедеятельности общества. В широком смысле оно понимается как управление социальными процессами [Чертополох 2012].

Социологическая энциклопедическая литература определяет социальный процесс как совокупность действий, выражающих тенденцию к изменению своего социального положения (статуса), образа жизни, социальных условий; последовательная смена состояний или движение элементов социальной системы [Социологический словарь 2017]. В свою очередь, процесс управления определяется как управленческая деятельность объединенных в определенную структуру объектов управления, направленная на достижение определенных целей путем реализации функций управления, применения соответствующих принципов и методов управления [там же]. Таким образом, управление социальными процессами представляет собой целенаправленную деятельность руководителей, направленную на обеспечение последовательной смены состояний и развития социальных систем. Как и любая деятельность, социальное управление зависит от

субъекта управления (кто управляет) и объекта управления (на что направлено управление), а также цели, средств и условий управления.

Основу эффективного целеориентированного социального управления должен составлять такой стиль управленческой деятельности, который базируется на обоснованной направленности на необходимые и возможные результаты, профессионального и высоконравственного выполнения каждой управленческой операции. Стиль управления и стиль управленческой деятельности похожие, но не тождественные понятия. Стиль управления – типичная для руководителя система приемов воздействия на подчиненных [Социологический энциклопедический словарь 2000]. Стиль управленческой деятельности – это относительно устойчивая система способов, методов и форм воздействия руководителя на подчиненных в соответствии с поставленной целью, своеобразный почерк работы с людьми, присущий определенному руководителю. В этом почерке проявляются индивидуальные черты характера, особенности темперамента руководителя, его организаторские способности в достижении намеченных целей [Военно-социальное управление 2010]. То есть стили руководства можно рассматривать еще и как устойчивую совокупность черт и свойств управленческой деятельности. Стиль управленческой деятельности – не теория, не совокупность умозрительных приемов, не помыслы и чувства управленцев, а их проявление, реализация. Одни и те же идеи, способы, методы, приемы могут быть применены на практике в различных вариантах.

Стиль присущ как деятельности отдельного человека, так и деятельности группы, коллектива, как деятельности руководителя, так и исполнителя. Добавим к этому, что один и тот же человек может одинаковую работу выполнять разными стилями или разные работы – одним стилем. Но характерным для деятельности личности, коллектива принято считать устойчиво повторяющиеся ее особенности, свойства, черты.

По мнению Т. Парсонса, все социальные акты целенаправлены и ориентированы на будущее состояние процессов и явлений [Парсонс 2018]. Иными словами, любая деятельность, в том числе и социальное управление, имеет направленность на результат. По результатам, а не по намерениям судят о направленности всякого труда. Управленческая деятельность командиров направлена на реализацию конкретных функций управления социальными процессами

в воинском коллективе. К числу таковых относятся: функция сплочения коллектива; функция укрепления воинской дисциплины; функция повышения эффективности воспитательного воздействия и учебного процесса; функция морального стимулирования служебной деятельности подчиненных.

Социальные свойства стиля управления

Характерным свойством стиля управления социальными процессами является направленность деятельности. Направленность определяется тем, чьи интересы и потребности удовлетворяют достигаемые результаты управления, какова их полезность, для кого, в чем, где, когда, насколько результаты управления социальными процессами сообразуются с поставленными задачами, с требованиями жизни подразделения.

Направленность управления может иметь очень широкий диапазон: от полезности результатов управления до их вредности, от результатов, удовлетворяющих личные потребности управленца, до их большого общественного значения, от результата, соответствующего цели – до работы ради работы.

Говоря о характере направленности управления социальными процессами, необходимо учитывать не только конечный результат управленческой деятельности, но и результаты на стадиях прогнозирования и проектирования, определения объекта воздействия, планирования, а также на стадии непосредственного воздействия на управляемый объект.

Следовательно, направленность – это отражение не одного какого-то конкретного результата управленческой деятельности, а определенная их совокупность. Направленность стиля социального управления – это достижение такого состояния социального процесса, которое дает необходимые и возможные результаты. И огромная ответственность при этом ложится на субъект управления социальными процессами, поскольку принимаемые решения в этой области неминуемо окажут влияние не только на ближайшее, но и на отдаленное будущее [Бондаренко 2009].

Управленческая деятельность характеризуется не только направленностью, но и тем, как эти результаты достигаются, на каком профессиональном уровне осуществляется управление.

Профессиональный уровень управления социальными процессами в воинских коллективах представляет собой совокупность состояний обоснованности управленческих работ, их организованности, системности, целесообразности, технической оснащенности, директивности, эффективности и т. д. Диапазон показателей основных черт профессиональности социального управления достаточно широк. Так, уровень организации управленческой деятельности может быть в пределах от ее явной неорганизованности до научной организации процесса управления.

Реальные показатели профессионального уровня управления, осуществляемого конкретным должностным лицом или группой лиц, и составляет вторую сторону стиля их деятельности. Если состояние направленности характеризует управленческую деятельность со стороны ее результатов, то профессиональный уровень характеризует сам процесс социального управления.

Показатели, характеризующие профессиональный уровень управления социальными процессами совпадает с соответствующими социальными нормативами. Речь идет о научной обоснованности осуществляемых мер, о соответствии используемых средств и методов намеченным целям, о научной организации и высокой культуре управленческого труда, об использовании во всех стадиях управления новейших достижений науки и передовой практики, об оптимальном сочетании коллегиальности и единоначалия, о постоянном контроле исполнения, о проверке результативности деятельности и т. д.

Не менее важной стороной стиля является нравственное состояние управления социальными процессами в воинских коллективах. Нравственность управления – это особая характеристика как управленческой деятельности, так и ее результатов. Нередко бывает, когда сам по себе результат кажется бесспорно полезным, что же касается его достижения, процесса решения задачи, то они оказываются до преступности вредными, унижающими честь и достоинство людей, разлагающими их сознание, нравственные устои.

Нравственность управления – это не только его безвредность или вред, но и продуктивность самого процесса управленческой деятельности, ее привлекательность или непривлекательность, удовлетворенность или неудовлетворенность и т. п. Из содержания нравственности социального управления вытекает, что эта особенность

управленческой деятельности не менее важна, чем характер ее направленности и уровень профессионализма при ее осуществлении.

Каждый стиль, каким бы гармоничным он ни был, дает хорошие результаты только при определенных условиях.

Стилеобразующие факторы социального управления

Стиль социального управления, как и каждая из его сторон, обусловлен объективными и субъективными факторами. Проблема стилеобразующих факторов является не столько теоретической, сколько практической. Чтобы влиять на стиль управления социальными процессами, необходимо знать стилеобразующие факторы.

К объективным факторам, образующим стиль и влияющим на него, относятся: закономерности, принципы и методы, используемые в социальном управлении; цели управленческой деятельности; поставленные задачи; условия управления данным конкретным социальным процессом; технические, временные, организационные, ресурсные возможности; подготовленность исполнителей и др. В зависимости от того, что представляет собой каждый из перечисленных факторов и их совокупность, определяется во многом стиль управленческой деятельности. Вряд ли можно говорить об одном и том же стиле управления, если в одном случае используются все основные закономерности, принципы и методы управления, а в другом закономерности не учитываются, многие требования принципов не выполняются, а в сферах управления используются только случайные методы.

Среди стилеобразующих факторов решающими, играющими главную роль являются факторы субъективные. В. И. Веремчук и М. В. Барановский считают, что качества руководителя определяются стилем руководства. К ним можно отнести: личностные качества, статусные (должностные) качества, институциональные качества [Веремчук, Барановский 2014].

Подобный трехкомпонентный подход наиболее применим к социологическому изучению стилеобразующих управленческих качеств офицера. Целесообразно в стиле управления социальными процессами выделить следующие качества:

– профессиональные качества – «совокупность социальных, психических, психофизических свойств личности, необходимых для успешного овладения профессией военного и эффективного функционирования

в военно-социальной среде» [Крутилин 2011, с. 213]. Наряду с такими общечеловеческими качествами, как патриотизм, трудолюбие, порядочность, честность, справедливость, военный руководитель должен обладать особенными характеристиками управленца, командира, поскольку такого рода деятельность является преобладающей при исполнении служебно-должностных обязанностей. К числу таковых, относятся дисциплинированность, пунктуальность, примерность, образцовость, образованность, компетентность, работоспособность, сообразительность, справедливость, речевая культура и т. д.;

– статусно-должностные качества – «совокупность прав, привилегий и обязанностей офицера в воинском коллективе и военной организации в целом, служат основанием его оценки как общественного существа» [Крутилин 2011, с. 214]. К ним относятся, как любовь к профессии, властность, требовательность, организаторские способности, умение учитывать общественное мнение, командирский голос, управленческая культура, уважение личного состава и д. р.;

– личностные качества – «совокупность индивидуально-своеобразных и социально-типичных черт, устойчивых состояний и свойств, предопределяющих поведение личности» [Туранин 2015, с. 247]. Ведущее место среди них занимает интеллект, характеризующий умственные способности и развитие личности, смелость, мужество, решительность, верность, преданность, надежность, нравственность, чувство юмора, чувство собственного достоинства, забота о подчиненных, здоровье, представительность, открытость.

Для успешного управления социальными процессами в подразделении необходимо сосредоточиться на формировании у офицеров подобных управленческих качеств.

К субъективным факторам, воздействующим на стиль социального управления, относится соблюдение правил использования принципов и методов управленческой деятельности. Такими правилами являются: целесообразность и конкретность применения, системность и постоянство, строгость и точность, творческое использование средств и методов управления и др.

Очевидна важность как самих этих правил, так и их соблюдения. Можно иметь большой арсенал средств и методов управления, знать их, но не уметь ими распоряжаться. Такая ситуация существенно повлияет на стиль, снизит уровень направленности, профессиональности и нравственности социального управления.

Рассмотрев основные компоненты социального управления, представляется возможным определить стиль управления социальными процессами, как обусловленная объективными и субъективными факторами, устойчивая совокупность характерных особенностей направленности, профессиональности и нравственности управленческой деятельности. Такой взгляд на сущность стиля управления делает направленность, профессиональность и нравственность управления научно обоснованными, а самоуправление социальными процессами поднимает на уровень искусства.

В. Ф. Бондаренко в социальном управлении выделяет две стороны: теоретико-познавательную и управленческую. Вторая связана с возможностью применения на основе разработанных теорий управленческих решений [Бондаренко 2009]. Чтобы на высоком уровне осуществлять управление социальными процессами в воинских коллективах, важно прежде всего овладеть теорией стиля. Вооружение военных руководителей этой теорией является актуальной проблемой военных учебных заведений, военных социологов, командиров и заместителей командиров по военно-политической работе. Актуальность этой проблемы подтверждается исследованием.

Анализируя отношение офицеров к значимости профессиональных качеств командира (каким он должен быть в качестве образца) и самооценку уровня сформированных качеств в самом себе, можно прийти к следующим выводам: офицерский корпус предъявляет достаточно высокие требования к профессиональным качествам офицера. Больше половины респондентов (59 %) оценивают значимость профессиональных качеств командира в его управленческой деятельности как безусловно высокую, выше среднего – каждый четвертый (24 %) и среднюю – каждый десятый (10 %). При рассмотрении фактического уровня своих профессиональных качеств офицеры явно понизили оценочный рейтинг баллов: каждый третий – выставил себе высокий балл (33 %), почти половина – выше среднего (44 %) и каждый десятый – средний (12 %). Как видим, имеет место существенный разрыв между идеальным образом (каким его представляют себе командиры) офицера-профессионала и его реальным состоянием.

Такой разрыв в оценке военно-профессиональных качеств командира свидетельствует, с одной стороны, о взвешенном, самокритичном и серьезном подходе офицеров к оценке своих профессиональных

качеств, с другой – предполагает широкое поле деятельности для офицеров по дальнейшему совершенствованию своей военно-профессиональной подготовки и профессиональных качеств.

Сравнительный анализ оценочных суждений офицеров о значимости различных качеств, необходимых командиру в его управленческой деятельности (образованность, компетентность, любовь к профессии, управленческая культура, волевые качества, требовательность, примерность и образцовость, общий культурный уровень, справедливость и др.) показал, что при описании идеального образа офицера-управленца они оценили их следующим образом: высоким баллом – больше половины респондентов, выше среднего – каждый третий и каждый десятый – средним.

Заключение

Введение в практику идей стиля социального управления является актуальной проблемой для органов военного управления всех уровней. Ее разрешение предполагает не только заботу о теоретической вооруженности должностных лиц воинских коллективов по вопросам стиля управления, но и формирование у них необходимых социально-политических, профессионально-организаторских, нравственно-психологических качеств, создание условий как для овладения теорией стиля своей управленческой деятельности. Все эти задачи могут решаться в рамках соответствующей организации, с использованием общеизвестных форм и методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко В. Ф. Социология военного управления : учеб. пособие. М. : Военный университет, 2009. 192 с.

Веремчук В. И., Барановский М. В. Социологический анализ социальных отношений доверия в воинских подразделениях Вооруженных сил Российской Федерации // Военный академический журнал. 2014. № 4. С. 94.

Военно-социальное управление: практикум : учеб. пособие. М. : Военный университет, 2010. 344 с.

Крутилин Д. С. Имидж офицера-руководителя современных Вооруженных Сил Российской Федерации (социологический анализ) : дис. … канд. соц. наук, М., 2011. 241 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия : пер. с англ. М. : Академический проект, 2018. 435 с.

Туранин В. Ю. Качества личности современного выпускника высшей школы: типология и механизмы формирования // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 2 (6). С. 247.

Чертополох А. А. Военно-социальная работа : учеб. пособие. М. : Военный университет, 2012. 380 с.

Социологический словарь / авт.-сост. А. В. Скрыпников [и др.]. ; под ред. д-ра истор. наук, проф. А. В. Скрыпникова. М. : Научная библиотека, 2017. 461 с.

Социологический энциклопедический словарь / редактор-координатор академик РАН Г. В. Осипов. М. : НОРМА, 2000. 488 с.

REFERENCES

Bondarenko V. F. Sociologija voennogo upravlenija : ucheb. posobie. M. : Voennyj universitet, 2009. 192 s.

Veremchuk V. I., Baranovskij M. V. Sociologicheskij analiz social'nyh otnoshenij doverija v voinskih podrazdelenijah Vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2014. № 4. S. 94.

Voenno-social'noe upravlenie: praktikum : ucheb. posobie. M. : Voennyj universitet, 2010. 344 s.

Krutilin D. S. Imidzh oficera-rukovoditelja sovremennyh Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii (sociologicheskij analiz) : dis. … kand. soc. nauk, M., 2011. 241 s.

Parsons T. O strukture social'nogo dejstvija : per. s angl. M. : Akademicheskij proekt, 2018. 435 s.

Turanin V. Ju. Kachestva lichnosti sovremennogo vypusknika vysshej shkoly: tipologija i mehanizmy formirovanija // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2015. № 2 (6). S. 247.

Chertopoloh A. A. Voenno-social'naja rabota : ucheb. posobie. M. : Voennyj universitet, 2012. 380 s.

Sociologicheskij slovar' / avt.-sost. A. V. Skrypnikov [i dr.]. ; pod red. d-ra istor. nauk, prof. A. V. Skrypnikova. M. : Nauchnaja biblioteka, 2017. 461 s.

Sociologicheskij jenciklopedicheskij slovar' / redaktor-koordinator akademik RAN G. V. Osipov. M. : NORMA, 2000. 488 s.

УДК 316, 355.1

Т. А. Терешонок

младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра (социологического, Вооруженных Сил Российской Федерации);
e-mail: tanyusha.tereshonok@gmail.com

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ УЧЕБНОГО И ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ

В статье обосновывается необходимость комплексного внедрения результатов социологических исследований в практику принятия управленческих решений руководством военных вузов, в частности в деятельность офицеров военно-политических органов. Выделяются и описываются особенности социально-психологической атмосферы в курсантском коллективе, раскрываются факторы адаптации будущих офицеров к военно-учебным условиям. Дается краткая историческая справка становления и развития военной социологии. Особое внимание обращается на деятельность Научно-исследовательского центра (социологического, Вооруженных сил Российской Федерации).

Ключевые слова: военная социология; социологическое исследование; Вооруженные силы; учебный процесс; воспитательный процесс; офицеры; курсанты; военный вуз; военно-политические органы; Научно-исследовательский центр (социологический, ВС РФ).

T. A. Tereshonok

Junior Researcher, Scientific Research Center (Sociological) Armed Forces of the Russian Federation; e-mail: tanyusha.tereshonok@gmail.com

SOCIOLOGICAL SUPPORT OF THE EDUCATIONAL AND ENTIRE PROCESS OF CADETS OF HIGHER MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article substantiates the need for integrated implementation of the results of sociological research into the practice of making management decisions by the leadership of military universities, in particular, in the activities of officers of military-political bodies. The features of the socio-psychological atmosphere in the cadet team are identified and described, and factors for the adaptation of future officers to military training conditions are revealed. A brief historical background of the formation and development of military sociology is given. Particular attention is paid to the activities of the Research Center (Sociological, Armed Forces of the Russian Federation).

Key words: military sociology; sociological research; Armed Forces; educational process; entireprocess; officers; cadets; military high school; military-political bodies; Research Center (sociological, Armed Forces of the Russian Federation).

CC BY

Введение

Особенности современного развития Вооруженных сил Российской Федерации проявляются в высоких требованиях к профессиональным и общечеловеческим качествам военнослужащих. Офицерская служба – это особая духовная философия, пример служения Отечеству и интересам его защиты [Картаполов 2019].

В 2018 году было создано Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил Российской Федерации. Заместитель Министра обороны Российской Федерации Андрей Картаполов на вводной лекции в Военном университете сказал, что главная цель создания военно-политических органов – «формирование воина-государственника – надежного и преданного защитника Отечества, носителя традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества – государственности, духовности и патриотизма» (*ТАСС 01.09. 2018*).

В связи с этим в армии и на флоте, в том числе и в военных вузах были введены новые должности – заместители командира полка (корабля 1-го ранга), батальона, роты, эшелона и гарнизона по военно-политической работе. Военнослужащие, находящиеся на данных должностях, являются прямыми начальниками для всего личного состава и отвечают за формирование высоких военно-профессиональных, боевых, морально-политических и психологических качеств. Вместе с тем в зоне ответственности заместителя командира по военно-политической работе осведомленность о наркотической обстановке, случаях правонарушения и девиантного поведения внутри личного состава (*ТАСС 01.09. 2018*).

По словам заместителя начальника 1-го управления Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации Валентина Клюжева, воспитательное воздействие в военных вузах должно базироваться на уважении и доверии к личности курсанта. Нельзя допускать грубость, хамство, унижение человеческого достоинства в любых проявлениях, от кого бы они не исходили. Весь уклад жизни должен формировать у будущего офицера сознательное отношение к воинскому долгу [Клюжев 2019].

Особое значение в свете новых условий приобретает разработка эффективных путей, направленных на совершенствование учебного и воспитательного процесса курсантов военных учебных заведений Министерства обороны РФ, в частности качественное повышение их

мотивации к учебе и дальнейшему прохождению военной службы. Для того чтобы разработать данные меры, следует обладать соответствующей актуальной информацией, необходимой для принятия своевременных управленческих решений, получение которой во многих случаях осуществляется путем проведения военно-социологических исследований.

Сущность и историческая справка военной социологии

Военная социология – одна из отраслей социологической науки, ее основой выступает гуманитарная концепция строительства военной организации, где человек выступает главным субъектом вооруженной борьбы. Основной задачей военной социологии является создание благоприятных условий для полноценного существования и трудоспособности военнослужащих, поддержание и своевременное возобновление физических и духовных сил. Вместе с тем данная наука рассматривает военную организацию страны как социальный институт с определенными закономерностями жизнедеятельности, включая ее взаимодействие с другими социальными объединениями и обществом в целом, а также социальные процессы и межличностные отношения внутри самой военной организации [Певень 2003].

Впервые систематические работы военных социологов, посвященные исследованиям социальных процессов и явлений, протекающих в воинских коллективах, появились в XX в. В 1920–1930-х гг. в Красной армии начали проводиться широкомасштабные социально-статистические обследования войск, изучающие военно-социальные процессы. Большое внимание в данный период получили исследования, связанные с молодым пополнением войсковых соединений и курсантами и слушателями военных школ [Сергеев 1990]. В 1965–1970 гг. социологические исследования начали активно внедряться в органы военного управления и управленческую систему военно-учебных заведений, в этот период создавались нештатные социологические подразделения [Образцов 1998].

Деятельность Научно-исследовательского центра (социологического, Вооруженных сил Российской Федерации)

Особо значимым событием в истории военной социологии стало образование Научно-исследовательского центра (социологического,

Вооруженных сил Российской Федерации) (*далее* НИЦ (с, ВС РФ)) в 2002 г., который на сегодняшний день является единственной штатной социологической структурой в Вооруженных силах Российской Федерации. НИЦ (с, ВС РФ), осуществляет мониторинг социальных процессов в армии и на флоте в целях разработки научно-обоснованных предположений для Министерства обороны РФ, Главного военно-политического управления ВС РФ, и в целом для Вооруженных сил Российской Федерации.

В своей научной деятельности НИЦ (с, ВС РФ) опирается на социологические отделения в войсках, созданные 1 июля 2013 года при управлениях по военно-политической работе в военных округах.

Для обеспечения высокого качества проведения социологических исследований, они проходят в плановом порядке [Певень 2019].

Одной из постоянных задач, выполняемых лабораториями НИЦ (с, ВС РФ), является социологическое сопровождение учебного и воспитательного процесса курантов высших военных учебных заведений.

Адаптация курсантов первого курса к условиям военного вуза

Успешная адаптация курсантов первого курса к условиям военного вуза способствует развитию у них военно-профессиональных качеств, повышению эффективности выполнения боевых задач будущими офицерами, а также имеет большое значение для дальнейшего совершенствования функционирования Вооруженных сил РФ [Красноголова 2012].

Процесс обучения в вузах Министерства обороны тесно связан не только с учебными занятиями, но и с выполнение курсантами служебных обязанностей и условиями быта. Кроме того, курсантский коллектив отличается своей специфической социально-психологической атмосферой, которая включает в себя в первую очередь отношения курсантов между собой и с командирами, а также обычаи и традиции. В военном коллективе курсант берет на себя различные социальные, нравственно-практические профессиональные роли с проявлением индивидуальных черт характера, образа мышления, особенностей чувств, настроений, состояний и т. д. [Савенкова 2006].

В целом социально-психологическая адаптация в военном коллективе – это процесс вступления человека во внутригрупповую систему отношений и приспособление к ней, сопровождающийся выработкой

свойственных ей стандартов мышления и поведения, отражающих ценности и нормы конкретного военного коллектива.

Процесс адаптации обучения в военном учебном заведении затрагивает все аспекты функционирования личности и его протекание зависит как от личностных факторов курсанта, так и от объективного и субъективного воздействия.

К личностным факторам относятся:

– факторы личностного развития курсанта до начала учебного процесса в военном вузе (дисциплинированность, уровень базовой подготовки);
– восприятие курсантом учебного процесса (специально отведенные часы для занятий и самоподготовки, периодические отрывы от учебы, отсутствие возможности постоянного использования интернет-ресурсов);
– факторы внеучебной деятельности (приспособление к строгому армейскому распорядку дня, ограничения свободного выхода за территорию вуза);
– социально-бытовые (переезд на новое место жительства).

Объективные воздействия возникают под влиянием потребностей общественного развития и включат в себя факторы, оказывающие влияние на мотивацию курсантов в независимости от предпочтений, потребностей и деятельности их самих, а также конкретных должностных лиц учебного заведения. К ним относятся деятельность офицеров, психологов, социологов [Грабовский 2007]. Остановимся подробнее на деятельности социологов.

Социологическое сопровождение учебного и воспитательного процесса курсантов

С 2009 г. НИЦ (с, ВС РФ) ежегодно проводятся социологические исследования, связанные с адаптацией, мотивацией, ценностями, удовлетворенностью учебным процессом, военно-профессиональной ориентацией курсантов, а также сплоченностью учебных воинских подразделений. Стоит указать на то, что Инструментарий сбора социологической информации для младших и старших курсов различен. Обязательным условием обеспечения репрезентативности выборки данного исследования является то, что в ней должны быть представлены военные вузы, расположенные в разных регионах страны.

Рис. 1. Основные причины выбора курсантами первых курсов вузов МО РФ (в %) [Ромахин 2017]

Исследование включает в себя следующие блоки:

– нравственные качества курсантов;
– индивидуально-психологические особенности военнослужащих;
– характер межличностных отношений в конкретном воинском коллективе;
– удовлетворенность курсантов условиями военной службы и учебно-воспитательным процессом;
– социальные факторы, влияющие на успешность адаптации военнослужащих;
– эффективность профессиональной подготовки при исполнении служебных обязанностей;
– стремление курсантов к прохождению дальнейшей военной службы.

В каждой анкете присутствует открытый вопрос, и у курсанта есть возможность донести информацию до руководства МО РФ по вопросам деятельности своего вуза.

[1] Сумма ответов превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос.

Для примера обратимся к некоторым результатам одного из социологических исследований НИЦ (с, ВС РФ) «Военно-профессиональная ориентация и мотивация курсантов первого курса военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации» [Ромахин 2017]. Всего было опрошено 1324 курсанта I курса в 13 вузах МО РФ.

Большинство курсантов (74 %) первых курсов опирались при поступлении в вузы МО РФ на военно-профессиональный мотив – желанием в будущем стать офицером (см. рис. 1).

Практическая польза военно-социологических исследований в военно-учебном процессе курсатов

Недостаточное внимание к изучению данных вопросов и игнорирование результатов социологических исследований может привести к трудностям, возникающим в военно-учебном процессе, что может послужить причиной деформация личности военнослужащего, как в психологическом, так и нравственном плане. Наряду с этим могут возникнуть и групповые проблемы:

– нарушение взаимодействий (деловых, моральных, личных) между курсантами и их группами, а также курсантами и командным составом;
– ослабление уровня коммуникации в процессе служебной деятельности;
– разрушение устоявшихся нравственных ценностей воинского коллектива;
– увеличение военнослужащих, настроенных к выбору ложных асоциальных и антиармейских групповых ориентиров;
– недостаточная укомплектованность квалифицированными педагогическими кадрами, знакомых со спецификой воспитательной работы в войсках и имеющих достаточный опыт работы;
– дефицит в военных учебных заведениям технических средств воспитания.

Накопление личностных и коллективно-групповых проблем может повлечь снижение эффективности службы курсантов, что может привести к ошибкам и авариям, а также проступкам и преступлениям [Александров, Глушко 2007].

Выводы

Так, социологические исследования направлены на совершенствование и оптимизацию системы мотивирования и стимулирования курсантов военных вузов к дальнейшему прохождению военной службы. На основе результатов исследований разрабатываются направления социально-психологической поддержки курсантов и научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию военно-управленческого воздействия на процесс адаптации и мотивации курсантов [Дубограй 2008].

В целом, роль социологического сопровождения образовательной деятельности военного вуза можно резюмировать в следующих положениях:

– разработка прогноза и практических рекомендаций по эффективности адаптационного процесса абитуриентов на основе выявленных социально-психологических особенностей курсантов, связанных с успешностью их адаптации;
– определение уровня адаптации и мотивации к дальнейшему прохождению военной службы в конкретном воинском коллективе;
– выявление проблем в учебном и воспитательном процессе, в том числе проблем, связанных с взаимоотношениями, как между курсантами, так и между курсантами и командованием;
– определение основных социальных факторов, влияющих на успешность адаптации военнослужащих;
– обобщение российского и зарубежного опыта регулирования процесса адаптации и мотивации будущих офицеров и изучение возможностей его применения к тому или иному военному вузу.

Таким образом, использование в управленческой деятельности результатов социологических исследований может способствовать повышению в военной организации общего уровня морально-психологической атмосферы, налаживанию нравственно здоровых взаимоотношений, предотвращению и разрешению конфликтных ситуаций, из чего можно сделать вывод, что практика военного управления должна учитывать фундаментальные и прикладные достижения современной военной социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров А. Н., Глушко А. А. Социально-психологическая адаптация военнослужащих, проходящих службу по контракту // Военно-социологические исследования / под общ. ред. канд. полит. наук генерал-лейтенанта В. Н. Бусловского. 2007. № 19. С. 55.

Грабовский И. В. Факторы позитивного воздействия на мотивационный компонент морально-психологического состояния курсантов военно-учебных заведений Минобороны России // Военно-социологические исследования / под общ. ред. канд. полит. наук генерал-лейтенанта В. Н. Бусловского. 2007. № 19. С. 16.

Дубограй Е. В. Мотивация будущих офицеров-воспитателей / на примере курсантов Новосибирского ВВКУ // Военно-социологические исследования / под общ. ред. канд. полит. наук генерал-лейтенанта А. А. Башлакова. 2008. № 22. С. 15–18.

Картаполов А. В. Приветствие участников конференции «Военно-политическая работа в Вооруженных силах Российской Федерации: теория и практика» // Военно-политическая работа в Вооруженных силах Российской Федерации: теория и практика: сборник материалов научно-практической конференции / под общ. ред. канд. юрид. наук, доцента генерала-лейтенанта И. В. Мишуткина. М. : ВУ, 2019. С. 9.

Клюжев В. А. Подготовка специалистов (кадров) Военно-политических органов Вооруженных сил Российской Федерации // Военно-политическая работа в Вооруженных силах Российской Федерации: теория и практика: сборник материалов научно-практической конференции / под общ. ред. канд. юрид. наук, доцента генерал-лейтенанта И. В. Мишуткина. М. : ВУ, 2019. С. 22.

Красноголова Е. О. Особенность адаптации первокурсников военного вуза // Личность курсанта: психологические особенности бытия: материалы Междунар.науч.-прак. конф. Краснодар : ВУНЦ ВВС «ВВА» : Кубанский гос. ун-т, 2012. С. 104–107.

Образцов И. В. Военная социология в России: история, современное состояние, перспективы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. С. 144–147.

Певень Л. В. Становление и развитие отечественной военной социологии // Военно-социологические исследования. 2003. № 11. С. 4–7.

Певень Л. В. Социологическое сопровождение в Вооруженных силах: практический аспект // Военно-политическая работа в Вооруженных силах Российской Федерации: теория и практика: сборник материалов научно-практической конференции / под общ. ред. канд. юрид. наук, доцента генерал-лейтенанта И. В. Мишуткина. М. : ВУ, 2019. С. 178.

Ромахин А. П. Состояние военно-профессиональной ориентации и мотивации курантов первого курса военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации // Военно-социологические исследования. 2017. № 57.

Савенкова И. Ю. Социометрическая методика оценки взаимоотношений в воинских коллективах // Военно-социологические исследования / под общ. ред. генерал-полковника Н. И. Резника. 2006. № 15. С. 32.

Сергеев В. П. Эмпирические социологические исследования в РККА и РККФ в 20-е годы: состояние, проблемы. Опыт // В. И. Ленин и актуальные проблемы военного строительства : сб. науч. ст. М. : ВПА, 1990. С. 134–154.

REFERENCES

Aleksandrov A. N., Glushko A. A. Social'no-psihologicheskaja adaptacija voenno-sluzhashhih, prohodjashhih sluzhbu po kontraktu // Voenno-sociologicheskie issledovanija / pod obshh. red. kand. polit. nauk general-lejtenanta V. N. Buslovskogo. 2007. № 19. S. 55.

Grabovskij I. V. Faktory pozitivnogo vozdejstvija na motivacionnyj komponent moral'no-psihologicheskogo sostojanija kursantov voenno-uchebnyh zavedenij Minoborony Rossii // Voenno-sociologicheskie issledovanija / pod obshh. red. kand. polit. nauk general-lejtenanta V. N. Buslovskogo. 2007. № 19. S. 16.

Dubograj E. V. Motivacija budushhih oficerov-vospitatelej / na primere kursantov Novosibirskogo VVKU // Voenno-sociologicheskie issledovanija / pod obshh. red. kand. polit. nauk general-lejtenanta A. A. Bashlakova. 2008. № 22. S. 15–18.

Kartapolov A. V. Privetstvie uchastnikov konferencii «Voenno-politicheskaja rabota v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii: teorija i praktika» // Voenno-politicheskaja rabota v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii: teorija i praktika: sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii / pod obshh. red. kand. jurid. nauk, docenta generala-lejtenanta I. V. Mishutkina. M. : VU, 2019. S. 9.

Kljuzhev V. A. Podgotovka specialistov (kadrov) Voenno-politicheskih organov Vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii // Voenno-politicheskaja rabota v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii: teorija i praktika: sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii / pod obshh. red. kand. jurid. nauk, docenta general-lejtenanta I. V. Mishutkina. M. : VU, 2019. S. 22.

Krasnogolova E. O. Osobennost' adaptacii pervokursnikov voennogo vuza // Lichnost' kursanta: psihologicheskie osobennosti bytija: materialy Mezhdunar. nauch.-prak. konf. Krasnodar : VUNC VVS «VVA» : Kubanskij gos. un-t, 2012. S. 104–107.

Obrazcov I. V. Voennaja sociologija v Rossii: istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1998. S. 144–147.

Peven' L. V. Stanovlenie i razvitie otechestvennoj voennoj sociologii // Voenno-sociologicheskie issledovanija. 2003. № 11. S. 4–7.

Peven' L. V. Sociologicheskoe soprovozhdenie v Vooruzhennyh silah: prakticheskij aspekt // Voenno-politicheskaja rabota v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii: teorija i praktika: sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii / pod obshh. red. kand. jurid. nauk, docenta general-lejtenanta I. V. Mishutkina. M. : VU, 2019. S. 178.

Romahin A. P. Sostojanie voenno-professional'noj orientacii i motivacii kurantov pervogo kursa voenno-uchebnyh zavedenij Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii // Voenno-sociologicheskie issledovanija. 2017. № 57.

Savenkova I. Ju. Sociometricheskaja metodika ocenki vzaimootnoshenij v voinskih kollektivah // Voenno-sociologicheskie issledovanija / pod obshh. red. general-polkovnika N. I. Reznika. 2006. № 15. S. 32.

Sergeev V. P. Jempiricheskie sociologicheskie issledovanija v RKKA i RKKF v 20-e gody: sostojanie, problemy. Opyt // V. I. Lenin i aktual'nye problemy voennogo stroitel'stva : sb. nauch. st. M. : VPA, 1990. S. 134–154.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета

Общественные науки

Выпуск 3 (836)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University

Social Sciences

Issue 3 (836)

Выпускающий редактор 3 (836)
доктор философских наук, профессор И. К. Харичкин

Редакторы: М. М. Сингал, Н. Г. Павлова, Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 25.11.2019
Усл. печ. л. 16,3. Формат 60x90/16
Заказ 91/19

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
тел.: (499) 245 33 23; *e-mail*: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология
22.00.00 – Социологические науки
23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна